

МОНАСТЫРСКИЙ ВѢСНИКЪ

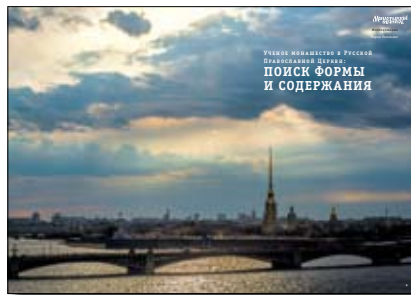
№ 2 [26]
ФЕВРАЛЬ
2016

УЧЕНАЯ
СТЕЗЯ

МАХЪ БѢСА. Прѣвѣнъ бѣхъ.
 ЕМЪ Е' ПОДЪ КЛѢРОМЪ.
 ТЪ, НСНУЧЕННЖЕ БѢТЪ БОГѢ.
 ШИ БОЗКОМЪ МОИСЕЮКА
 ЕКА ГЛА. НЕОБЕРЪЗОВАТИ.
 ОБЫЧЕХЪ БОЧЬСКЪ ХОДИТИ.
 БЛЕ' НАРОДЪ СНИТМСА. ОУСЛЫША
 СИ. СІЕ ОУБѢ ТВОРИ ЕЖЕ ПРИ ГЛЕМЪ.
 ЧЕТЫРЕ ОБЪЩАВШЕ СЕБѢ БѢУ. СІКА
 СНИЛИ БОКДИВИ НАНИХЪ ДА ОБЪЩАЮТСЯ

...ОСОБЕННО ЧАСТО ЗАБЫВАЕТСЯ ТА СТОРОНА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОЧЕСКОЙ, КОТОРАЯ ОСОБЕННО ИХ СБЛИЖАЕТ С АНГЕЛЬСКИМ ИХ ПЕРВООБРАЗОМ, И КОТОРАЯ, В СУЩНОСТИ, ЯВЛЯЕТСЯ САМЫМ СУЩЕСТВЕННЫМ И ВАЖНЫМ. Это – служение Мудрости, Боговедения и Просвещения. Ангелы – зеркала Божественной Мудрости – отражают эту мудрость всем существам. Это светильники, светящие отраженным светом, просвещающие мир, вразумляющие его. Подобно этому и монахи несут и должны нести этот свет, просвещает мир, вразумляет его. Они – вестники и светочи и такими были ВСЕГДА архимандрит Киприан (Керн)

[8] ИССЛЕДОВАНИЕ

Ученое монашество в Русской Православной Церкви: ПОИСК ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

Ученое монашество стало интеллектуально-нравственной задачей для церковного сознания с подачи светских властей. До кардинальных реформ царя Петра I иноки трудились в монастырях, не отрываясь от привычного монашеского быта, круга богослужений и послушаний, научный труд органично входил в число последних. О том, почему эта ситуация изменилась и как она развивалась до советского периода в нашем кратком очерке

| Мария Романова

[6] Официально

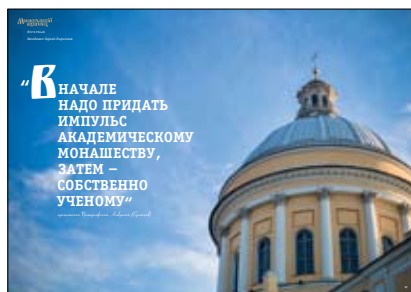

[30] ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

Кузница церковных кадров или краткая история Санкт-Петербургских духовных школ

История духовного образования в Санкт-Петербурге неразрывно связана с историей самого города. Новая столица Российского государства была задумана Петром I как важный стратегический форпост, «окно в Европу». Здесь должны были сконцентрироваться и распространиться по всей Руси передовые идеи и открытия со всей Европы

| Людмила Волкова

[16] ИНТЕРВЬЮ

«В начале надо придать импульс академическому монашеству, затем – собственно ученому»

С архиепископом Петергофским Амвросием (Ермаковым), ректором СПбПДА, журнал «МВ» обсуждает современное состояние академического монашества, что наше ученое иночество может позаимствовать на Западе и Востоке, как монаху отсекаать «административные» соблазны и почему Афон нас еще многому научит

| беседовал Сергей Кириллов

[38] Один день из жизни

Правовая культура матушки Софии

Одна из самых известных обителей града Святого Петра – Воскресенский Новодевичий женский монастырь. Матушка игуменья София (Силина) не только руководит жизнью обители, но и преподает право в Санкт-Петербургской духовной академии. Один день своей насыщенной послушаниями монашеской преподавательской жизни она согласилась провести вместе с нами

| Юлия Гойко

[46] Из первых уст

УЧЕНАЯ СТЕЗЯ

Трудно точно определить, насколько высок процент ученого монашества на сегодняшний момент в Русской Православной Церкви. Множество монахов, ведущих научные исследования, часто «копают» тему, порой интересную лишь узкому кругу специалистов, и результаты их работ не известны широкой аудитории. О двух представителях «ученого сословия» – в рассказе журнала «МВ»

| Алексей Скрипин

[68] Личность

«НЕ ЖАЛЕЙТЕ, А СОРАДУЙТЕСЬ»

На первый взгляд, судьба священномученика архиепископа Илариона (Троицкого) – это трагедия личности, попавшей в исторический шторм революции и гражданской войны. Однако, присмотревшись, мы увидим в ней счастье неутолимой веры и торжество нераздельной Церкви

| Артем Сериков

[80] Отцы Церкви

Учитель догматов

Святитель Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской, вошел в историю как образец выдающегося ученого ума и высокого монашеского подвига. Он оставил в истории Церкви исключительный след: греки, например, до сих пор почитают святителя Василия больше, чем кого бы то ни было из святителей

| Анастасия Михалос

[58] Духовная география

Инкерман. Каменоломни святого Климента

Нет, наверное, в намоленных пределах Руси монастыря более сурового, нежели Инкерманский Свято-Климентовский, духовно-литургическая история которого созидалась первовековыми подвигами христианских мучеников. Его пещеры, выдолбленные в Монастырской скале, свидетельствуют об особом стремлении иноков к отшельничеству, подчас – к исихазму

| Ольга Ковалик

[74] Московские обители

Петровские светила

Когда мы говорим об ученых, то в первую очередь вспоминаются представители естественных наук, таких как физика, химия, математика, биология и т.д. «Гуманитарии» ассоциируются с наукой уже несколько реже, а представители богословских дисциплин до недавнего времени и вовсе признавались «учеными» не всегда (по крайней мере, в нашей стране – на Западе ситуация иная). В столичном Высоко-Петровском монастыре есть своя «доска почета», имена которой точно достойны ученого звания

| Елена Балашова

[92] Archivum

Ангелы, иночество, человечество

Журнал «МВ» публикует речь (в авторской орфографии; с сокращениями), сказанную архимандритом Киприаном (Керном) на годовичном акте Православного Богословского Института в Париже 8-го февраля 1942 года

Родившись на заре христианской истории, монашество стало важной и неотъемлемой частью жизни Церкви. Пока Церковь была гонимой, христиане были исповедниками и даже мучениками, но монашества как организованного образа жизни в ней не было. Когда же гонения прекратились и христианство стало верой императора, окружение правителя последовало его примеру, не всегда, к сожалению, обретая истинную веру во Христа.

И когда прекратилось мученичество, началось монашество. Со слов протопресвитера Георгия Флоровского, люди духа, которые не могли примириться с ослабленным и даже, порой, неискренним христианством, стали уходить — не от мира, не от гонителей, не от язычников, а от своих братьев христиан. Они уходили в пустыню для того, чтобы бороться со всем злом, какое видели в себе, они шли на противоборство с бесовской силой, с человеческой немощью, они шли в пустыню для того, чтобы остаться лицом к лицу с собой и в себе побеждать зло, — не только ради себя самих, но и ради всего мира. Ведь зло, побежденное даже в одном человеке, уменьшает его в масштабе всей вселенной.

Но кроме этой глубоко личной грани монашеского подвига, есть еще и, так называемая, внешняя ее сторона — видимый подвиг, зримый труд, который помогает монаху в его внутренней борьбе. Эти различные стороны монашества, его явственные пути многообразны и разнолики. Даже в пустыне были и отдельные пустынники, и общежительные монастыри, и небольшие группы монашествующих вокруг того или иного наставника. Были те, которые уходили от всех, и те, которые принимали всех. В течение всей истории аскезы были и есть подвижники, внешне ведущие совершенно разный образ жизни, но чей внутренний подвиг похож как две капли воды.

В этом номере нашего журнала мы решили затронуть одну из таких разнообразных сторон видимой жизни монашества — монашество ученое. Эта тема, на необходимость изучения которой недавно особо обратил внимание Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, имеет глубокие корни в отечественной истории Церкви. Несмотря на то, что систематическая богословская наука, а с ней и ученое монашество как особый разряд иночества, в России появились лишь с развитием систематического духовного образования в XVII — XVIII веках, и до этого времени история знала немало ученых монахов — от митрополитов Илариона Киевского и Климента Смолятича до преподобных Иосифа Волоцкого и Максима Грека.

В определенные периоды эта сторона деятельности монашества — образ ученого монаха, монаха-профессора, преподавателя, который во многом отрывается от монастырского образа жизни, уединения кельи и даже братского общения, — вызывала и пристальный интерес, и острые дискуссии, особенно в начале XX века. Последующий большевистский переворот, атеистический режим не позволили ответить на множество поставленных вопросов. И сегодня, на наш взгляд, время вновь обратить внимание на эту сторону монашества, обдумать поднятые еще сто лет назад вопросы и совместно попытаться найти пути их решения. Необходимо помнить, что какой бы критике ни подвергалось ученое монашество, да и любые другие внешние формы иночества (новые, со слов преподобного Силуана Афонского, или забытые старые), подвиг отречения и нераздельной любви к Богу свойственен не одному только определенному образу жизни — он должен быть осуществлен в пределах отдельной человеческой личности, его души, и только потом облачен в какую-либо внешнюю форму.

игумен Петр (Еремеев), наместник Высоко-Петровского ставропигиального мужского монастыря города Москвы

Посещение
Святейшим
Патриархом
Кириллом
библиотеки
Московской
духовной
академии

**ПАТРИАРХ КИРИЛЛ ВРУЧИЛ ОРДЕН
НАСТОЯТЕЛЬНИЦЕ ПОДВОРЬЯ
ПЮХТИЦКОГО МОНАСТЫРЯ В МОСКВЕ
В СВЯЗИ С 80-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

В Неделю 31-ю по Пятидесятнице, 3 января 2016 года, пред Рождеством Христовым, святых отец, день памяти святителя Московского Петра, всея России чудотворца, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил Божественную литургию в Патриаршем Успенском соборе Московского Кремля.

По окончании литургии во внимание к усердным трудам на благо Святой Церкви и в связи с 80-летием со дня рождения Предстоятель Русской Православной Церкви наградил игуменню Филарету (Смирнову), настоятельницу московского подворья Пюхтицкого Успенского ставропигиального женского монастыря, орденом преподобной Евфросинии, великой княгини Московской, I степени, имеющим порядковый номер 1.

**Начал работу официальный
сайт Синодального отдела
по делам монастырей и монашеству
Белорусского Экзархата**

На сайте публикуется информация о деятельности Синодального отдела, представлены справочные материалы о монастырях Белорусской Православной Церкви, публикуются уставы монастырей, правила святых отцов и другая информация, имеющая отношение к монашеской жизни. Адрес портала — <http://monasterium.by>

К тысячелетию русского монашества на Святой Горе Афон

В Успенской Второафонской Бештаугорской мужской обители 12 января 2016 года был открыт обновленный музей монастыря. Это событие стало первым в ряду намеченных в рамках празднования тысячелетия присутствия русского монашества на Святой Горе Афон. Экспозиция музея рассказывает не только о Второафонской Бештаугорской обители, но о всех четырех обителях на Кавказе, основанных насельниками Афона, и потому имеющими в своих названиях упоминание о Святой Горе. В частности, Успенский Второафонский Бештаугорский мужской монастырь основан русскими монахами, выходцами со Святой Горы Афон, в 1904 году на том месте, где, по преданию, в IX веке существовал византийский монастырь. Монастырь был закрыт в 1927 году. Возрождение монастыря началось в девяностые годы. В настоящее время в обители находятся 15 монашествующих во главе со священноархимандритом, архиепископом Пятигорским и Черкесским Феофилактom.

Секция Рождественских Парламентских встреч «Русь и Афон: к 1000-летию русского монашества на Святой Горе» состоялась 26 января 2016 года в здании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Заседание прошло в рамках направления «Традиция. Диалог. Внешние связи» XXIV Международных Рождественских образовательных чтений. Сопредседателями секции были глава Синодального отдела Московского Патриархата по монастырям и монашеству архиепископ Сергиево-Посадский Феогност, первый заместитель председателя Совета Федерации Н.В. Федоров и заместитель председателя Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре С.Е. Рыбаков.

К участию в работе секции были приглашены иерархи и священнослужители Русской Православ-

ной Церкви, представители Поместных Православных Церквей при Московском Патриаршем престоле, ученые, общественные деятели, представители СМИ.

На встрече, посвященной отмечаемому в нынешнем году знаменательному юбилею, обсудили, в частности, вопросы истории русского монашеского присутствия на Афоне, значение Святой Горы в судьбах России, тему русско-афонских связей. Участники дискуссии затронули проблему защиты Святой Горы Афон как уникального места в мире, где присутствуют тысячелетние монашеские традиции. Участники встречи констатировали, что в российской истории на протяжении тысячелетия особое место занимают духовное наследие русского монашества и присутствие выходцев из исторической Руси на Святой Горе Афон; было отмечено его влияние на отечественные образование, науку и культуру, на укрепление и развитие исторических русско-афонских связей. Присутствующие на конференции выступили с призывом ко всем заинтересованным сторонам приложить все усилия по сохранению и защите уникального места в мире — Святой Горы Афон, где присутствуют тысячелетние традиции монашеской республики с ее особенностями, берущими начало с момента основания и до наших дней.

В течение 2016 года планируется провести целую серию торжественных мероприятий как церковно-общественного, так и научно-культурологического характера, посвященных тысячелетнему юбилею присутствия русского монашества на Афоне.

УЧЕНОЕ МОНАШЕСТВО В РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ:

ПОИСК ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

УЧЕНОЕ МОНАШЕСТВО СТАЛО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-НРАВСТВЕННОЙ ЗАДАЧЕЙ ДЛЯ ЦЕРКОВНОГО СОЗНАНИЯ С ПОДАЧИ СВЕТСКИХ ВЛАСТЕЙ. ДО КАРДИНАЛЬНЫХ РЕФОРМ ЦАРЯ ПЕТРА I ИНОКИ ТРУДИЛИСЬ В МОНАСТЫРЯХ, НЕ ОТРЫВАЯСЬ ОТ ПРИВЫЧНОГО МОНАШЕСКОГО БЫТА, КРУГА БОГОСЛУЖЕНИЙ И ПОСЛУШАНИЙ, НАУЧНЫЙ ТРУД ОРГАНИЧНО ВХОДИЛ В ЧИСЛО ПОСЛЕДНИХ. О ТОМ, ПОЧЕМУ ЭТА СИТУАЦИЯ ИЗМЕНИЛАСЬ И КАК ОНА РАЗВИВАЛАСЬ ДО СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА, В КРАТКОМ ОЧЕРКЕ МАРИИ РОМАНОВОЙ

РАЗМЕЖЕВАНИЕ

Формально история ученого монашества в России начинается в 1724 году.

Именно тогда, на закате политической карьеры энергичного реформатора Петра Алексеевича, появилась концепция «чиновного ученого монашества» (зрела она давно). Император своевольно, не оглядываясь на мнение Церкви, разделяет монашеское сословие на два класса: тех, кто становится монахом «для удовольствования немощной совести», и тех, кто принимает монашество «для архиерейства и прочих учителей церковных»¹.

«Неученых монахов» ждала довольно предсказуемая участь: им предписывалось работать при монастырских богадельнях, лазаретах и больницах, присматривать за отставными солдатами, стариками и нищими, «келей особливых не иметь, но чуланы в тех же больницах, жалованье не получать и из монастыря никуда не выезжать»².

Протоиерей Георгий Флоровский рисует неутешительную картину: «В монашестве Петр видел одно только плутовство и тунеядство (...) Наличные монастыри он полагал обратить в рабочие дома, в дома призрения для подкидышей или для военных инвалидов, монахов превратить в лазаретную прислугу, а монахинь в прядильщицы и кружевницы, выписав для того мастериц из Брабанта... «А что говорят молятся, то и все молятся. Что же прибыль обществу от сего»³. Дру-

гое дело — монахи ученые: «сии не для монашества, но ради учения людям и тайн церковных определяются; монашество же им по нужде править только, а к сему служению не нужное, и если возможно, то облегчить их в обещании... ибо тем, которых производит в учителей из монахов, невозможно монашеского правила всего исполнять, но довольно настоящего им дела учиться, а ученым исполнять народу учение»⁴.

Значит ли это, что до XVIII века Русская Православная Церковь не знала ученого монаха?

Д.А. Карпукотмечает: «На Руси (...) миссионерско-просветительские функции были явлены с особой силой. В домонгольский период Киево-Печерский монастырь был не только крупнейшим, но и образцовым духовно-просветительским центром России (...) Литературно-богословская деятельность в истории Древней Руси связана практически исключительно с монашествующими: от митрополита Илариона (XI в.) и митрополита Климента Смолятича (XII в.) до преподобного Иосифа Волоцкого и преподобного Максима Грека (XV—XVI вв.)»⁵.

Необходимо разделять два различных феномена: монастыри как центры просвещения, народного образования и ученое (академическое) монашество как таковое.

В этом контексте точное определение феномену «ученого монашества» дает митрополит Волоколамский Илларион (Алфеев): «В древности все монахи

были в той или иной степени учеными (даже если монахи не умели читать и писать, он мог выучить на слух весь Новый Завет или всю Псалтирь). Сейчас же ученый монах — тот, кто уделяет внимание научной, богословской работе, кто занимается самостоятельным исследованием в той или иной области богословской науки. Не всякий преподаватель духовной школы, принявший монашество, может считаться «ученым монахом»: среди таковых немало людей с начетническим подходом, лишенных научного дара. Архимандрит Киприан (Керн), написавший прекрасную статью об ученом монашестве, говорит о том, что, помимо «ангельского образа», некоторые иноки имеют еще и «помазание науки». Это и есть ученые монахи»⁶.

В XVIII веке Петром I была поставлена конкретная задача: создание класса ученых монахов, из которого только и должны выходить церковные иерархи. Митрополит Илларион (Алфеев) отмечает: «Сформулированная Петром I идея ученого монашества на два последующие столетия стала определяющей в жизни Русской Церкви»⁷. Так, «благодаря» реформаторской политике новой империи, произошел раскол между «монастырским» и «ученым» монашеством, который с того времени остается для нашей Церкви во многом нерешенной проблемой. Примечательно, что в XVIII веке ученое монашество, в отличие от монашества «монастырского», никогда не подвергалось ущемлениям и гонениям. Более того, оно выделилось в привилегированный класс, в руках которого сосредоточилось церковное управление.

«Ученость» в монашестве из «зова сердца», «призвания», «таланта» превратилась в большинстве случаев лишь в необходимый элемент на пути карьерного восхождения. Карьерная цепь выглядела примерно следующим образом: выпуск из духовной академии — постриг; рукоположение в священнический сан и назначение на преподавательскую должность в семинарию или академию — получение должности инспектора или ректора академии; настоятельство в монастыре (как правило, номинальное) — епископская хиротония. Доктор исторических наук, доктор церковной истории Н.Ю. Сухова замечает: «Восхождение по этой духовно-учебной начальственной лестнице делало ученое монашество странниками по разным епархиям, причем смена места происходила иногда довольно быстро: год-два — и повышение с перемещением в новую семинарию или академию»⁸. Начиная со второй половины XVIII и на протяжении всего XIX века епископы не из числа ученых монахов стали большой редкостью. «Именно в эти годы окончательно формируется новый тип «ученого монаха», чаще всего лишенного постоянной обители, а в некоторых случаях вовсе обреченного проводить всю жизнь вне монастырского режима»⁹.

Так, из числа «ученого монашества» полностью вырезался тот пласт иночествующих, которые, не стре-

мясь к внешнему возрастанию в церковной структуре, хотели бы приумножить свой «талант» ученого.

Важно отметить еще одну особенность: на протяжении всей первой половины XVIII века в числе ученого монашества были преимущественно малороссы и представители киевской учености. Именно они становились преподавателями в духовных школах и занимали архиерейские кафедры. «И новые «ученые» монахи латино-киевского типа, (...) навязывавшие и вбивавшие в недоуменные и встревоженные головы эту безжизненную латинскую науку, вряд ли могли кого примирить с упразднением и закрытием старых и богомольных обителей, с замолканием в них службы Божией»¹⁰. Таким образом, латинское влияние в этой среде было чрезвычайно велико. XVIII век, по словам протоиерея Георгия Флоровского, стал временем «вавилонского пленения» Русской Церкви¹¹.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕЛИКОРОССОВ

Ситуация изменилась лишь при Екатерине II. Ректорами семинарий стали Гавриил (Петров) — будущий митрополит Санкт-Петербургский, Платон (Левшин) — впоследствии митрополит Московский, Тихон (Соколов), ставший святителем Воронежским и Задонским.

Митрополит Илларион (Алфеев) отмечает: «Под конец царствования Екатерины II успела сформироваться партия ученых монахов-великороссов, которая существенно потеснила безраздельно правившую до тех пор малороссийскую партию. С умножением числа архиереев-великороссов начало ослабевать латинское влияние в среде ученого иночества и в богословских школах»¹².

Следует подробнее остановиться на личности митрополита Филарета (Дроздова), прославленного Рус-

1. Цит. по: Митрополит Илларион (Алфеев). Православие. Том 1: Синодальная эпоха в истории Русской Церкви.

2. Там же.

3. Георгий Флоровский, прот. Пути русского богословия. IV. Петербургский переворот. <http://www.vehi.net/florovsky/puti/04.html>

4. Цит. по: Митрополит Илларион (Алфеев). Указ.соч.

5. Карпук Д.А. История ученого монашества. Доклад преподавателя Санкт-Петербургской православной духовной академии Д.А. Карпука на Круглом столе «Ученое монашество сегодня: актуальные вопросы и перспективы развития». XXIII Международные Рождественские образовательные чтения. Москва, Высоко-Петровский монастырь, 23 января 2015 года. <http://spbda.ru/publications/istoriya-uchenogo-monashestva/>

6. Неземная радость Православия. Интервью с Епископом Илларионом (Алфеевым). 10.05.2006. Русская народная линия. http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/05/10/nezemnaya_radost_pravoslaviya/

7. Митрополит Илларион (Алфеев). Православие. Том 1: Синодальная эпоха в истории Русской Церкви.

8. Сухова Н.Ю. Ученое монашество в России: научно-богословская деятельность и проблема консолидации. Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. М., 2007. С. 304–325.

9. Там же.

10. Георгий Флоровский, прот. Указ.соч.

11. Там же.

12. Митрополит Илларион (Алфеев). Указ.соч.

За XVIII – XIX столетия в Русской Церкви так и не сложилось, не кристаллизовалось «сословие» ученых монахов; отдельные, пусть и яркие, часто влиятельные фигуры талантливых подвижников науки монашеского звания, не консолидировались в какую-либо устойчивую институциональную форму – будь то орден, отдельный монастырь или братство

ской Православной Церковью в лике святых в святительском чине. Выпускник и преподаватель Троицкой Лаврской семинарии, ректор Санкт-Петербургской духовной академии и профессор богословских наук, он оказал огромное влияние на развитие духовного образования в России. Во время своего ректорства митрополит Филарет выступил с инициативой создания особого монашеского братства при академии. Согласно записке епископа Леонида (Кавелина), владыка Филарет предлагал митрополиту Санкт-Петербургскому Михаилу (Десницкому) учредить научное братство: «Хорошо бы при академической церкви иметь ученое братство человек на 10, которые занимались бы учеными трудами на пользу Церкви. Митрополит Михаил одобрил и предложил написать проект. Я обещал, но день за день, а к весне митрополит Михаил скончался»¹³. Возможно, осуществись это начинание, история русского монашества развивалась бы по несколько иному пути.

Митрополит Филарет начал труд по переводу на русский язык Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, чем приобрел себе множество недоброжелателей. Также будущий святитель составил православный катехизис, по его инициативе началась систематическая работа по переводу и изданию творений святых отцов на русском языке. Митрополит Филарет одной из главных задач духовного начальства считал направление выпускников академий из монашествующих в ученые коллегии, которые главным своим подвигом ставили бы подвиг научно-богословский¹⁴.

«Он едва ли не один нес на своих плечах дело преобразования духовно-учебных заведений в России XIX века: представлял сложные и обширные проекты реформы духовных школ, организовывал порядок классных занятий в академии и семинарии, лично составлял учебные конспекты, рецензировал учебные пособия»¹⁵. Протоиерей Георгий Флоровский отмечал, что Филарет «не боялся пробудить мысль, хотя знал о соблазнах мысли. Ибо верил, что эти соблазны преодолеваются и побеждаются только в творческом делании... Филарет всегда подчеркивал необходимость богословствовать как единственное и незаменимое основание целостной духовной жизни»¹⁶.

Сам святитель говорил: «Конечно, от теории до практики великое расстояние. Знание не есть вера, но путь к ней. Напрасно многие, наскучив учением, оставляют оное, ложно надеясь и без него достигнуть

практики... Учение — свет, а неученье — тьма. А что в нас мало света, так, видно, мы не так учимся. Видно, сеется семя на неочищенной и неприготовленной земле, а потому и плодов не дает. Так надобно винить не учение, а себя»¹⁷.

О значении личности митрополита Филарета для всей Русской Церкви можно судить из слов обер-прокурора Синода А.Н. Муравьева, сказанных после кончины святителя: «Мы лишились великого светильника и поборника православия, который, не будучи патриархом по сану, был для нас как истинный патриарх, ибо он решал все трудные вопросы церковные по данной ему свыше премудрости, и долго будет Церковь Русская чувствовать сие мнение»¹⁸.

ВЫТЕСНЕНИЕ МОНАШЕСТВУЮЩИХ

Н.Ю. Сухова считает, что реформа духовной школы начала XIX в. (1800–1814 гг.) стала определенным рубежом в истории учёного монашества¹⁹. До начала XIX в. духовное образование находилось практически исключительно в руках монашествующих, но ситуация коренным образом меняется с учреждением четырехступенчатой модели духовного образования. Только монашествующих для заполнения возросшего профессорско-преподавательского штата уже не хватало. Стали привлекаться представители белого духовенства и лица без сана. Кроме того, все меньшее число выпускников академий стало принимать монашеский постриг. В столичной духовной академии в период ректорства протоиерея Иоанна Леонтьевича Янышева, на протяжении двадцати лет, не было ни одного студенческого пострига²⁰. Со временем эта ситуация изменилась, но постепенно светские преподаватели практически полностью вытеснили монашествующих и белое духовенство из преподавательской среды.

13. Цит.по: Карпук Д.А. Указ.соч.

14. См.: Сухова Н.Ю. Указ.соч.

15. Митрополит Илларион (Алфеев). Указ.соч.

16. Георгий Флоровский, прот. Указ.соч.

17. Цит.по: Митрополит Илларион (Алфеев). Указ.соч.

18. Цит.по: Смолич И.К. История Русской Церкви. § 9. Святейший Синод и церковная политика правительства (1817–1917). http://krotov.info/history/18/general/smolich_5.htm

19. Сухова Н.Ю. Указ.соч.

20. Там же.

В 1913–1914 гг. среди преподавателей духовных академий числилось 19 монашествующих (включая четырех епископов-ректоров), в духовных семинариях — 39, в духовных училищах — 22. Всего, таким образом, на духовно-учебном поприще трудилось 80 ученых монахов²¹. В духовных академиях во второй половине XIX — начале XX вв. профессорско-преподавательские корпорации на 80–90 % состояли из мирян, что вызывало тревогу у представителей высшей церковной власти²².

«Вакантными» для монашествующих оставались только административные должности — ректора и инспектора. Естественно, что тенденция разделения некогда единого и цельного русского монашества, бравшая свой отсчет с революционных преобразований Петра Алексеевича, в этой атмосфере усиливалась. Как замечает архимандрит Киприан (Керн), «появляется типичное деление: «Вы — ученые, ну а мы уж — толченые», и, конечно, толченость понимается как необходимый плюс к спасению, а учёность как прямое препятствие»²³.

Резолюция съезда

Еще одной важной исторической вехой на пути осмысления и решения проблемы «ученых и толченых» стал Съезд ученого монашества, состоявшийся с 7 по 14 июля 1917 года по благословию Святейшего Синода в Московской духовной академии. Конференция, собравшая около 70 монахов, вынесла несколько принципиальных проектов решений. Среди них — создание братства ученых монахов, которое должно иметь свои монастыри и учебные заведения. Профессорско-преподавательскую корпорацию духовной академии предлагалось сделать исключительно монашеской.

Активным сторонником подобной реформы был епископ Феодор (Поздеевский), который держался идеала строго монашеского, аскетического учебного заведения. 30 человек (19 против, остальные воздержались) проголосовало за предложенную им резолюцию: «Съезд ученого иночества считает необходимым, чтобы церковный собор в ограждение чистоты православно-богословской науки от той опасности, которая угрожает ей при реформе академий на началах автономности, оставил хотя одну из существующих академий не затронутой этой реформой, реорганизовав ее на началах строго церковных в смысле устава дисциплины и быта и обеспечив ее профессорами из лиц священного сана (преимущественно монашествующих), а равно и мирян строго церковного настроения, и сделал ее органом проявления деятельности братства»²⁴.

Против этой резолюции проголосовали профессор Московской духовной академии архимандрит Иларион (Троицкий) и иеромонах Варфоломей (Ре-

Митрополит Филарет (Дроздов)

Епископ Феодор (Поздеевский)

Митрополит Антоний (Храповицкий)

СЕЙЧАС ЖЕ УЧЕНЫЙ МОНАХ – ТОТ, КТО УДЕЛЯЕТ ВНИМАНИЕ НАУЧНОЙ, БОГОСЛОВСКОЙ РАБОТЕ, КТО ЗАНИМАЕТСЯ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ ИССЛЕДОВАНИЕМ В ТОЙ ИЛИ ИНОЙ ОБЛАСТИ БОГОСЛОВСКОЙ НАУКИ. НЕ ВСЯКИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ, ПРИНЯВШИЙ МОНАШЕСТВО, МОЖЕТ СЧИТАТЬСЯ «УЧЕНЫМ МОНАХОМ» *митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев)*

мов), которые придерживались следующего мнения: «Считая желательным, чтобы церковная власть организовала одну духовную академию с особым уставом, определяющим ее управление и быт на строго церковных началах, не находим, однако, никакой возможности согласиться с принятой съездом резолюцией. Особая академия в резолюции предлагается "в ограждение чистоты православно-богословской науки от той опасности, которая угрожает ей при реформе академии на началах автономности". В этих словах резолюции выражено осуждение существующих академий, совершенно ими не заслуженное, потому что считать профессоров академий врагами православной веры нет каких-либо достаточных оснований. История академической науки вообще заставляет с большой осторожностью бросать профессорам академий обвинение в неправославии, так как общеизвестны факты, когда положения ученых работ, поспешно объявленные вредными для православия, скоро становились общепризнанными истинами. Не грозит какой-либо особой опасностью для православной богословской науки и вводимая в жизнь академическая автономия, потому что деятели академические остаются те же и автономия не сделает их врагами Церкви, какими они не были раньше...»²⁵

Авторы этого суждения также считали, что ученое монашество к тому времени сильно дистанцировалось от богословской науки, а потому особая академия для них — дело непосильное.

НА ПУТИ К РЕШЕНИЮ

Воплощению этой резолюции помешала революция. Русская Церковь боролась за выживание — заниматься созданием отдельной, специализированной академии было некогда.

Стоит отметить своеобразный вклад в развитие ученого монашества митрополита Антония (Храповицкого) — будущего главы РПЦЗ. Еще будучи ректором Казанской духовной академии, он заложил основы иноческого братства преподавателей и студентов, для которого был характерен достаточно высокий нравственный ориентир и стремление к научному поиску. Позже эта модель — точнее даже атмосфера — была воспроизведена во многом в Московской академии. По воспоминаниям современников, владыка Антоний был «фанатично» предан монашеству

и активно призывал к иноческому пути окружающую его молодежь. И хотя впоследствии выяснилось, что с постригом многих из них явно поспешили или даже ошиблись, сам призыв ректора, его горячее желание организовать сплоченное братство ученых монахов повлияли на внутрицерковную дискуссию по этому вопросу.

За XVIII—XIX столетия в Русской Церкви так и не сложилось, не кристаллизовалось «сословие» ученых монахов; отдельные, пусть и яркие, часто влиятельные фигуры талантливых подвижников науки монашеского звания, не консолидировались в какую-либо устойчивую институциональную форму — будь то орден, отдельный монастырь или братство. Находясь в «распыленном» состоянии и не имея узаконенной программы деятельности, они развивались скорее вопреки, нежели благодаря организованным усилиям Церкви.

Советский период, как уже было отмечено, прерывает только начавшееся широкое и гласное обсуждение назревшей проблемы. Церковные и общественные деятели только и успели высказаться на эту тему — дальнейшие события отечественной и мировой истории отодвинули на второй и третий планы решение подобных вопросов.

С конца 80-х годов Русская Церковь начинает возвращаться к жизни без репрессий и гонений, 90-е и 2000-е проходят под знаком активного возрождения, восстановление храмов продолжается. Последние несколько лет Церковь начинает рассматривать фундаментальные вопросы внутреннего устройства, организации общецерковной, епархиальной жизни, в том числе монастырского уклада.

И именно сейчас вновь поднимается вопрос об ученом монашестве. ♦

21. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и в начале XX века. — М.: Вербум-М, 2002. С. 170.

22. Карпук Д.А. Указ.соч.

23. Киприан (Керн), архимандрит. Ангелы, иночество, человечество. Речь, сказанная о. архимандритом Киприаном на годичном акте Православного Богословского Института в Париже 8-го февраля 1942 года в присутствии Ректора Института Высокопреосвященного Митрополита Евлогия.

24. Цит.по: Сухова Н.Ю. Указ.соч.

25. Цит.по: Дамаскин (Орловский), игумен. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Декабрь. — Тверь, 2004. С. 69-155.

“**В НАЧАЛЕ
НАДО ПРИДАТЬ
ИМПУЛЬС
АКАДЕМИЧЕСКОМУ
МОНАШЕСТВУ,
ЗАТЕМ —
СОБСТВЕННО
УЧЕНОМУ**”

архиепископ Петергофский Аμβросий (Ершаков)

С АРХИЕПИСКОПОМ ПЕТЕРГОФСКИМ АМВРОСИЕМ (ЕРМАКОВЫМ), РЕКТОРОМ СПБПДА, ЖУРНАЛ «МВ» ОБСУЖДАЕТ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО МОНАШЕСТВА, ЧТО НАШЕ УЧЕНОЕ ИНОЧЕСТВО МОЖЕТ ПОЗАИМСТВОВАТЬ НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ, КАК МОНАХУ ОТСЕКАТЬ «АДМИНИСТРАТИВНЫЕ» СОБЛАЗНЫ И ПОЧЕМУ АФОН НАС ЕЩЕ МНОГОМУ НАУЧИТ

Главный урок в жизни

Владыка, расскажите о себе: Ваш путь в Церковь, внутри Церкви. Ваша биография есть в открытых источниках, но всегда интересно узнать, как сам человек рассказывает о своей жизни, какие делает акценты.

Ваш вопрос напомнил мне нашу встречу, тогда ещё студентов Московской духовной академии, с отцом Кириллом (Павловым). Она проходила в актовом зале, на неё собралось много учащихся. И один из участников попросил батюшку рассказать о своей жизни до монашества. Отец Кирилл сказал примерно так: тот человек уже умер для мира, что полезного вспоминать то, от чего давно отрёкся.

Я не о своём пути хотел бы сказать, а о тех людях, которые воодушевили, стали примером. Мой путь в Церковь был простым. Он лишён поиска и борений, поэтому апологет из меня хороший не получился. Он начался прямо с момента крещения в 40-дневном возрасте. Молитвы бабушек: той, что воспитывала оставшуюся в войну сиротой мою маму, племянниц воспитательницы, а также её тёти, монахини Аполлинии, в 12 лет ушедшей в Полоцкий монастырь, — вот то главное, что определило мою судьбу. Это невозможно как-то рационально объяснить, но это то, что переживаешь сердцем всю жизнь и теперь уже благодарной молитвой о упокоении усопших душ. Для меня они, без всякого сомнения, настоящие святые люди...

А ведь монахиню Аполлиналию я никогда не видел, бабушку, воспитавшую маму, помню очень плохо (она умерла, когда мне было 4 года), а вот её племянницы учили своим примером. Все эти люди соблюдали в течение десятилетий строгий пост. Жили как монахини. Одна из них потеряла в войну мужа и троих детей, с тех пор посвятила себя постнической жизни. Эти люди, кроме матушки Аполлинии, не были в постриге, но вели очень строгий подвижнический, по сути монашеский, образ жизни. Среда и пятница, посты — сухоядение. Рыба была на столе крайне редко, мясо — никогда. Главное же — это отношение к людям, к ситуациям, к проблемам. Они всегда сверялись с Евангелием. Молитва была самым главным делом в течение дня, заполненного тяжёлым трудом, в том числе и мужским, который лежал на их плечах.

Я видел, как они молятся! И этот урок был самым главным в моей жизни! А потом Бог посылал мне таких замечательных людей, как архиепископ Иннокентий (Васильев) (ныне — Литовский), протоиерей Иоанн Квятович из Орла, ушедший в мир иной в прошлом году, архимандриты Кирилл (Павлов), Матфей (Мормыль), отец Иоанн (Крестьянкин) — я его никогда не видел, но в его письмах в ответ на мои семинарские я получил те советы, которые помогают мне до сих пор («Покорись беде, а она — тебе!»); конечно же, это мои преподаватели и наставники в духовной

Бог посылал мне таких замечательных людей, как архиепископ Иннокентий (Васильев) (ныне – Литовский), протоиерей Иоанн Квятович из Орла, ушедший в мир иной в прошлом году, архимандриты Кирилл (Павлов), Матфей (Мормыль), отец Иоанн (Крестьянкин) – я его никогда не видел, но в его письмах в ответ на мои, семинарские, я получил те советы, которые помогают мне до сих пор...

архиепископ Петергофский Алевросий (Ермаков)

семинарии и академии, замечательные школы Троице-Сергиевой лавры и Сретенского монастыря, личный пример молитвы и человечности Святейшего Патриарха Алексия.

На Афоне невозможно стать старцем, если прежде у самого монаха не было своего старца. Монашество вообще немыслимо без послушания своему наставнику, через волю которого монах исполняет волю Божию и одновременно не столько через слово, сколько через пример жизни усваивает Святое Предание. Бог привёл меня в жизнь этих людей, и они стали для меня теми цветами, с которых я пытался собрать нектар их молитв и веры. Одновременно каждый из них был для меня наставником, герондой. Сегодня я благодарю Бога за то, что Он познакомил меня с наследником и носителем исихастской афонской жизни — Ватопедским игуменом архимандритом Ефремом, открывающим многим глубину, красоту и суть монашества, в сравнении с которыми блёкнут самые яркие и привлекательные краски мира сего. Бог подарил мне счастье знать таких людей! Вот это и есть самые главные акценты.

Надо ли догонять?

Теперь хотелось бы перейти к Вашей «профессиональной» жизни: с октября 2008 года Вы возглавляете Санкт-Петербургскую православную духовную академию (СПбПДА). Какую Вы тогда выбрали стратегию развития учебного заведения? Какие главные промежуточные достижения Вы бы отметили?

Однажды один из моих любимых современных архипастырей митрополит Лимассольский Афанасий в ответ на рассуждения об обновлении монашества заметил, что схемы (или стратегии) не нужны монашеству — этому живому организму, способному переродиться в самом себе; ему нужно создать правильные условия — дать возможность Богу действовать в жизни монашества! То же я хотел бы сказать и в отношении духовной академии, которую воспринимаю прежде всего как общину нашей Церкви, а не только, и даже не столько, как учебное заведение. Создать все условия для того, чтобы она смогла рождать достойных служителей Христовой Церкви, — это и есть наша общая задача. Но полагаться только

на реформы, стандарты и новые программы считаю неправильным. С точки зрения стратегии развития, наверное, учебный процесс прекрасно организован в протестантских или хороших светских университетах. Но разве это наш путь? В Церкви нужно предоставить место действию благодати Божией. А она никакой избранной стратегией развития не привлекается.

Формальные показатели ещё не говорят о реальных достижениях. К сожалению, теперь светские университеты оцениваются по «бумажным» критериям (наличию документов и правильно оформленных отчётов), а не по реальным плодам. Не хотел бы, чтобы и мы переняли этот плохой пример. О достижениях же будет судить Сам Бог и Его Церковь. Могу сказать, что остаётся ещё немало нерешённых вопросов и проблем, есть и печальные ошибки, а задачи, стоящие перед теми, кто учит, требуют не столько создания рабочих программ, наличия соответствующих степеней и научной работы, сколько примера настоящей евангельской жизни. О достижениях же смогут сказать, наверное, только грядущие поколения, как мы сегодня говорим о тех, кого воспитала наша академия, когда взираем на икону святых и богоносных её выпускников.

Первым системным явлением в ускорении духовного образования становится Славяно-греко-латинская академия, которая во многом пользовалась достижениями западной науки. В целом эта ситуация «догоняющего развития» в образовании — частый упрек. Почему сложилась такая ситуация?

Ну, не все, что на Западе, надо вообще догонять. Конечно, революция 1917 года и последующий за ней XX век отбросили богословскую науку в нашей Церкви далеко назад. А ведь наши дореволюционные профессора до сих пор являются непревзойдёнными. И в то же самое время именно выпускники семинарий и академий становились известными революционерами и советскими деятелями. Почему же так происходило? На мой взгляд, потому, что возможность получить знания (даже не знания, а именно разнообразную информацию) уходила далеко вперёд по сравнению с тем, что мы сегодня называли бы системой воспитания. Воспитание должно быть главным в жизни духовных

школ. И прежде всего — личным примером, как в монашеской жизни. Без воспитания сумма знаний будет практически бесполезна, а то и разрушительна как для самого человека, так и для Церкви.

В самом деле, что толку изучать с точки зрения истории время, в которое жил преподобный, с точки зрения филологии — его творения или даже реконструировать место его подвигов, если это не ведёт к очищению собственного сердца и борьбе со своими греховными привычками? Передать его дух, воодушевить примером его святости, научиться самим и научить других жить по Евангелию, сверять с ним свои поступки, слова и мысли, отсекай страсти, дать радость покаяния, привести к жизни во Христе — вот наша главная задача. Возможно ли её решить с помощью методов исключительно научной работы, которыми нам действительно ещё только предстоит по-настоящему овладеть? Вряд ли. Об этом говорят как раз те, кто преподаёт в западных университетах на теологических факультетах. «Ваша Церковь имеет возможность содержать свои учебные заведения. Умоляем вас не размениваться на временные выгоды и не лишать себя возможности давать исключительно церковное образование. Его не заменят никогда никакие богословские факультеты университетов... Увы, мы потеряли то, что имели, практически безвозвратно», — слышал я и в Финляндии, и в Великобритании, и от нескольких иерархов Поместных Православных Церквей. Блестящее выступление на конференции в Киеве священника Вацлава Ежика, доклад которого опубликован

в «Трудах КДА», вызвало взрыв одобрительных эмоций. Свидетельство человека, преподающего в одном из западных университетов, о диктате школьных методик и рамок и призыв к возвращению связи теории и практики особенно красноречиво говорят о том, что восхищаться слепо тем, что там, у них, и всячески хаять своё — неразумно и несправедливо. Тем более, если постараться честно увидеть, к каким антихристианским последствиям это привело современные протестантские «центры просвещения». Католические учебные заведения в Италии стараются сохранить свою самобытность. Это хороший пример. Значительно в большей степени в католических университетах в Риме сохраняется привязка к церковной (хотя и западной) традиции, что даёт и нам возможность посылать своих студентов для обучения туда, где библеистика или патрология развивались в то время, когда в нашей стране уничтожалось церковное духовное образование. Один наш академический иеромонах уже несколько лет изучает западную патрологию в Григориануме в Риме, ещё двух других братьев из Петербургской академической монашеской общины, даст Бог, удастся определить в Библикум в Риме и на богословский факультет в Фессалоники.

ТУСКЛЫЕ ДИССЕРТАЦИИ

В конце XVII — XVIII вв. из монашеской среды начинают выделяться ученые в светском смысле этого слова. Однако между «орденом ученого монашества» (по выражению прот. Георгия Флоровского) и мона-

Создать все условия для того, чтобы духовная академия смогла рождать достойных служителей Христовой Церкви, – это и есть наша общая задача. Но полагаться только на реформы, стандарты и новые программы считаю неправильным... В Церкви нужно предоставить место действию благодати Божией. А она никакой избранной стратегией развития не привлекается *архиепископ Петергофский Авросий (Ермаков)*

стырской братией порой не было взаимопонимания. Первые считали вторых невежественными и просто не образованными. Вторые обвиняли первых в том, что они оторвались от отеческих преданий и не исполняют монашеские обеты под разными предлогами. По сути, происходил разрыв, расслоение изначально единой среды. В чем главная причина такого взаимного отчуждения?

Глубинная причина такого отчуждения одна: страсти и отсутствие в сердце главной добродетели — любви. Страсти гордыни, зависти, тщеславия. Сейчас я читаю книгу Ефрема Филофейского «Моя жизнь со старцем Иосифом». В ней честно описываются примеры непонимания некоторыми афонскими монахами жизни старца Иосифа Исихаста и его учеников, ссоры даже, исходившие от их соседей. Будучи на Афоне, слышал не раз, что до сих пор не все афониты признают святость жизни старца Иосифа, давшего Афону новое дыхание жизни. Наши церковные историки-миряне так же подозрительно относились к так называемому ученому монашеству, обвиняя

представителей последнего в карьеризме. Источник разделений — дьявол. Отсюда все и начинается. Если богословие превращается в одну из наук, это беда. Богословие — это жизнь в молитве и очищение сердца. В этом — начало единения вокруг Христа.

В отдельно взятой монашеской общине на том же Афоне в мире и единомыслии совершают свой подвиг и люди с не одним высшим образованием и знанием нескольких языков, и простецы. Старец Иосиф Ватопедский не получил даже общего образования, а стал наставником многих ученых мужей и оставил после себя несколько книг, перед которыми тусклыми и даже бесполезными становятся диссертации, написанные в академиях не от опыта жизни во Христе. В нашей среде все должно оцениваться с точки зрения главной цели — спасения во Христе и преображения личной жизни. Если этой цели нет, напрасны все труды и усилия. Служить же Богу каждый из нас призван своим даром, но всегда с чувством смирения, а не превозношения над другим. Непрестанная работа над собой — вот важное условие мира и единства.

СТАРЕЦ ИОСИФ ВАТОПЕДСКИЙ НЕ ПОЛУЧИЛ ДАЖЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ, А СТАЛ НАСТАВНИКОМ МНОГИХ УЧЕНЫХ МУЖЕЙ И ОСТАВИЛ ПОСЛЕ СЕБЯ НЕСКОЛЬКО КНИГ, ПЕРЕД КОТОРЫМИ ТУСКЛЫМИ И ДАЖЕ БЕСПОЛЕЗНЫМИ СТАНОВЯТСЯ ДИССЕРТАЦИИ, НАПИСАННЫЕ В АКАДЕМИЯХ НЕ ОТ ОПЫТА ЖИЗНИ ВО ХРИСТЕ *архиепископ Петергофский Аμβросий (Ермаков)*

Про мысли того же прот. Георгия Флоровского, ученое монашество организуется «под властью и верховенством обер-прокурора». Отсюда «не только обмирщение, но и бюрократизация монашества». Есть ли схожая проблема сейчас? Как монаху оставаться преданным своим обетам не только на ученой стезе, но и занимая ответственный пост в научной отрасли?

Сегодня нет обер-прокурора, но есть монашеские академические общины. Что-то вроде маленьких монастырей внутри академий. В академиях есть свои домовые храмы и, я бы сказал, домовые монастыри. В них совершают своё служение получившие образование в светских и духовных учебных заведениях, а также и те, кто ещё учится и принял постриг при духовной академии. Но учеными монахами не могу назвать таковых. Как и себя. Просто мы несём свои послушания на поприще подготовки священнослужителей и церковнослужителей, каждый в меру своих способностей и даров. Это административная, преподавательская деятельность.

Учёный — это намного больше. Это человек, который полностью посвятил себя богословской или иной науке, изучаемой в церковных учебных заведениях. Учёный занимается постоянными исследованиями, пишет статьи, делает новые открытия, работает над докторской диссертацией, причём живёт этим, посвящая всего себя именно этому. Много ли таких сегодня в нашей Церкви среди монахов? В Петербургской академии пока могу назвать только человека 2-3. Бюрократизации я не вижу, у нас живая монашеская община, в которой каждый старается соответствовать званию монаха и служить данными дарами не себе, а Богу. Ректор же, поскольку в академиях он в архиерейском сане, является, по сути, игуменом этой монашеской общины. Монах должен быть прежде всего монахом, ученый он или нет. Постригать же в монашество способных к научно-исследовательской деятельности или просто полезных для исполнения тех или иных послушаний в академии, но не желающих в полной мере исполнять монашеские

обеты, категорически нельзя. Пусть они будут просто мирянами. Об этом говорю теперь, когда обнаружили прежде допущенные ошибки. Ничто и никто, кроме нас самих, не мешает исполнять монашеские обеты, в каком бы положении или должности мы ни находились.

Без «резерваций»

О развитии богословской науки монашествующими много высказывался архиепископ Феодор (Поздеевский), немало положивший трудов для преодоления выше упомянутого «отчуждения». Он, по существу, сформулировал большинство проблем ученого монашества, характерных как для начала XX века, так и для сегодняшних реалий. В частности, владыка Феодор указывал, что нет «специального старческого руководящего глаза» за монахами-преподавателями, и поэтому следить за их уровнем духовной жизни на публичной должности очень трудно. Как сегодня решить эту проблему?

«Старческий руководящий глаз» нужен любому монаху (как и мирянину), какую бы высокую административную должность он ни занимал. Духовная брань, страсти, искушения везде одни и те же. И правила их преодоления — тоже. У хорошего спортсмена всегда есть свой тренер; певец, каким бы ни был известным, не может обойтись без вокалиста. В жизни духовной, тем более монашеской, невозможно проходить путь без опытного наставника. Монаху без внимательного опытного

наблюдения со стороны часто бывает трудно увидеть возникающие в нем самом душевные и духовные недуги. А публичная должность предполагает тесное общение с миром, с самыми разными людьми — и в этой, пусть даже и научной, общественно полезной работе, монах может «утонуть», потерять, растерять свою главную любовь — любовь ко Христу. Мир может перетянуть его, и это будет страшная личная трагедия монаха, его личная катастрофа. Хотя сам мир ничего особенного в этом не замечает. Поэтому «руководящий глаз» нужен обязательно, и монах должен искать его, молить Бога, чтобы ему был послан действительно духоносный наставник, который не только словом и примером, но, что очень важно, молитвой будет поддерживать того, кого поручил ему Бог.

Владыка Феодор вскрывает еще одну крайне важную проблему: ученый монах не является «своим» ни для мира (в том числе науки и знаний), ни для братии монастыря. Он предлагает подумать над созданием «духовного отечества» для ученых иноков — специальных монастырей, братств, ориентированных на уклад жизни монахов, «совмещающих» собственное аскетическое делание с научной деятельностью. Насколько эта идея актуальна сегодня?

Монах для мира всегда чужой. Об этом преподобный Симеон Новый Богослов сказал великолепно:

Монах есть тот, кто миру непричастен,
Кто говорит всегда с одним лишь Богом,

Кто, видя Бога, сам бывает видим,
Любя Его, он Им любим бывает
И, светом становясь, всегда сияет.
Монаха хвалят — все равно он нищий,
В дом приглашают — все равно он странник.
О дивное, немислимое чудо!
Среди богатств безмерных — я нуждаюсь,
Владея многим — остаюсь я беден,
Среди обилья вод — томлюсь я жаждой.

Настоящий монах, учёный или неученый, всегда будет чужим для этого мира. Для нас главное — быть своими для Бога. И служить ему тем, что у нас есть. Конечно, есть не только у меня мечта, осуществление которой пока очень сложно представить. Посмотрите, какое огромное пространство в Петербурге принадлежало именно духовным учебным заведениям: академии, семинарии, училищу. Это же практически целый квартал, расположенный рядом с Александро-Невской лаврой. Представьте себе, какая потенциальная возможность есть создать в будущем на этом месте свой Православный Оксфорд, в котором ученые монахи смогли бы занять достойное место в церковной науке! Очень хорошо понимаю, что сегодня это звучит как утопия. Слишком много должно измениться не только в нашей церковной, но и общественной жизни для этого.

Возвращаясь к предложению владыки Феодора, хотел бы отметить, что в монашеской среде на данный момент не сформировались объективные условия для возникновения подобного специального монастыря для ученых иноков. Образовательный уровень нынешних

монахов очень разный: кто-то принимает постриг, уже имея не только высшее образование, но и ученые степени (не только, разумеется, касающиеся богословия); кто-то — еще на студенческой скамье семинарии. Если отобрать сейчас из всех обителей или забрать с приходов самых талантливых ученых и административно «переселить» их в специальный монастырь, то еще неизвестно, как это отразится на всех сторонах процесса. Потому что мы и обескровим многие обители, лишив их образованных насельников, которые могли бы принести немалую пользу на этом месте, и получим некий искусственный монастырь, где может просто не сложиться братская, собственно духовная жизнь. А если монашеской общины не получится, то это уже не монастырь, а НИИ — научно-исследовательский институт или лаборатория.

В таком случае становится очевидно, что существующих академий пока достаточно, чтобы организовать условия для научной работы монахов. Ведь академическое братство — это такое же братство, со своим уставом, укладом, молитвой, послушаниями. И вот тут я бы хотел озвучить важную, на мой взгляд, мысль: вначале мы должны придать импульс уже действующим академическим монашеским братствам, а затем, по мере их количественного и качественного роста, будет формироваться ученое монашество в широком смысле этого понятия.

Не будет ли такая «резервация» ученых монахов — их специальный монастырь — лишь маскировкой проблемы их отчуждения (если эта проблема признается

ПОСМОТРИТЕ, КАКОЕ ОГРОМНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПЕТЕРБУРГЕ ПРИНАДЛЕЖАЛО ИМЕННО ДУХОВНЫМ УЧЕБНЫМ ЗАВЕДЕНИЯМ: АКАДЕМИИ, СЕМИНАРИИ, УЧИЛИЩУ. ЭТО ЖЕ ПРАКТИЧЕСКИ ЦЕЛЫЙ КВАРТАЛ, РАСПОЛОЖЕННЫЙ РЯДОМ С АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРОЙ. ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, КАКАЯ ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ЕСТЬ СОЗДАТЬ В БУДУЩЕМ НА ЭТОМ МЕСТЕ СВОЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ОКСФОРД *архиепископ Петергофский Амвросий (Ермаков)*

сейчас насущной) от монастырской братии, от «простецов»? Ведь в таком случае возможности общения еще более сузятся, а значит, взаимное непонимание останется.

Я частично уже ответил на этот вопрос. «Резервация» не решит сейчас основных проблем, а, напротив, как вы правильно заметили, лишь сузит возможности общения монахов с разным образовательным уровнем и талантами. Между тем, их молитвенное и научное общение может принести взаимную пользу, взаимное обогащение. У каждого есть чему научиться. Но когда речь идет о монахах, которые серьезно погружены в определенные научные исследования, поиски и на пути к важным результатам, то, конечно, в таком случае им нужны специальные условия. Но эти условия возможно создать в уже существующих некоторых обителях — специальные «резервации» создать административным методом просто не получится.

НЕ ЗАБЫВАТЬ О СВЕРХЗАДАЧЕ

Что отечественное ученое монашество как особое явление может с пользой позаимствовать на Западе?

Несмотря на то что, по моему глубокому убеждению, в традиционно западных конфессиях царствует дух обмирщения, рассудочного подхода и потеря Предания (что не может быть нами принято), тем не менее, примеры и опыт различных орденов Католической Церкви может быть нам полезен (конечно, с поправкой на нашу «специфику»). Имею в виду, например, кропотливый, научно добросовестный, дисциплинированный труд некоторых монашеских орденов по изучению Священного Писания, его переводу, распространению. То же касается и археологии, и филологии, и других направлений. Кроме того, некоторые формы социальной коммуникации, принятые на Западе, могут быть интересны (впрочем, новые формы общения, в том числе виртуального, и так входят в нашу церковную жизнь). И этот процесс не стоит игнорировать — его необходимо наполнить смыслами с точки зрения Предания Церкви, опыта святых отцов, а не голой филологии.

В целом плоды деятельности ученого монашества остаются предметом рассмотрения и изучения достаточно узкого круга людей. Грубо говоря, богословская наука

НАУЧНАЯ РАБОТА НЕ ДОЛЖНА БЫТЬ НАСТОЛЬКО ПРИОРИТЕТНОЙ, ЧТОБЫ МОНАХ ЗАБЫВАЛ О МОЛИТВЕ, БОГОСЛУЖЕНИИ, ТАИНСТВАХ, ОТСЕЧЕНИИ СТРАСТЕЙ И ОЧИЩЕНИИ СЕРДЦА И О ЛИЧНОМ СПАСЕНИИ. ВЕДЬ ЕСЛИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ДАЖЕ ТИТАНИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОН ПОВРЕДИТ ДУШЕ СВОЕЙ, ТО ЧТО ПОЛЗЫ? *архиепископ Петергофский Аμβросий (Ермаков)*

слабо доходит до простых прихожан. Поэтому характер, лексический и смысловой набор приходских проповедей остается из года в год одним и тем же. Часто это отталкивает от Церкви представителей, условно говоря, интеллигенции и просто думающих людей. Можно ли как-то насытить, растворить пастырские обращения глубокими научными размышлениями?

Вы правы: подобная проблема имеет место в нашей церковной повседневности. Но не нужно её преувеличивать. Не это отталкивает людей. С точки зрения гомилетики, у праведного Иоанна Кронштадтского проповеди были слабые, но сколько людей он привлек ко Христу! А те же отцы Павел (Груздев), Кирилл (Павлов)? А ведь к ним ездили и простецы, и ученые. Одни и те же слова в устах разных людей обретают разную силу. От чего это зависит? Только ли от образования? Ответ очевиден. Конечно, это не может быть аргументом в защиту скучной, не подготовленной проповеди. Искать живую подачу, не выходящую, конечно, за рамки церковной традиции, нужно. Тем более что современные прихожане нередко сами владеют неплохими знаниями, что должно повышать ответственность у духовенства, призывать не останавливаться на достигнутом, читать самим, интересоваться книжными новинками, пользоваться примером хороших современных проповедников. При этом мы должны понимать, что приходят в Церковь не за разрешением экономических или политических вопросов. В этом наши прихожане подчас лучше нас разбираются. Они ищут другого. Того, чем подчас не владеют сами. Живого слова о Христе!

Как происходит взаимодействие СПбПДА с миром светской науки? В каком направлении вообще развивается этот процесс?

Некоторые наши профессора — в том числе монашествующие — преподают в светских вузах. Однако в Петербургских университетах священники чаще всего читают лекции в мирской одежде. В профессиональном смысле они нисколько не уступают своим светским коллегам, некоторые из которых, в свою очередь, преподают в наших семинарии и академии. Мы открыты для взаимного полезного сотрудничества, и такой успешный опыт уже имеется. Это помогает избавиться от многих, к сожалению, устойчивых мифов и стереотипных мнений о Церкви, монашестве, вообще духовном образовании как о сферах, где настоящий научный подход не приветствуется и где царит невежество и обскурантизм.

Даже элементарное человеческое общение преподавателей и студентов духовной академии и светских учебных заведений помогает сблизить мир Церкви и науки, в буквальном смысле найти общий язык, договориться о понятиях и вести действительно продуктивный диалог, который интересен и полезен и тем, и другим.

Так что, общий вектор, я бы сказал, — во все большем объединении усилий. Конечно, не все так гладко и идеально, но все же радует, что имеет место именно диалог, а не монолог одной из сторон. При этом Церковь в любом случае остается сама собой и не забывает о своей сверхзадаче — спасать человека. Преподаватели светских вузов счастливы, что работают у нас, ведь перед ними особые студенты. Они ведут себя по-другому, общаются по-другому. И наши коллеги из вузов не раз об этом сами говорили: мы испытываем просто счастье, когда работаем в студенческой аудитории духовной академии.

Ваш совет тем новоначальным монахам, которые и имеют собственно научные таланты, и тянутся к активному труду на этом поприще?

Таланты «закапывать в землю» нельзя. Это грех. Все, что дано Богом, надо терпеливо и с послушанием Церкви взращивать, а затем приносить добрый плод. Но в том-то и дело, что этот плод должен быть добрым: приносить духовную пользу и самому монаху, и окружающим его людям. Научная работа не должна быть настолько приоритетной, чтобы монах забывал о молитве, богослужении, таинствах, отсечении страстей и очищении сердца и о личном спасении. Ведь если в результате даже титанического научного исследования он повредит души своей, то что пользы? Поэтому в жизни монаха должен быть определенный баланс молитвы, вообще аскетического делания и различной «внешней» нагрузки. Все в жизни монаха должно совершаться с молитвой, которая связывает нас со Христом. Вне Христа напрасны все труды. И еще здесь важно, чтобы и настоятель монастыря, и духовник такого монаха разглядели в нем таланты и сумели направить их в нужное русло. Да и сам монах о своем желании заниматься научной работой всегда может сказать прямо. Лично у меня это всегда находит радостный отклик. Богу нужно служить, умножая те дары, которые Он дал. Со смирением, терпением и по любви к Источнику даров и тем людям, ради которых даны эти таланты, и с послушанием к тем, кто поможет правильно, с пользой для Церкви распорядиться этими знаниями и талантами. ♦

Кузница ЦЕРКОВНЫХ КАДРОВ

или краткая история
Санкт-Петербургских
духовных школ

**ИСТОРИЯ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ НЕРАЗРЫВНО СВЯЗАНА
С ИСТОРИЕЙ САМОГО ГОРОДА. НОВАЯ СТОЛИЦА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
БЫЛА ЗАДУМАНА ПЕТРОМ I КАК ВАЖНЫЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ФОРПОСТ,
«ОКНО В ЕВРОПУ». ЗДЕСЬ ДОЛЖНЫ БЫЛИ СКОНЦЕНТРИРОВАТЬСЯ И РАСПРОСТРАНИТЬСЯ
ПО ВСЕЙ РУСИ ПЕРЕДОВЫЕ ИДЕИ И ОТКРЫТИЯ СО ВСЕЙ ЕВРОПЫ**

ДВА АПОСТОЛА И ПОЛКОВОДЕЦ

Град святого апостола Петра выстраивался вокруг двух центров: Петропавловской крепости («день рождения» Санкт-Петербурга — 16 (27) мая 1703 года — это и есть день закладки царём-реформатором знаменитой крепости — первого здания города) и Александро-Невского монастыря, основанного на том самом месте, где, по преданию, святой благоверный князь Александр Невский разгромил шведскую армию (таким образом, город приобретал еще одного небесного покровителя). И хотя обитель появилась через семь лет после основания города и за два года до перехода к нему столичных функций, Петр I понимал: главным городом Российской империи может быть лишь ее духовный центр, который немалым без православных храмов и монастырей.

30 августа 1724 года из древней столицы Руси — города Владимира — рака с мощами святого Александра Невского, несомая на руках, достигла молодой столицы государства — Санкт-Петербурга. Крестный ход со святыней встретил сам император. Под пушечный салют и звон колоколов мощи были помещены в храм Александро-Невского монастыря. Итак, крепость, легшая в основании города, — символ военной мощи, а монастырь — символ мощи духовной. Кстати, покровителем города, помимо апостола Петра, «апостола Запада», и Александра Невского, «святого полководца», является апостол Андрей Первозванный, «апостол Русский», как засвидетельствовал о нем Киевский Собор 1621 года. Частица мощей именно этого святого была заложена в основание Петропавловской крепости.

ОБРАЗЦОВЫЙ МОНАСТЫРЬ

Александро-Невская обитель была призвана занять место в числе наиболее привилегированных монастырей России (наряду с Троице-Сергиевой и Киево-Печерской обителями). Указ царя гласил: «Две по всероссийской империи лавры, яко то Киево-Печерская и Троицкая Сергиевская, а также и Александро-Невский монастырь о своем первенстве имеют права. А что касается до бесчестия оных двух лавр, так же и Александро-Невского монастыря влаstem, то оных должен положить в равном один против другого градусе»¹.

Настоятеля Александро-Невской обители Петр I назначил заблаговременно, 20 февраля 1712 г. Им стал настоятель Хутынского монастыря Новгородской епархии архимандрит Феодосий (в миру Федор Михайлович

Яновский). Отец Феодосий к тому моменту уже несколько лет служил в новой столице, исполняя обязанности «духовного судьи» (администратора духовных дел столицы и ее округи). Судя по всему, именно талант администратора и был особенно отмечен царем.

По замыслу Петра I, новый монастырь должен был стать образцом для всех русских обителей и центром духовного просвещения. Предполагалось, что отсюда и только отсюда должны выходить церковные иерархи «новой формации». Архимандрит Феодосий в 1713 г. испросил у Петра I «благоволение, дабы, кроме здешнего монастыря, монахов во архиереи и в знатные архимандриты не производить»². И царь подтвердил такое положение вещей своим указом. Через 84 года по распоряжению императора Павла I именно за подготовку «цвета архиерейства» Невский монастырь станет Александро-Невской лаврой.

Здесь должна была воплотиться в жизнь и идея царя об «утилитарном» предназначении монашества: существование иноков оправдывалось лишь их служением миру. По мысли реформатора, монастырю следовало вместить в себя огромное количество социальных функций: благотворительную, медицинскую, учебную и даже исправительную. Исследователь М.В. Шкаровский отмечает: «Монахам предписывалось обслуживать богадельни, дома для престарелых солдат, больницы, школы и прочие подобные заведения. Здесь предполагалось устроить госпиталь (в котором должны были нести послушание все иноки), приют для увечных и отставных воинов, инвалидов Северной войны, душевно больных, воспитательный дом, лечебно-исправительное заведение для лиц принудительного лечения и пьяниц»³. Таким образом, главное дело монаха — молитва и собственное спасение — отодвигались на задний план. И хотя уже в 1714 г. при монастыре открылась богадельня для отставных военных и сумасшедших, к счастью для монашеской традиции северо-западных рубежей России, большинство из перечисленных проектов Петра I осуществлено не было.

В год основания монастыря в насельниках, помимо отца Феодосия, значился всего один иеромонах — отец Иона. К процессу формирования братии подошли с особенной тщательностью и избирательностью. Ведь Невская обитель, по замыслу Петра, должна была стать своеобразной кузницей кадров, где готовятся лучшие духовные силы Российской империи.

Консерватизм великорусского духовенства, его привязанность к «старине» император считал «невежеством», с которым необходимо решительно бороться. В законах говорилось: «А которые (из детей духовенства) в тех школах учиться не хотят и их в попы. и во диаконы, на отцовы места никуда не посвящать, и в подъячие, и в иные никоии чины, кроме служилого чина, принимать не велено»⁴. А указ от 11 ноября 1710 года прямо предписывал детей духовных лиц, не учащих в школах и достигших совершеннолетия, отправлять в солдаты⁵. В то время развитое духовное образование было лишь на юге страны — у малороссов. Многие из них обучались не только в Киево-Могилянской академии, но и в учебных заведениях католического Запада, что, естественно, смущало православное духовенство средней Руси. Но Петр I не видел в этом никакой проблемы. Образованные малороссы стали призываться на высшие церковные должности, под их руководством стали открываться школы.

«Агент Петровской реформы»

Примечательна в этом отношении биография Елисея Прокоповича, сподвижника Петра I, известного в русской истории под именем Феофана. Выпускник Киево-Могилянской академии, он совершенствовал свои знания во Львове. Там же перешел в униаты. Путешествуя пешком по Европе, он посещал университеты Лейпцига, Халле, Йене, а в Риме прослушал полный курс в иезуитской коллегии св. Афанасия, учрежденной специально для греков и славян. По возвращении в Киев Прокопович снова обратился в православие и стал преподавать в Киево-Могилянской академии, став позже ее ректором. Будучи поклонником новой европейской науки, он резко выступал против авторитета духовенства как учительского сословия и первенства духовной власти над светской.

**ЦАРЮ-РЕФОРМАТОРУ
ОБРАЗ МЫШЛЕНИЯ
ПРОКОПОВИЧА,
БЕЗУСЛОВНО, ПРИШЕЛСЯ
ПО ДУШЕ. ПОЭТОМУ
В 1716 ГОДУ ОН БЫЛ ВЫ-
ЗВАН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ.
ЕГО ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ
БЫЛ ВПЕЧАТЛЯЮЩИМ**

Царю-реформатору образ мышления Прокоповича, безусловно, пришелся по душе. Поэтому в 1716 году он был вызван в Санкт-Петербург для осуществления церковной реформы. Его жизненный путь был впечатляющим. 2 июня 1718 года Феофан Прокопович был рукоположен

во епископа Псковского и Нарвского, а с 1725 года — во архиепископа Великого Новгорода и Великих Лук. При образовании Святейшего Синода (1721 г.) стал его первым вице-президентом, а с 15 июля 1726 года — первенствующим членом Синода. И даже при восшествии на престол императрицы Анны он сумел искусно воспользоваться сложившимися обстоятельствами и продолжал оказывать влияние на государственные решения.

Трудно переоценить степень влияния Феофана Прокоповича на развитие взаимоотношений Церкви и государства того времени. Недаром его скульптурное изображение присутствует на памятнике «1000-летия России» в Великом Новгороде. Оценка деятельности Феофана Прокоповича как среди светских, так и среди церковных историков довольно неоднозначная. Например, протоиерей Георгий Флоровский крайне резко оценивал личность Прокоповича: «Это был типический наемник и авантюрист — таких ученых наемников тогда много бывало на Западе. Феофан кажется неискренним даже тогда, когда он поверяет свои заветные грезы, когда высказывает свои

действительные взгляды. Он пишет всегда точно проданным пером. Во всем его душевном складе чувствует нечестность. Вернее назвать его дельцом, не деятелем. Один из современных историков остроумно назвал его «агентом Петровской реформы». Однако Петру лично Феофан был верен и предан почти без лести, и в Реформу вложил весь с увлечением. И он принадлежал к тем немногим в рядах ближайших сотрудников Петра, кто действительно дорожил преобразованиями»⁶.

1. Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. С. 77.

2. Петрово детище // Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. Православные монастыри. Путешествие по святым местам. 2009. № 36. С. 4

3. Шкаровский М.В. Основание Александро-Невского монастыря Петром Великим и превращение его в центр духовной жизни Санкт-Петербурга. http://www.bogoslov.ru/text/989778.html#_edn23

4. Цит. по: Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881.

5. Паничкин Александр, протоиерей. Духовные школы в Санкт-Петербургской епархии в XVIII веке. http://www.bogoslov.ru/text/2444488.html#_ftn1

6. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937, стр. 89–90

«Духовный регламент» 1721 года, определявший правовое положение Православной Церкви в Российской империи, был составлен именно Феофаном Прокоповичем. Важнейшее нововведение — упразднение патриаршества и учреждение вместо него Святейшего Правительствующего Синода («Духовной коллегии»). Еще одно важное постановление регламента — предписание заводить при архиерейских кафедрах школы для подготовки духовенства: семинарии и даже академии. Перед поступлением в школу кандидату необходимо было выдерживать экзамен, который, помимо знаний, проверял духовные качества будущего пастыря. Священник, по мнению Феофана Прокоповича, не должен быть ни мистиком, ни фанатиком.

«СЛАВЕНСКАЯ ШКОЛА»

Доминирующее положение в Александро-Невском монастыре сразу же заняла малороссийская братия. Как отмечает М.В. Шкаровский, «в марте 1716 года сюда приехали 13 киевлян во главе с игуменом Киево-Михайловского монастыря Варлаамом (Голенковским), а вскоре еще трое. Первым духовником в документах упоминается прибывший в обитель 15 мая 1716 года из Гадяцкого монастыря иеромонах Герасим (Филиппов)»⁷.

В 1720 году численность братии составляла 63 человека.

Еще один указ Петра Великого, доработанный все тем же Феофаном Прокоповичем, — «Объявление о монашестве» (издан 31 декабря 1724 г.) — требовал от монашества социальной активности и «полезного» для общества служения. Ученые монахи обители, не младше тридцати лет и прошедшие курс семинарии, должны были заниматься чтением и переводом богословских трудов, составлением собственных сочинений, произнесением проповедей. Им следовало подчиняться особому «монаху — директору», второму лицу после архимандрита, и полагалось большее, чем остальной братии, обеспечение. По окончании курса наук они предназначались к настоятельству в крупных монастырях⁸.

Для осуществления замысла Петра I о превращении Александро-Невского монастыря в духовный центр и формирования в нем «ученого братства» в 1721 году в стенах обители была открыта Славянская школа. Распоряжение архиепископа Новгородского

Феодосия (Яновского) гласило: «Учредить во общую пользу при Александро-Невском монастыре для учения юных детей чтения и писания Славенскую школу, в которой, как того монастыря служительских детей, так и сирот, не имеющих родителей и своего пропитания, и посторонних, кто кого отдать похочет, принимая от пяти до тринадцати лет, — учить Славенского чтения и писания по новопечатным Букварям, а потом и грамматики»⁹. К слову сказать, упомянутый Букварь — основное пособие для учащихся — был написан Феофаном (Прокоповичем). Первоначально в школе изучали азбуку, письмо, арифметику, грамматику, слушали толкование Деяний, молитвы Господней и Евангельских блаженств. В свободное время студенты занимались музыкой и живописью под руководством известных петербургских преподавателей. Первый набор учащихся состоялся осенью 1721 года и составил 25 человек. Но число воспитанников духовной школы быстро росло и в 1724 году составило уже 54 человека¹⁰.

Через пять лет после основания, в 1726 году, уже при императрице Екатерине I, на основе школы была создана Александро-Невская славяно-греко-латинская семинария. Будущие служители Церкви получали здесь серьезное общее и богословское образование, изучали русский, греческий и латинский языки, музыку, арифметику, геометрию, а позднее также древнееврейский язык, «ораторию» и философию. В основном в семинарии обучались дети священнослужителей и служителей монастырских вотчин. В 1726 году при семинарии числился 81 воспитанник и три учителя.

Но уже в 1729 году семинария пережила острый кризис: учебное заведение временно осталась без учителей, и семинаристы, число которых постепенно уменьшалось, вынуждены были учиться у подьячих при канцелярии монастыря¹¹. Преподавание велось бессистемно и без программы.

Но уже в 1729 году семинария пережила острый кризис: учебное заведение временно осталась без учителей, и семинаристы, число которых постепенно уменьшалось, вынуждены были учиться у подьячих при канцелярии монастыря¹¹. Преподавание велось бессистемно и без программы.

Новая эпоха

С назначением в 1736 году настоятелем Александро-Невского монастыря архимандрита Стефана (Калиновского), бывшего ранее префектом Киевской

**По замыслу Петра I,
новый монастырь
должен был стать
образцом для всех русских
обителей и центром
духовного просвещения.
Предполагалось, что
отсюда и только отсюда
должны выходить
церковные иерархи
«новой формации».
Архимандрит Феодосий
(Яновский) в 1713 г.
испросил у Петра I
«благоволение, дабы,
кроме здешнего
монастыря, монахов
во архиереи и в знатные
архимандриты
не производить».
И царь подтвердил
такое положение вещей
своим указом**

академии и ректором Славяно-греко-латинской академии, начинается новая эпоха Невской семинарии. Преобразование учебного заведения заключалось прежде всего в подборе профессиональных наставников: были приглашены лучшие выпускники Московской славяно-греко-латинской академии — Григорий Кременецкий и Андрей Зертис-Каменский.

Постепенно кризис был преодолен. Курс преподаваемых наук стал систематическим. Преподавание было организовано по образцу Киевской академии. Ректор и префект числились в составе монастырской братии¹². В 1740 г. количество учащихся достигло 85 человек, из которых священнических детей было 40 человек, диаконских детей — 6, причетнических детей — 10, детей чиновников — 2, детей монастырских слуг — 23 человека¹³.

Для выпускников Славяно-греко-латинской семинарии были открыты двери в другие средние и высшие учебные заведения. Так, в первый набор учрежденных Петром I гимназии и университета при Академии наук предполагалось собрать 30 студентов из воспитанников Московской духовной академии, Александровской и Новгородской семинарий. Следовательно, духовное образование ценилось и в светских кругах: его уровень был достаточно высоким, так что выпускники духовных школ стали основой университетского студенчества. А в 1761 году Святейший Синод позволил выпускникам семинарии обучаться медицине за границей с выплатой им двойного жалования. Это были Кембриджский и Оксфордский университеты в Англии, Геттинген в Германии.

Связь Санкт-Петербургских духовных школ с Академией наук и университетом прослеживается на протяжении всей дореволюционной истории.

В царствование императрицы Екатерины II по ходатайству митрополита Гавриила (Петрова) Александровская семинария была преобразована в Главную семинарию. Сюда посылали учиться лучших воспитанников почти из всех епархиальных семинарий. В Главной семинарии преподавали церковную историю, механику, естественную историю, а также был открыт класс математики и опытной физики. Лучшие старшеклассники преподавали в низших классах.

После перевода Новгородской семинарии в Александровский монастырь число воспитанников в Главной семинарии достигло 200 человек.

В 1797 году Высочайшим указом Павла I Свято-Троицкий Александровский монастырь был переименован в Александровскую лавру, Александровская Главная семинария преобразована в Александровскую академию. В указе отмечалось: «Признали Мы за благо следующее распоряжение: как просвещение и благонравие духовного чина способствует просвещению и утверждению добрых нравов и в мирских, повелеваем, кроме бывших доныне духовных академий в Москве и Киеве, учредить такие духовные академии в Санкт-Петербурге при Александровском монастыре и в Казани вместо находящихся там семинарий, снабдя их всем соответствующим званию и для преподавания потребным». В дополнение к общим семинарским курсам в академиях преподавались: полная система философии и богословия, высшее красноречие, физика и латинский, древнееврейский, греческий, немецкий и французский языки. А в 1802 году указом императора Алек-

сандра I в общий курс семинарского и академического обучения была введена медицина. Святейший Синод постановил: «Академические и семинарские воспитанники во время обучения в училищах должны проходить

**ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ
ОСНОВАНИЯ, В 1726 ГОДУ,
ПРИ ИМПЕРАТРИЦЕ
ЕКАТЕРИНЕ I, НА ОСНОВЕ
ШКОЛЫ БЫЛА СОЗДАНА
АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ
СЛАВЯНО-ГРЕКО-
ЛАТИНСКАЯ СЕМИНАРИЯ.
Будущие служители
Церкви получали здесь
СЕРЬЕЗНОЕ ОБЩЕЕ
И БОГОСЛОВСКОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ, ИЗУЧАЛИ
РУССКИЙ, ГРЕЧЕСКИЙ
И ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫКИ,
МУЗЫКУ, АРИФМЕТИКУ,
ГЕОМЕТРИЮ, А ПОЗДНЕЕ
ТАКЖЕ ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЙ
ЯЗЫК, «ОРАТОРИЮ»
И ФИЛОСОФИЮ**

7 Шкаровский М.В. Основание Александровского монастыря Петром Великим и превращение его в центр духовной жизни Санкт-Петербурга. <http://www.bogoslov.ru/text/989778.html>

8 Там же.

9 Петрово детище // Свято-Троицкая Александровская лавра. Православные монастыри. Путешествие по святым местам. 2009. № 36. С.5

10 Шкаровский М.В. Основание Александровского монастыря Петром Великим и превращение его в центр духовной жизни Санкт-Петербурга. <http://www.bogoslov.ru/text/989778.html>

11 Рункевич С.Г. Свято-Троицкая Александровская лавра. 1713-1913. В 2-х кн. СПб., 2001. Кн. 1. С. 531-537, 541-543

12 Паничкин Александр, протоиерей. Духовные школы в Санкт-Петербургской епархии в XVIII веке. http://www.bogoslov.ru/text/2444488.html#_ftn1

13 Там же.

практику, помогая лекарскому ученику, дабы они замечали, какие нужны лекарства для какой болезни, ибо таким образом кроме общей пользы они могут в будущем служить своим прихожанам советом или наставлением и через то снискать особое доверие».

В 1808 году в академии числилось уже 277 воспитанников.

ХІХ ВЕК

ХІХ век принес с собой целый ряд реформ в области духовного образования. И.К. Смолич в «Истории Русской Церкви» отмечает: «Изначально каждая отдельная реформа не столько имела в виду усовершенствование духовного образования, сколько являлась отражением господствовавших в данный момент политических воззрений, так что потребности духовной школы учитывались далеко не в достаточной мере. Реформы никогда не исходили от Святейшего Синода, он только проводил их, действуя под давлением преобладавшего политического направления или государственной власти, представленной в лице обер-прокурора»¹⁴.

В основу реформы всей системы духовного образования в России легло «Предначертание» устройства духовных школ, составленное в 1805 году епископом Евгением (Болховитиновым) по поручению митрополита Амвросия (Подобедова), который сам был выпускником Московской академии, имел звание доктора богословия, был почетным членом Медико-хирургической академии и Санкт-Петербургской «Беседы любителей Русского слова». Согласно «Предначертанию», духовные академии превращались в церковно-научные центры с просветительскими и издательскими функциями. Сам митрополит Амвросий написал книги: «Сокращение богословских догматов», «Опыт Словенского словаря», «Молитвы для чтения в больницах».

В 1808 году была создана «Комиссия духовных училищ». Духовная школа разделялась системой ступеней на самостоятельные учебные заведения: приходские училища, епархиальные училища, семинарии и академии. Так, в начале 1809 года Александровская академия была разделена на три уровня:

- 1) Санкт-Петербургскую духовную академию (высшая школа);
- 2) Санкт-Петербургскую духовную семинарию (средняя школа);

3) Александровское духовное училище (низшая школа).

Первый ректор СПбДА — архимандрит Евграф (Музалевский-Платонов). Первый ректор семинарии — архимандрит Анатолий (Максимович), выпускник Александровской Главной семинарии, профессор богословия. Ректор Александровского училища — московский выпускник иеромонах Филарет (Дроздов), занимавший одновременно пост инспектора в духовной семинарии.

С 40-х годов ХІХ столетия в Санкт-Петербургской духовной академии стали обучаться представители других Поместных Православных Церквей: Болгарии, Греции, Грузии, Румынии, Сербии. В их числе – прославленные Сербской Православной Церковью мыслитель и богослов преп. Иустин (Попович), святитель Николай (Велемирович), будущий Сербский Патриарх Варнава (Петр Росич)

Архимандрит Филарет стал ректором академии в 1812 году. Будущий святитель Московский положил особенно много трудов на созидание духовного образования. Академия по праву считает себя его «детищем» и особо чтит память святителя. В академическом храме святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова находится икона святителя Филарета Московского с частицей его святых мощей.

По мнению историков, главная заслуга святителя Филарета на посту ректора заключается в том, что он дал школе направление развития на все последующее столетие. Приоритетным стало изучение Священного Писания, что вернуло русскому православному богословию библейскую основу.

С 40-х годов ХІХ столетия в Санкт-Петербургской духовной академии стали обучаться представители других Поместных Православных Церквей: Болгарии, Греции, Грузии, Румынии, Сербии. В их числе — прославленные Сербской Православной Церковью мыслитель и богослов преп. Иустин (Попович), святитель Николай (Велемирович),

будущий сербский патриарх Варнава (Петр Росич).

С 1851 по 1857 год ректором духовной академии был епископ Макарий (Булгаков) (впоследствии — митрополит Московский). При нем в академии учился Иван Сергиев, будущий Иоанн Кронштадтский, который оставил очень теплые воспоминания о периоде своего обучения: «Чту почтенную память вашу, мои бывшие начальники и наставники (Владыка Макарий, инспектор Иоанн (Соколов), лектор Богословия и профессор архимандрит Кирилл), что вы снизошли ко мне ... и дали мне возможность окончить счастливо и получить академическую степень кандидата богословия и сан священника». Преемником епископа Макария (Булгакова) на ниве ректорского служения стал архимандрит Феофан (Говоров), буду-

щий знаменитый Вышенский затворник, причисленный к лику святых. Еще до назначения ректором он читал в СПбДА лекции по нравственному и пастырскому богословию, которые впоследствии составили основу книги «Путь ко спасению».

В 1860 году академию закончил Иван Дмитриевич Касаткин, будущий апостол Японии, причисленный Русской Православной Церковью к лику святых как равноапостольный за миссионерские труды и праведную жизнь.

В 1901 — 1905 годах ректором СПбДА был епископ Сергей (Страгородский). Под его председательством в 1901 — 1903 годах в Санкт-Петербурге проходили знаменитые Религиозно-философские собрания, деятельное участие в которых принимали профессора СПбДА.

В 1918 году Санкт-Петербургские духовные школы были закрыты.

Советский период

1 сентября 1946 года указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I была учреждена Ленинградская духовная академия, а Ленинградская духовная семинария реформирована указом Святейшего Патриарха из Богословско-пастырских курсов, работавших в Ленинграде в 1945/46 учебном году. Торжественное открытие состоялось в присутствии Патриарха Алексия I 14 октября 1946 года, в день Покрова Пресвятой Богородицы. Полный цикл богословского образования был рассчитан на 8 лет и включал в себя по 4 года обучения в семинарии и академии.

В своей речи на торжественном акте 14 октября 1946 года Святейший Патриарх Алексий I сказал: «Большая ответственность и большие обязанности возлагаются на профессорский состав во главе с ректором академии поставить с самого начала на правильный путь ход занятий в академии, дать надлежащее «лицо» академии, показать, что она является в полном смысле академией духовной, в которой учащиеся будут главнее всего постигать духовные науки — Священное Писание, творения святых и богодухновенных отцов и учителей Церкви, опираться на их творения»¹⁵.

Из Санкт-Петербургской духовной академии вышли многие церковные иерархи: митрополит Антоний (Храповицкий), Патриарх Тихон (Беллавин), Патриарх Сергей (Страгородский), а после возрождения академии — Патриарх Алексий II (Ридигер)

и нынешний Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Среди выпускников Санкт-Петербургских духовных школ много известных имен: граф М.М. Сперанский, И.И. Матынов и Экзарх Грузии Феофилакт (Русанов); медицинские светила: Д.М. Велланский, М. Мудров, Я.К. Кайданов, С.А. Громов, а позже — выдающийся хирург Н.Н. Бурденко, невропатолог В.М. Бехтерев, И.М. Сеченов и лауреат Нобелевской премии физиолог академик Иван Петрович Павлов.

История продолжается

Сегодня академия продолжает успешно работать. С момента своего возрождения в 1946 году духовные школы северной столицы дали Церкви свыше двух тысяч священнослужителей, из которых около шестисот — со степенью кандидата богословия.

С 2008 года ректором Санкт-Петербургской духовной академии является архиепископ Петергофский Амвросий (Ермаков).

В 2016 году Санкт-Петербургские духовные школы отметят 295-летие от основания и 70-летие своего возрождения.

Архиепископ Амвросий (Ермаков) убежден, что «духовные школы должны воспитывать в первую очередь священнослужителей, которые будут образцом и примером как христиане»¹⁶.

В продолжение этой мысли наместник Александро-Невской лавры, епископ Кронштадтский Назарий в одном из интервью заметил: «Лавра никогда не была особенно населённой — самое большое количество братии составляло 300 человек. Сейчас у нас 42 человека — это мало! Но мы взяли курс на то, чтобы тщательно отбирать людей, которые желают быть среди нашей братии. Лавра была славна учёным монашеством, и сейчас каждый год по несколько человек из братии учатся в духовной академии и семинарии. Я стремлюсь к тому, чтобы практически сто процентов братии имели духовное образование. И я думаю, что в решении задачи, которую поставил нам Патриарх Кирилл (создавать монастыри с уклоном учёного монашества), мы, возможно, ближе к решению, чем многие другие обители»¹⁷.

У духовных школ Санкт-Петербурга сегодня есть все для того, чтобы славные страницы их истории были не только в прошлом, но и писались в настоящем, а главное — в будущем. ♦

14 Смолич И.К. История Русской Церкви (1700 – 1917). Глава V. Духовное образование. http://azbyka.ru/otechnik/Igor_Smolich/istorija-russkoj-tserkvi-1700-1917/5

15 Речь Патриарха Алексия на акте Ленинградской духовной академии 14 октября 1946 г. // Журнал Московской Патриархии №10, октябрь 1946.

16 Епископ Гатчинский Амвросий: В своей судьбе я вижу чудо. <http://www.patriarchia.ru/db/text/1638867.html>

17 Днепровский Н. Жизнь лавры // Вестник Александро-Невской лавры №1-2 (103-104) 2014.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА МАТУШКИ СОФИИ

Одна из самых известных обителей града Святого Петра – Воскресенский Новодевичий женский монастырь. Матушка игуменья София (Силина) не только руководит жизнью обители, но и преподает право в Санкт-Петербургской духовной академии. Один день своей насыщенной послушаниями монашеской преподавательской жизни она согласилась провести вместе с нами

ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКИЕ

8 утра. Ровно через час у матушки Софии начинаются занятия в академии, где она читает такой нетривиальный курс, как «Правовые основы деятельности прихода». Это тяжеловесное название как-то плохо совмещается с образом хрупкой женщины в черном облачении. Но тем не менее... Матушка появляется из-за поворота. Через пять минут садимся в машину.

— Хорошо, что Вы пораньше приехали, сейчас по дороге можно и начать разговор. Сегодня у студентов по графику промежуточный зачет. Раздам вопросы — и продолжим, а то в течение дня времени не особенно много...

Мы направляемся к Александро-Невской лавре, на территории которой и располагается духовная академия.

— Матушка, а сами Вы какой университет оканчивали?

— СПбГУ, юридический факультет. Когда училась на дневном отделении, одновременно работала в духовной академии Санкт-Петербургской епархии. После пострига в 1996 году еще год несла там послушание. Потом уже стало невозможно совмещать работу юриста и обязанности настоятельницы. Пять-шесть лет назад ректор пригласил читать лекции для последнего курса бакалавриата. «Правовое положение Церкви» — это предмет не богословский, связан в основном с гражданским законодательством.

— А богословского образования как такового у Вас нет?

— Нет.

— Участь в университете, Вы уже знали, что пойдете в монастырь?

— Да, у меня было сильное сердечное желание поступить в монастырь. Я поехала к старцу Николаю Гурьянову, и батюшка благословил на монашеский путь.

Поэтому когда я оканчивала университет, то уже знала, что буду Богу служить в монашеском чине.

— Почему юридический?

— Надо сказать, это типичный пример того, что послушание оказывается в лучшем положении, чем своя воля... Мои родственники настояли, чтобы я поступила на юридический, хотя у меня были совершенно другие желания и предпочтения. Но я все равно молилась перед Казанской иконой Божией Матери и попросила, чтобы Она помогла мне поступить, потому что конкурс был очень большой. И даже такой обет про себя дала: если поступлю — буду служить людям и Церкви. Не знаю, что уж меня так подвигло сказать именно Церкви... Людям — это понятно, как служить... Но как можно было на тот момент служить Церкви будучи юристом — это была загадка. В советский период Церковь была в таком положении, что к закону и праву взывать было бессмысленно. Но в жизни страны произошли перемены, и все это оказалось очень востребованным и нужным для Церкви.

— А сейчас, помимо преподавательской деятельности, используете юридическое образование?

— Отчасти. Конечно, практикующий юрист — это совсем другая история. Но в жизни нашего монастыря часто эти знания бывают не лишними. Иногда знакомые батюшки обращаются за каким-то советом. Можно не знать подробности последнего законодательства или правоприменительную практику, но какой-то общий вектор, конечно, помогает.

«А ЕСЛИ ОПОЗДАЕТЕ НА ЛИТУРГИЮ?»

Мы приезжаем в академию без четверти девять, поднимаемся в аудиторию. Там уже собрались студенты. Студенческая, молодая, бодрая атмосфера почти уже забыта мной. Ощущает ли это матушка игуменья — неизвестно... Хотя выглядит она молодой и бодрой!

Начинается пара. Матушка приветствует студентов, просит спрятать все материалы и конспекты и приготовиться к написанию зачета. Пока распределяются вопросы, разглядываю аудиторию. Вот они — будущие пастыри. Каждому уготовано свое служение. А пока — общие для всех коридоры академии, общие знания, общая контрольная работа.

Пока студенты думают над вопросами, продолжаем начатый разговор.

— Матушка, расскажите о студентах. Как они к вашему предмету относятся?

— Сложность в том, что мой предмет очень специальный. Все-таки надо понимать, что будущие священники — это не будущие юристы, которые должны освоить все отрасли права. Но важно дать общее представление о взаимоотношениях государства и Церкви, прихода и епархии, о финансовых вопросах, о налоговом законодательстве и о многом другом, с чем они, несомненно, столкнутся, когда придут служить на приходы.

— Как проходит контроль знаний?

— В основном традиционно. Письменные, устные опросы по отдельным темам. Времени всегда не хватает, часов всегда мало. Но я думаю, всем преподавате-

НЕ СТАВЛЮ ОЦЕНКИ ПРОСТО ТАК, ТОЛЬКО ЗА ТО, ЧТО СТУДЕНТ – СВЯЩЕННИК, ИЛИ ЗА САМ ФАКТ, ЧТО ОН ДОЖИЛ ДО 4 КУРСА... ВСЕ РАВНО ТРЕБУЮ. И У МЕНЯ ЕСТЬ ОПРЕДЕЛЕННАЯ МОТИВАЦИЯ: КАК ЧЕЛОВЕК ОТНОСИТСЯ К СВОИМ ПОСЛУШАНИЯМ В СЕМИНАРИИ, ТАК ОН БУДЕТ ОТНОСИТЬСЯ И К СВОЕМУ СЛУЖЕНИЮ НА ПРИХОДЕ... *игуменья София (Силина)*

лям так кажется. Хочется дать студентам как можно больше. Приходится себя сдерживать — я прекрасно понимаю, что мой предмет не единственный. Надо еще и дипломную работу писать. Приходится вспоминать, как я сама училась (смеется), что когда-то не хватало последнего дня или ночи.

— Как-то влияет, что это все-таки православная академия? Имеют ли место спекуляции вроде «ну это же не главное для нас, поставьте зачет или оценку по-лучше»? По крайней мере, в моем (светском) университете это была обычная практика...

— Оценки выставляются в соответствии с требованиями учебного заведения. Это не вопрос выбора преподавателя. Другое дело — насколько можно соблюсти объективность, учитывая индивидуальные моменты в жизни человека. Разные ситуации бывают. Например, на 4 курсе есть ребята, которых рукоположили в дьяконский или иерейский сан. Они проходят так называемый сорокоуст. В течение 40 дней утром и вечером они должны совершать богослужение, то есть отслужить 40 литургий. Ну конечно, спрашивать с человека, который выехал из дома в 5 утра, отслужил ли-

тургию в 7 утра, и вот в 9 как раз первая пара — у меня... Он еще душой находится в этом молитвенном состоянии, у Престола. Если человек что-то не успел выучить, я предлагаю «досдать» предмет в удобное время. Но, конечно, не ставлю оценки просто так, только за то, что студент — священник, или за сам факт, что он дожил до 4 курса... *(улыбается)*. Все равно требую. И у меня есть определенная мотивация: как человек относится к своим послушаниям в семинарии, так он будет относиться и к своему служению на приходе...

Медленно открывается дверь. Хотя она совсем новая, но на подсознательном уровне скрип все равно ощущается — ведь, когда опаздываешь, двери просто обязаны особенно неприятно и громко заскрипеть...

— Ну, проходите-проходите — опоздавшему не удастся пройти незаметно.

— Простите за опоздание...

Глаза светлые, но матушка смотрит строго.

— Понятно, вы опоздали на 15 минут на зачет... А вот Вы придете на литургию, прихожане собрались, диакон пришел, алтарники стоят, а пастырь опаздывает — бежит, спотыкается. Как это будет выглядеть?

УПОВАНИЕ НА БОГА ВСЕГДА ТРЕБУЕТСЯ БУДУЩЕМУ ПАСТЫРЮ В САМЫХ ЖИТЕЙСКИХ ДЕЛАХ. НАЙТИ ПОДРЯДЧИКА, ЗАКЛЮЧИТЬ ДОГОВОР НА СТРОИТЕЛЬСТВО, ДАЖЕ ПООБЩАТЬСЯ С БЛАГОТВОРИТЕЛЯМИ ТАК, ЧТОБЫ ОНИ ПРИОБРЕЛИ ПОЛЬЗУ ДЛЯ ДУШИ, А НЕ ТОЛЬКО ЧУВСТВОВАЛИ, ЧТО ПРОСТО ДАЮТ ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА *игуменья София (Силина)*

Студент замялся в двери.

— Ну, садитесь на место.

В аудитории снова воцаряется рабочая тишина.

— Такие воспитательные беседы тоже приходится иногда вести, — вполголоса говорит матушка. — Не знаю, насколько они действенные... Наверное, все-таки личные духовники будут воспитывать, но это тоже важный момент. Человек — просто из послушания — должен научиться ответственно относиться даже к такому, не самому важному с точки зрения пастырского служения предмету. Вовремя прийти, записать лекцию, подготовить ее, если переписывать, то переписать без ошибок. Из таких мелочей вся наша жизнь и складывается. Верный в малом будет верен в большом.

Волнующие вопросы

— Матушка, как Вы вообще восприняли это назначение преподавателем? Нагрузка и без того большая...

— Для меня это, конечно, важное послушание, важное для души, потому что оно требует не только формальных знаний, но и живого участия. Конечно,

предмет не самый интересный для будущих пастырей. Во всяком случае, им так поначалу кажется. Потому что когда человек приходит в семинарию, то проза жизни не очень его интересует (в хорошем смысле). Человек стремится к пастырскому, миссионерскому служению, к молитве. Но с учетом сегодняшних реалий жизни Церкви эти знания действительно нужны. Моя цель — не только донести формальный набор правовых знаний, но и заинтересовать. А еще дать православную оценку каким-то явлениям в жизни государства, общества и Церкви — с позиции собственного жизненного опыта и, прежде всего, с позиции учения Церкви.

— Какие-то отдельные вопросы вызывают особый интерес?

— Конечно. Например, история с Исаакиевским собором всех очень взволновала, вызвала множество откликов, переживаний в церковной среде. Почему отказали власти, какие правовые рычаги действовали? А самое главное: нам как православным христианам что нужно делать в этих условиях? Это обсуждение было вне всякой темы, но я считала долгом

высказать свою позицию и сделать акценты не только на правовой составляющей, но и на духовной. Мы должны вымалывать всякое доброе дело, будь то возвращение храма, или строительство нового храма, или перипетии с землеотводами — то, с чем встречаются пастыри после окончания семинарии. Упование на Бога всегда требуется будущему пастырю в самых житейских делах. Найти подрядчика, заключить договор на строительство, даже пообщаться с благотворителями так, чтобы они приобрели пользу для души, а не только чувствовали, что просто дают денежные средства. Это не прописано в программе, но моя задача — объяснить, что волос с головы человека не упадет без воли Божией.

После лекции к матушке подходят студенты. Кто-то уточняет подробности по поводу предстоящей темы, кто-то негромко консультируется по личному делу. Последний молодой человек, видимо, специально дожидался своей очереди, потому что вопрос деликатный: нужно пересдать полученную на зачете тройку...

— Я к таким вопросам обычно спокойно отношусь, стараюсь идти навстречу, — поясняет матушка. — Если человек подготовился, хочет пересдать — пусть повысит свои знания, соответственно и балл будет выше. Но если просто нужна оценка, а знаний нет — такая мотивация неприемлема и для православного человека, и в плане контроля знаний. Оценки должны отражать реальные знания. Мы отвечаем и перед священноначалием, и перед государственными органами. Иногда приходится и довольно жестко поступать. Например, если выводы студента в дипломной работе противоречат позиции Церкви. Я вынуждена не допустить работу к защите, если правки не будут внесены...

— А двойки ставите?

— Ставлю, приходится. Не часто, потому что у нас все в основном учатся хорошо и достойно. Но пересдают. Бывает, что и с третьего раза.

— Без обид?

— Сложно сказать, ведь они эти обиды исповедуют не мне, а на исповеди духовнику.

— А встречается ли в духовной академии такой феномен, как «комплекс отличника»?

— Студенты здесь стараются жить духовной жизнью. Преподаватели, священники, духовники помогают разобраться в самых разных вопросах. Но вот что главное, для чего существуют таинства Покаяния, Причастия? Для того, чтобы душа человека стала свободной. В том числе и по отношению к тому, чем человек живет на данный момент, даже к учебе. Никто не будет делать трагедии из-за тройки как из-за оценки. Скорее, будет вопрошать себя, почему я не подготовился, поленился... А просто погоня за высоким средним баллом — я такого не замечаю. Может, оно и есть, но это предмет для исповеди.

ПЛАТЬЕ ПОГЛАЖЕНО, РУБАШКА ЗАПРАВЛЕНА

Выходим из теплой и светлой академии на мороз. Торопимся к машине. Матушка спешит к общей трапезе в монастыре. Для нее это очень важно — разделить трапезу с сестрами, потому что, как сама она признается, не получается проводить с сестрами столько времени, сколько бы ей самой хотелось.

В Новодевичьем монастыре трапеза начинается в 12 часов и длится около получаса. После принятия пищи ежедневные труды продолжаются. Университетские дела сменяются делами школьными. И что из этого сложнее — вопрос... В общеобразовательной школе при монастыре учится около 80 детей, плюс 60 на подготовительном отделении. Директором школы является сама матушка София.

— Пришлось и это послушание на себя взять. Из-за некоторых кадровых перипетий. Но я у детей ничего не преподаю. Скорее администрирую. Воспитательной работой также занимаюсь, но прежде всего с родителями.

В коридорах школы матушка постоянно останавливается, окликает по именам детей, хаотично перемещающихся в пространстве. Одной бантик завязала, второму воротничок поправила...

— Задача моя тут только к этому и сводится — проконтролировать, чтобы платье поглажено было и рубашка заправлена. А что тут с ними еще сделать можно?

В учительской игуменья София собирает небольшое совещание. Никто из детей не заболел? А из преподавателей? А почему в актовом зале температура +10? С отоплением проблемы — надо разобраться.

После совещания нужно еще пойти на объект, встретиться со строителями. Идет реставрация Воскресенского собора. Все эти работы тоже должна контролировать сама игуменья.

— Вот Вы спрашивали, востребованно ли мое правовое образование вне академии? Оно везде пригождается. И на стройке в переговорах со строителями, с подрядчиками... Мы должны апеллировать к законодательству, искать правовых путей. Но важнее — духовная составляющая. Почему-то эти вещи часто оказываются в нашем восприятии не связанными. Отчасти об этом писали русские философы начала века и приводили такой пример правового нигилизма: когда крестьянам задавался вопрос: «Как будем судить: по совести или по закону?» — люди кричали: «По совести!» Это воспринималось как антиномия — закон и совесть. И сегодня люди считают, что в Церкви есть какая-то административная работа, а настоящая работа — это когда человек только молится. И вот моя задача — показать, что это вовсе не антитеза: надо с молитвой делать всякое Божье дело. Будь это землеотвод, возвращение зданий или строительство храма.

— Помнится, были какие-то вопросы с городскими властями по поводу строительства небоскребов возле монастыря...

— Было очень много таких вопросов. Как раз эта история не принесла положительных результатов. Сейчас все наши городские власти, и депутаты, и гости смотрят и говорят: «Какой кошмар построили рядом с монастырем...» А мы уже просто не могли воздействовать на эту ситуацию. Но есть и другие вопросы: возвращение монастырских зданий, земель. Вопросы школы при монастыре, в том числе возвращения школьных зданий. Это такие темы, которые решаются годами...

Благословенная причина

Казанский собор Новодевичьего монастыря стоит в лесах. Матушка беседует с руководителем реставрационных работ. После идем вокруг собора, вдоль ограды Новодевичьего кладбища, в калитку, где красуется надпись: «Вход категорически запрещен». Нам можно — мы чай попить.

— Матушка, а сестры ваши учатся?

— Они учатся на других практических отделениях — регентском и иконописном. Там очень интересные предметы преподаются, которые позволяют человеку осмысливать и иконографию, и свое послушание на клиросе. Это не просто мастеровые, которые умеют только петь или рисовать, не массовики-затейники на православную тему.

— Как Вы определяете, кого отправить на учебу?

— Вопрос и простой, и сложный одновременно. С одной стороны, в монастыре есть потребность в иконописцах или регентах. Можно было бы и многих направить. Но учитывается несколько факторов. Во-первых, это желание самого человека. Потому что, хотя монах, как говорят святые отцы, «вещь церковная», но даже Бог не спасает нас без нашего желания. Бывает, уговоришь человека поступить, а у него желания нет или нет должного послушания, которое позволит воспринять благословение игуменьи как волю Божию. Важно еще увидеть, чтобы человек поступал по правильным мотивам. Если монах тяготится монастырской жизнью... Или, упаси Бог, есть представление о более высоких и менее высоких послушаниях... Например, стоять у кастрюли с поварешкой — низкое послушание, а петь на клиросе — высокое. Это повод не благословить на обучение. Но если человек хочет послужить своей обители дополнительными знаниями — это благословенная причина.

— Выжидаете какое-то время, чтобы понять это?

— Да, очень важно, чтобы человек немного пожил в монастыре и понял, зачем он сюда пришел. В монастырь приходят не для того, чтобы стать регентами, или иконописцами, или вышивальщицами церковными. Мы приходим для того, чтобы стать монахами. Если человек еще не вкусил собственно монастырской жизни — нет смысла его направлять учиться. Поэтому мы всегда ждем, чтобы человек укоренился в монастырской жизни, привык к быту, к режиму. Чтобы миновала внутренняя брань, которая всегда проходит какие-то этапы у каждого насельника.

Время на науку

— Все ли монашествующие должны получать какое-то духовное образование?

— В условиях современных реалий расцерковленного общества мало кто обладает достаточными знаниями, даже приходя в монастырь. Потому что само богослужение в современных условиях не является для людей источником богословских знаний.

— Хотя бы потому, что мало что понятно...

— Да, если человек сам не поет на клиросе, то он даже не всегда различает слова песнопений, не воспринимает славянские тексты, ту догматическую составляющую, которая в них есть. Поэтому на сегодня даже в монастырях предусмотрены специальные занятия, которые позволяют получить базовые знания. Я не говорю богословские — это очень громко. На уровне катехизиса, на уровне Закона Божия. Приведу такой печальный пример. Наш бывший директор школы принял на работу преподавателем истории человека, который в анкете написал о себе как о прихожанине одного из храмов города. Напротив вопроса «У кого Вы духовно окормляетесь?» почему-то стоял прочерк. Оказа-

СЕГОДНЯ ЛЮДИ СЧИТАЮТ, ЧТО В ЦЕРКВИ ЕСТЬ КАКАЯ-ТО АДМИНИСТРАТИВНАЯ РАБОТА, А НАСТОЯЩАЯ РАБОТА – ЭТО КОГДА ЧЕЛОВЕК ТОЛЬКО МОЛИТСЯ. И ВОТ МОЯ ЗАДАЧА – ПОКАЗАТЬ, ЧТО ЭТО ВОВСЕ НЕ АНТИТЕЗА: НАДО С МОЛИТВОЙ ДЕЛАТЬ ВСЯКОЕ БОЖЬЕ ДЕЛО. БУДЬ ЭТО ЗЕМЛЕОТВОД, ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗДАНИЙ ИЛИ СТРОИТЕЛЬСТВО ХРАМА *игуменья София (Силина)*

лось, его духовные учителя — это китайские мудрецы XV — XVI веков. На груди вместо наперсного креста он носит значок инь-и-ян...

— Бывает ли такое, что люди покидают духовную академию вследствие некоего «выгорания»?

— Святые отцы говорят: если увидишь человека павшего, знай, что он доверился себе. Конечно, сами по себе знания не являются условием ни духовного роста, ни духовного падения. Как правило, абстрактные знания без внутренней духовной работы создают у человека иллюзию, что всё кругом происходит без промысла Божия. Если почитать, например, церковную историю в изложении французских позитивистов, то, правда, складывается впечатление, что вся история — человеческая: захотел император — не захотел, договорились — не договорились, а там война наступила, поэтому не успели доехать... Лично я с явлением «выгорания» в академии не сталкивалась. Самое главное, получая духовное образование, еще и жить по-христиански, чтобы не было отрыва между интеллектуальными знаниями и знаниями

сердечными. Можно взяться за такую высоту, которую не понесешь.

— Насколько монастыри сейчас занимаются научной деятельностью?

— Могу сказать только о нашем монастыре, в нем 30 сестер. Более-менее трудоспособных — 20. На них ежедневные богослужения, уборка, готовка, прием гостей, богомольцев. Плюс еще школа, патронажная служба, сайт, написание икон. Всё требует времени и сил, которых на научную работу практически не остается.

Словно отвечая на матушкин вопрос, раздается удар колокола. Он говорит, что уже почти пять часов вечера и начинается вечерняя служба.

На прощание матушка одаривает меня книгами, которые выпускает свое небольшое монастырское издательство. Это переводы проповедей схиархимандрита Иоакима (Парра) «Беседы на русской земле». День начался с молитвы — молитвой и закончится. Какой бы ни был монах — ученый или вообще без образования — для него это дело остается главным. ♦

[illegible]

ॐ नमो भगवते वासुदेवाय

Б ИККИ

Г. Д. ДАВЫДОВ

УЧЕНАЯ СТЕЗЯ

Трудно точно определить, насколько высок процент ученого монашества на сегодняшний момент в Русской Православной Церкви. Множество монахов, ведущих научные исследования, часто совершенно не заметны — они «копают» тему, порой интересную лишь узкому кругу специалистов, и результаты их работ не известны широкой аудитории. О двух представителях «ученого сословия» - в рассказе журнала «МВ»

«ЗАСТАВИТЬ ЗАНИМАТЬСЯ НАУКОЙ НЕВОЗМОЖНО»

Внук известного ученого, богослова и философа протоиерея Павла Флоренского, насельник Троице-Сергиевой Лавры игумен Андроник (Трубачев), рассказывает о том, почему наука требует лишь добровольного участия, нужна ли сейчас Церкви и миру специальная монашеская академия и хватит ли на всех старцев

— Отец Андроник, вначале надо внести терминологическую ясность: какая разница между академическим и ученым монашеством?

— Здесь все довольно просто и определено. Академическое — это те, кто принял постриг при академии, в ней официально трудится, преподает, чьи труды, результаты документально зафиксированы. Во многом они занимаются административной работой, которая не всегда благоприятствует собственно научной. Ученое монашество гораздо шире, оно менее формализовано. Ведь многие ведут научную работу в тиши келий или разрабатывают серьезные теории, гипотезы по многу лет и даже могут не писать книгу, монографию на эту тему.

— Многие исследователи отмечают, что в Синодальный период началось размежевание монашества на ученых и собственно монастырских. На данный момент это явление продолжает сохраняться?

— В том или ином виде. Но главная проблема, на мой взгляд, коренится в каждом конкретном монахе: он в себе это отчуждение, это разделение может либо подпитывать, либо гасить.

— Но ведь объективно такая проблема существовала? Не зря же Съезд ученого монашества 1917 года был посвящен решению именно этой проблемы.

— Проблема заключалась в том, что монастыри перестали быть центрами, средоточием учености, про-

свещения. А академии сосредоточились на решении административных, кадровых вопросов. Поэтому такая проблема, конечно, была.

— А сейчас?

— Лично я не вижу в этом сейчас особой проблемы. Заниматься наукой можно, для этого нужно только желание. Правда, особых условий для занятия наукой, к сожалению, не создается. Но и помех особых я тоже не вижу. Поэтому это вопрос личных усилий, личного подвига — так было всегда. Настоящие ученые — это «штучный товар». Заставить человека, монаха заниматься наукой и тем более добиться от него результата — невозможно. Те, кто занимается ею, будь то академия или монастырь, делают это по зову сердца, по склонности.

Есть еще одна важная проблема: дефицит учителей, наставников, то есть тех, кто может передать свой опыт, свои методы, свой «образ мыслей» следующему поколению. А без этих учителей «поле науки не будет цвести» — она не возникает на пустом месте, в вакууме.

— То есть, если резюмировать, центральная проблема в том, что нет условий для глубокой научной работы?

— Мне кажется, этих условий нет и у простых, светских ученых. И Церковь — это часть общества, и она вбирает в себя все те проблемы, которые есть в социуме. Конечно, развиваться можно, но условия для

СОЗДАТЬ СЕГОДНЯ ДУХОВНОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ ИЛИ БРАТСТВО «ЭФФЕКТИВНЕЕ» НАШЕЙ ЛАВРСКОЙ АКАДЕМИИ – ПРОСТО НЕПРАВДОПОДОБНАЯ ИДЕЯ. ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ЭТО НЕ ВОПРОС БЛИЖАЙШЕГО ВРЕМЕНИ *игумен Андроник (Трубачев)*

развития — это явление системное. Должна быть предсказуемость, стабильность, хороший уровень финансирования. Я не думаю, что сейчас в монастырях кто-то специально будет создавать какие-то условия для ученого брата.

Хотя, по-хорошему, это делать нужно. Если ученый монах будет послушаться со всеми и не будет уделять времени науке, то как же из него получится толковый ученый? Это невозможно.

Святитель Феофан, затворник Вышенский, одно время пробовал жить в одном ритме с братией — трудился с ней, молился. Но через 2-3 года такой практики он понял, что для ученых трудов не остается места, и изменил свой монашеский образ жизни. Но это не типичный случай, а почти уникальный: святитель Феофан имел возможность это сделать, имел имя, влияние, известность, но, как правило, монах не может самочинно изменить свой распорядок жизни — это противоречит обету послушания.

— По поводу условий: их как раз планировали создать на том Съезде 1917 года. Имелись в виду две резолюции: специальный ученый монастырь, устав которого бы создавал максимально благоприятные условия для научной работы братии, и специальная монашеская академия, в которой бы не было преподавателей-мирян.

— Ну, специальная академия — это, может быть, хорошая идея. Ее пытался воплотить владыка Феофор (Поздеевский), когда стал наместником Данилова монастыря. Но идея провалилась, хотя и времена были уже не подходящие — начались гонения.

Владыка Питирим (Нечаев) в Издательском отделе тоже пытался создать что-то вроде ученого братства. Я принимал в этом участие, как и некоторые нынешние насельники лавры. Да, были какие-то организованные усилия в этом направлении, но устойчивый результат не был получен. И сегодня создать духовное учебное заведение или братство «эффективнее» нашей лаврской академии — просто неправдоподобная идея. По крайней мере, это не вопрос ближайшего времени. И Церковь сегодня этот вопрос не «переживает».

А монастырь — тоже дело на данный момент неподъемное. Нет у Церкви ресурсов — ни материальных, ни кадровых. Нам бы достойно развивать уже существующие академии. А искусственно в современных реалиях ученую монашескую среду отделять еще и от общецерковной — совсем бесперспективно. Мне кажется, это не первоочередная задача для

нашей Церкви в данное время. Она не стоит на повестке дня.

— Но все-таки что сейчас Церковь может сделать для того, чтобы ученых монахов было больше и они «ярче горели»?

— Многие могут сделать настоятели монастырей; если они видят задатки, дарования, то, безусловно, в правильном соотношении с монашеской аскезой и молитвенным духом эти таланты можно развивать. Но это все не является системным явлением. Сегодня один настоятель, завтра — другой. Элемент непредсказуемости и непостоянства. Это мешает глубокой научной работе.

— На Съезде также обсуждали меры по сохранению правильного жизненного настроения молодого ученого монаха — ему предписывалось не менее 2-х лет прожить в строгом монастыре и постоянно находиться под руководящим надзором старца.

— 2 года — это мало. За это время он просто не успеет понять, что такое монашество, не успеет устояться в нем. Можно и 40 лет быть монахом и «поскользнуться» на любой мелочи. Поэтому тут сроки условные, но в целом мера, естественно, правильная.

Насчет старцев, разумеется, руководящий надзор нужен, без него ни один монах не устоит. Но много ли у нас старцев? Хватит ли их на всех? Все ли ученые монахи найдут к ним дорогу?

— Вы внук выдающегося ученого протоиерея Павла Флоренского. Он ведь стал поистине целым явлением в истории нашей Церкви и науки.

— Очень важное значение имеет генетическое наследие, история рода. Совокупность качеств переходит из поколения в поколение, так они закрепляются, так «выращиваются», воспитываются выдающиеся люди. XX век истребил из среды русского народа огромное количество гениальных, талантливых мыслителей. В этом смысле настоящее и будущее нашей культуры — в том числе науки — испытывает на себе мощное влияние прошлого.

— Над чем Вы сейчас работаете, над какими трудами?

— Мое главное направление было и остается одним и тем же — наследие, творчество отца Павла Флоренского. На данный момент заканчиваю 3-ий том его полного собрания сочинений. Дай Бог, чтобы эти труды были востребованы. Продолжаю заниматься музеем, посвященным отцу Павлу. И в том и в другом деле нужны и помощники, и преемники. И хотя ситуация достаточно сложная, надеюсь, заинтересованные люди найдутся. ♦

Радостыи гдѣшныи и радованіи
 ангеловъ и свѣтлостіи, гдѣшны
 и радостныи и радованіи
 свѣтлостіи гдѣшныи :

Радостыи гдѣшныи и радованіи
 свѣтлостіи гдѣшныи и радованіи
 свѣтлостіи гдѣшныи и радованіи
 свѣтлостіи гдѣшныи и радованіи

Пріимый шѣла крестныи чинъ, покаясь свои
 оученикоу хъ праведныи не естъ, полъкъ шѣ
 богоріи іерать и шѣ паденіи ерѣшныи бдѣ ;

Радостыи гдѣшныи и радованіи
 свѣтлостіи гдѣшныи и радованіи
 свѣтлостіи гдѣшныи и радованіи
 свѣтлостіи гдѣшныи и радованіи

ПРОСТАЯ ИДЕЯ ОГРОМНЫХ ОБЪЕМОВ, или цифровая «келья» отца Николая

Книжность и письменность пришли на Русь вместе с верой Христовой. Византия подарила тогда еще не оформившемуся русскому народу главную Книгу – Евангелие. И первым ученым делом русских монастырей стало переписывание священных текстов. Монахи буква за буквой от руки переносили сакральные письмена на пергамент, позже – бумагу, сохраняя Книгу книг для себя, своих современников и потомков. То, что сохранили для нас они, надо сохранить и для следующих поколений. Этим и занимается Отдел славянских рукописей и старопечатных книг Троице-Сергиевой лавры и, в частности, ее насельник игумен Николай (Павлык)

Достучаться до книгохранителей

– Отец Николай! Мы хотим рассказать о вас как о представителе ученого монашества.

– Обо мне? Но я совершенно не ученый. Я просто фотограф – фотографирую старинные книги.

«Просто фотограф» перевел в «цифру» — оцифровал — уже почти 2000 единиц хранения из фонда Троице-Сергиевой лавры (тех самых, что были достоянием главного монастыря России до революции 1917 года, а с конца 20-ых гг хранятся в Российской государственной библиотеке, бывшей «Ленинке») и почти 16 000 единиц из смежных фондов. В 2002 году между лаврой и РГБ было подписано специальное соглашение о сотрудничестве.

– С инициативой перевести бывшие лаврские книжные фонды в электронный вид выступил сам отец Николай, — рассказывает заведующий Отделом рукописей РГБ Виктор Федорович Молчанов. — Сотрудники библиотеки с опаской и осторожностью относятся

к подобным идеям: рукописи представляют огромную историческую и научную ценность, обращаться с такими раритетами — великое искусство. Поэтому многим желающим заняться цифровым копированием рукописей было отказано — они не вызвали доверия. А вот отец Николай со временем смог расположить к себе. С нашими сотрудниками у него сложились прекрасные не только рабочие, но и человеческие отношения.

— Все началось в конце 90-ых, я учился в Московской духовной академии. Работая над диссертацией по наследию святителя Тихона Задонского, приехал в РГБ. Здесь познакомился с ученым Николаем Соболевым, который оцифровывал рукописи Ф.М. Достоевского. По его примеру решил то же самое сделать и с рукописными книгами лавры, хранящимися в главной библиотеке страны.

— От желания заняться оцифровкой книг до воплощения замысла прошло несколько лет, — поясняет главный хранитель Отдела рукописей Ольга Лео-

В цифру переведены, в частности, древнейшая рукопись лавры – книга 1222 года, собрание «Ризница Троице-Сергиевой лавры» – «Евангелие» Бориса Годунова, Псалтирь Иоанна Грозного, самый подробный синодик лавры, служебник преподобного Никона Радонежского

нидовна Соломина. — Отец Николай ходил, стучал, что называется, во все двери. Вначале ему отказывали, говорили: «Он же погубит все книги!» Батюшка настойчиво шел к своей цели: приводил разных специалистов, консультантов, действовал методично. В итоге он стал для нас по-настоящему своим человеком, даже опорой.

От США до Мадагаскара

Отец Николай всячески умяет свою роль во всех рабочих процессах. В словосочетании «ученое монашество» ударение он делает на слове «монашество».

— Разве закон о реституции – возвращении церковной собственности – не подразумевал возвращение и церковных книг тоже?

— Между Церковью и библиотечным, музейным сообществом достигнуто понимание того, что в ряде случаев целесообразно, например, книги оставить в библиотеках, где для их хранения созданы все условия, — продолжает игумен Николай. — В 90-ые годы лавре все же передали часть старопечатных книг, но о возвращении всего фонда речь не идет. И вот, чтобы решить этот вопрос с максимальной пользой для всех сторон, было принято решение оцифровать лаврский рукописный фонд и создать его электронную версию. Книги в электронном виде доступны на сайте лавры и сайте РГБ.

— И насколько пользователям Сети интересны эти старинные книги?

— Вы знаете, в Интернете легко проводить замеры числа посетителей сайта, и поэтому востребованность

можно измерить в конкретных цифрах, — продолжает отец Николай. — В год к оцифрованным рукописям обращается от 20 до 35 миллионов человек со всего земного шара. Причем пользователи из самых разных стран (135 стран мира) — не только канонической территории Московского Патриархата, но и из США, Израиля и даже небольших островных государств — Коста-Рики, Мадагаскара. Это говорит о том, что интерес к русской духовной культуре, к православной культуре достаточно высок. Мы очень рады этим показателям, потому что они свидетельствуют: наш труд не напрасен и спрос на него есть.

— Как строилась Ваша работа с самого начала? Вы же один все начинали?

— Да, но постепенно сложилась команда из 3-4 человек. Эти люди по-настоящему любят свою работу, иначе бы они просто не занимались этим в течение стольких лет. Ведь работа в нашем отделе не подразумевает высокую зарплату и перспективы карьерного роста. Но все понимают: это благое начинание, на пользу Церкви, а значит, и душе человека. Это, конечно, не работа в привычном смысле слова, а скорее служение, призвание. Думаю, наш коллектив так это и воспринимает.

ШАГ ЗА ШАГОМ

Начиналось все с фотоаппарата, штатива, освещения, компьютера — собственно, это и сейчас весь инвентарь лаборатории. РГБ предоставила помещение, где каждый день страница за страницей снимаются ценные книги. Начали с книг лавры, затем — Московской духовной академии, а сегодня снимаются смежные с предыдущими фонды, то есть все те рукописи, которые имеют то или иное отношение к лавре и академии.

Андрей, сотрудник Отдела:

— Я здесь практически с самого начала. Был знаком с отцом Николаем, он меня сюда позвал. И я до сих пор здесь.

Над столом прикреплен штатив, к нему — фотоаппарат. Под объектив Андрей аккуратно кладет очередную книгу и начинает снимать каждую страницу. И так — до 1 500 снимков в день.

Этим же занимается Наталья, но у нее советский (возможно, даже самодельный) штатив, что добавляет царящей здесь атмосфере дополнительный колорит. Отснятые кадры на флешке переносят на компьютер Елены. Она просматривает каждый кадр-страницу, проверяет качество: четкость, читаемость текста, отсутствие

явных зрительных дефектов. В случае ошибок страница переснимается. Каждой книге соответствует папка на компьютере со своим номером. Проверенные папки переносятся на четыре DVD-диска: одна pdf-копия — библиотеке лавры, вторая — библиотеке академии, третья — РГБ, четвертая — Отделу рукописей лавры. Кроме того, копии резервируются на жестких дисках и серверах духовной академии. То есть степень надежности и сохранности высокая. Как пояснил отец Николай, стандартный DVD-диск может без потерь качества хранить информацию до 14 лет (именно столько лет назад были записаны первые диски), главное его не морозить.

Вот и весь алгоритм сохранения книг. На первый взгляд, работа не сложная. Но попробуйте — поснимайте 2-3 денька книги, оцените свои ощущения.

В цифру переведены, в частности, древнейшая рукопись лавры — книга 1222 года, собрание «Ризница Троице-Сергиевой лавры» — «Евангелие» Бориса Годунова, Псалтирь Иоанна Грозного, самый подробный синодик лавры, служебник преподобного Никона Радонежского. Широкой аудитории доступно факсимильное издание «Жития преподобного Сергия Радонежского» Епифания Премудрого, почти на каждой странице которого — миниатюра.

Кроме Отдела рукописей РГБ, работа по оцифровке ведется в Российском государственном архиве древних актов (там хранится более 28, 5 тысяч документов архива лавры), а также в Центральном историческом архиве Москвы.

— Какой у Вас ритм жизни? Удастся выполнять монашеское правило?

— 5 дней в неделю я в Москве. Случается и так, что приходится часто ездить в лавру и обратно, — все

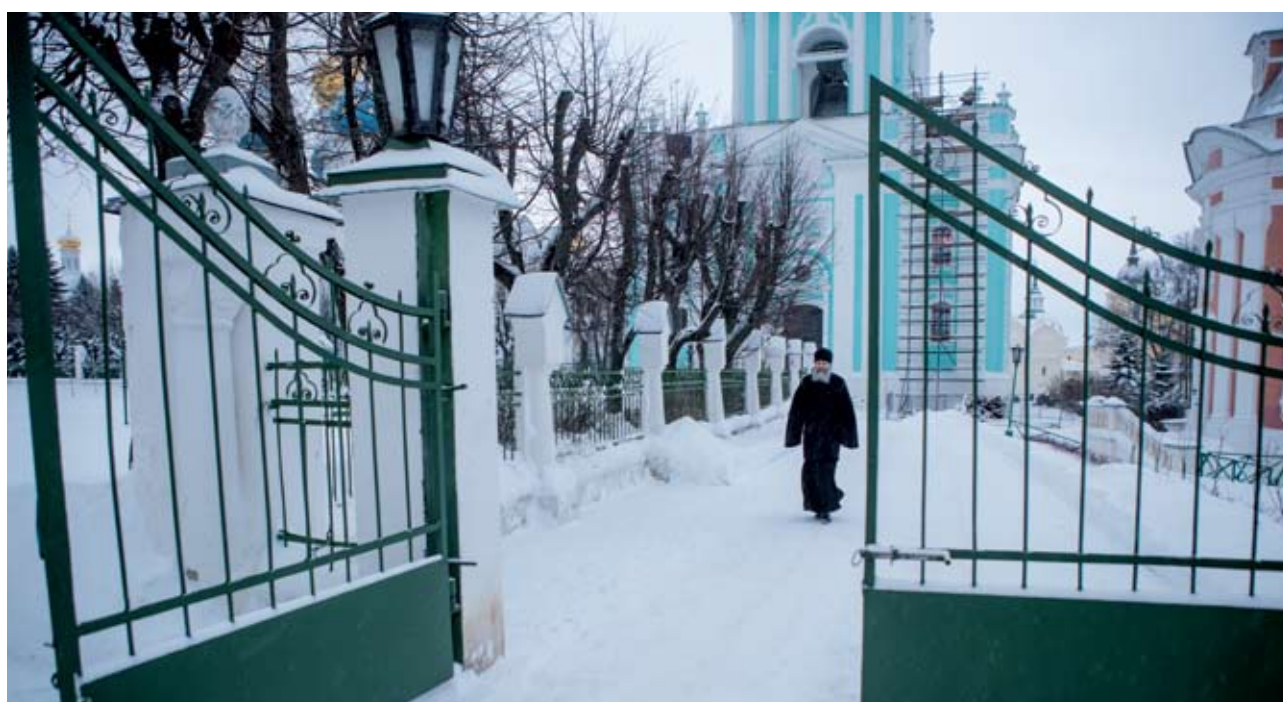
это, кстати, отец Николай рассказывает нам в машине по дороге из лавры в Москву. А на следующий день он опять в лавру. Потом — в Москву... — Основное послушание в библиотеках и архивах, но на праздники и выходные есть другие послушания в монастыре. На самом деле я уже привык к такому образу жизни — читая большую часть правила в дороге, начинаешь ценить тишину кельи. Но по большому счету это неправильно: монах должен жить в монастыре; но тут такой исключительный случай. Хотя душой я всегда в лавре.

— То есть заниматься собственно наукой времени не хватает?

— Увы. Свою кандидатскую диссертацию я писал в течение 4-х лет — по месяцу отпуска каждый год. Вне отпуска писать невозможно: ритм монашеской жизни очень напряженный. Вообще, наука — это подвиг. Подвиг таких людей, как архимандрит Макарий (Веретенников) и игумен Андроник (Трубачев). Себя я к этим подвижникам не причисляю. И вообще, в любом благом деле, особенно сейчас, нужен подвиг. Не обязательно выходить на глобальные масштабы, просто делай хорошо то, что умеешь. Главное — делай изо дня в день, настойчиво, и все будет.

— Кто-то в Русской Православной Церкви еще занимается оцифровкой книжного наследия?

— Я знаю, что выборочно оцифровывает свои рукописи Оптина пустынь. Но это явление не стало массовым, насколько мне известно. Очень хотелось бы, чтобы и другие монастыри и приходы присоединились к этому начинанию. Если каждый потихоньку начнет оцифровывать свой архив, библиотеку, то, поверьте, в скором времени мы будем обладать хорошо сохраненной книжной сокровищницей. ♦

и краплѣху іако некрыѡгненны . пора
бляже полна мнѣ толико потопляше
баше . іакоже погрозноути оуже . и оу
же іакоже ѡни праснои кедѣ оужасше
ѡчѣи іако не пѣкако . іакоди іакодрѣ
га пѣзирахоу . ѡноу недо оумѣни бѣхоу .

И НКЕРМАН. КАМЕНОЛОМНИ СВЯТОГО КЛИМЕНТА

НЕТ, НАВЕРНОЕ, В НАМОЛЕННЫХ ПРЕДЕЛАХ РУСИ МОНАСТЫРЯ БОЛЕЕ СУРОВОГО, НЕЖЕЛИ ИНКЕРМАНСКИЙ СЯГО-КЛИМЕНТОВСКИЙ, ДУХОВНО-ЛИТУРГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОТОРОГО СОЗИДАЛАСЬ ПЕРВОВЕКОВЫМИ ПОДВИГАМИ ХРИСТИАНСКИХ МУЧЕНИКОВ. ЕГО ПЕЩЕРЫ, ВЫДОЛБЛЕННЫЕ В МОНАСТЫРСКОЙ СКАЛЕ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ОБ ОСОБОМ СТРЕМЛЕНИИ ИНОКОВ К ОТШЕЛЬНИЧЕСТВУ, ПОДЧАС – К ИСИХАЗМУ

А РЯДОМ – ТЯЖЕЛЫЙ ЯКОРЬ

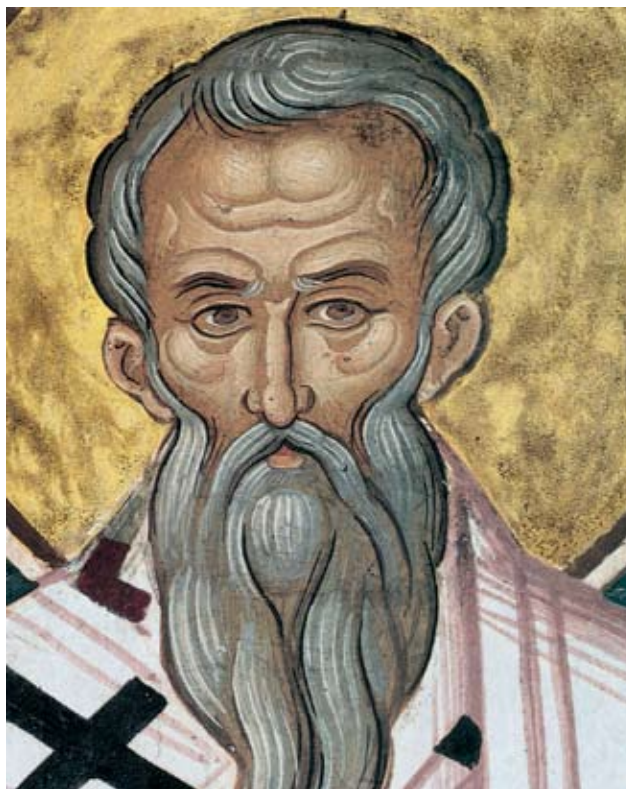
Если отдать должное пушкинскому постулату: «Мы обязаны монахам нашей историей, а следовательно, и просвещением», — то это самое христианское «духовное делание» (наиважнейшее, дающее человеку право на обладание историей) как раз в инкерманских пещерных пустынях и подготовило почву для крещения всея Руси. Таким образом, Монастырскую скалу можно считать подлинной протосвятыней Русской Православной Церкви.

Согласно церковному преданию, в последних годах I века по РХ сюда, в мраморные каменоломни, близлежащие к Херсонесу, где уже томилось немалое число христиан, навечно был сослан римским императором Траяном священномученик Климент — третий епископ Рима, сотрудник в служении Господу самого апостола Петра.

Святитель Ефрем Херсонесский сравнивает Климента Римского с «истинной ветвью винограда Христова, возрадившего гроздь учения, из которого истекла нам сладость благочестия и спасения». Многих херсонеситов и жителей окрестностей он обратил к вере во Христа, и уже через год верные сплотились в 75 общин, молящихся за богослужением в особых комнатах частных домов — горницах.

Подобные успехи не могли не заметить римские власти. Поэтому в 101 году последовал приказ от Траяна не допустить дальнейшего распространения христианства, а уже обратившихся к вере «отторгнуть от благочестия». Но те возрадовались возможности основать сонм херсонесских мучеников. Разгадавши их намерение, власти покарали через утопление в Черном море одного только Климента, причем, привязав к нему якорь, ставший христианским символом надежды на милость Божию и спасения через Воскресение. «Климент, ввержен во глубину морскую с якорем, прибыл ко Христу, конечному якорю», — сказано в синаксарном чтении.

Вскоре совершилось первое обретение мощей священномученика его ближайшими учениками Корнилием и Фивом. Во время их молитвы море отступило почти на четыре километра. Множество херсонесских христиан прошло по сухому дну к скале, подобной храму, в углублении которой лежало «светлое тело мученика», а рядом тяжелый якорь.

30 января 861 года святой равноапостольный Кирилл в восьми верстах от Херсонеса, на островке в бухте Казачьей, совершил второе обретение нетленных останков священномученика Климента. Он же создал Слово на перенесение его мощей, которое, скорее всего, произнес во время славянской литургии, совершенной в Риме в конце 867 — начале 868 года, когда равноапостольные солунские братья Кирилл и Мефодий доставили туда из Херсонеса часть мощей Римского епископа.

В 988 году в кафедральном соборе Херсонеса Климентовскими мощами был благословен великий князь Владимир Святославич — на просвещение христианской верой, на «сотворение и утверждение» православия на Руси. Тогда же он перенес в Киев честную главу священномученика и мощи его ученика Фива. Эта первая общерусская святыня покоилась в Десятинной церкви стольного града.

Собор русских епископов 1147 года поставил русского схимника Климента Смолятича в митрополиты

мощами священномученика. Епископ Черниговский Онуфрий аргументировал небывалую вольность в отношении Константинопольского Патриарха, ранее имевшего prerogative возводить на русскую митрополию ставленников Царьграда: «Знаю, что мы вправе рукоположить его. Как греки рукополагают десницею святого апостола Иоанна, так и мы содержим у себя главу святого Климента». Благочестивая традиция — десницей Иоанна Предтечи поставлять цареградских патриархов — была удачно спроецирована на ситуацию с возведением на митрополичью кафедру Климента Смолятича.

Во всяком случае, именно в год 1000-летия представления святого равноапостольного князя Владимира Президент РФ В.В. Путин озвучил идею создания на херсонесской земле Историко-культурного центра Христианства, который «охватил бы все ветви крупнейшей мировой религии». А ведь и при Свято-Владимирском, и при Свято-Климентовском монастырях имелись музеи — хранилища местных древностей, созданные по благословению архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова).

«Здесь учинить Русь»

История Инкермана складывалась из успехов христианства и ударов, наносимых ему варварами. С середины VI века, когда император Юстиниан взял эту юго-западную часть Крыма под свое покрови-

тельство, христиане проживали здесь около тысячи лет. К сожалению, о бытовании раннесредневекового монастыря практически ничего не известно.

Греческие иноки облюбовали Инкерман после того, как византийский император Константин V Копроним, инициатор Иконоборческого собора 754 года, активно выступал не только против иконопочитания, но и выказывал явное раздражение против монашества как института.

Почти до середины IX века инкерманские монастыри существовали «сами по себе», не признавая власть константинопольских патриархов-иконоборцев. Лишь после Вселенского собора 843 года, провозгласившего восстановление иконопочитания, они получили полную поддержку от императора Михаила III и официальный статус.

Захват Константинополя крестоносцами в начале XIII века не мог повлиять на положение инкерманских монастырей, так как они входили в систему крымских епархий. В этот период возникло феодальное княжество Феодоро, процветание которого укрепило церковную организацию в Таврике, преобразовав ее епархии в митрополию, подчиненные Константинопольскому Патриарху.

В 1399 году золотоордынский хан Эдыгей разбил Херсонес, вскоре пришедший в упадок. Зато в конце XIV — XV веке Феодоро процветало. С 1391 года Инкерман стал резиденцией князя Константина, сына императора Мануила Палеолога.

СОГЛАСНО ЦЕРКОВНОМУ ПРЕДАНИЮ, В ПОСЛЕДНИХ ГОДАХ I ВЕКА ПО РХ СЮДА, В МРАМОРНЫЕ КАМЕНОЛОМНИ, БЛИЗЛЕЖАЩИЕ К ХЕРСОНЕСУ, ГДЕ УЖЕ ТОМИЛОСЬ НЕМАЛОЕ ЧИСЛО ХРИСТИАН, НАВЕЧНО БЫЛ СОСЛАН РИМСКИМ ИМПЕРАТОРОМ ТРАЯНОМ СЯЩЕННОМУЧЕНИК КЛИМЕНТ – ТРЕТИЙ ЕПИСКОП РИМА, СОТРУДНИК В СЛУЖЕНИИ ГОСПОДУ САМОГО АПОСТОЛА ПЕТРА

Османь завладели городом в 1475 году и содержали в нем гарнизон. Но когда поселение пришло в упадок, они предоставили его татарам. Для христиан наступило время гонений и притеснений. В русских письменных источниках Инкерман впервые упомянут в 1564 году в числе городов, принадлежащих Порте.

Однако каким бы опустошительным ни было «нашествие иноплемнных», им невозможно укротить благодать, даруемую миру христианскими святынями. Об этом рассказано «многогрешным попом» Иаковом в «Повести известной и удивлению достойной о мощах неведомого святого, как обретенъ они были и в каких странах, и в каком граде, и в которое время».

В 1634 – 1635 годах отец Иаков прибыл в ордынскую столицу Бахчисарай. 2 марта он вместе с толмачом Юрием Бунашовым и дячком Силой Кирилловым пошел в Инкерман. Там, в середине горы, путешественники обнаружили древнюю христианскую церковь, высеченную из горного камня. Ныне это Свято-Климентовский монастырский храм, в древности посвященный великомученику Георгию Победоносцу. В каменных гробницах и в земле лежало множество нетленных останков.

Мощи святого отец Иаков хотел перенести на Русь. Однако одному из его спутников во сне явился блаженный с нимбом вокруг головы и глагола великое запрещение: «Помышляете обо мне, о друзья, взять мощи мои на Русь, а я хочу по-прежнему здесь учинить Русь, а имя мое и память моя бывает в Семенов день». И после этих слов исчез.

В повествовании отца Иакова почти 400-летней давности приводится замечательное пророчество праведника о будущем севастопольской земли. «Видим, что о судьбе полуострова Таврического думано и суждено еще за несколько веков, думано не на земле токмо, а и на небе, не человеками, а самими небожителями. Что же придумано и рассуждено? Утвердить, как говорит в видении святой угодник Божий, утвердить в Крыму Россию. И она утвердилось там», – говорил архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов). Причем, утвердилось дважды: второе чудесное обретение Россией Крыма свершилось в марте 2014 года – при небесном попечительстве Всех святых, в земле Крымской и Херсонесской просиявших.

Владычество падишаха истамбульского над этой областью продолжалось до Кючук-Кайнаржинского мира 1774 года, в результате которого была признана независимость Крыма от Турции. Манифест от 8 апреля 1783 года возвестил «о принятии под Российскую Державу» полуострова Крым, Тамани и всей Кубанской стороны.

Инкерманская священиковнича Климента киновиа высечена в отвесной скале, прославленной вдохновенной молитвой Римского Первосвященника. Ее основание положено синодальным указом от 15 апреля 1850 года, постановившим «быть там одному иеромонаху с двумя или тремя послушниками». Жалования на содержание обители не отпускалось, средства поступали от пожертвований благотворителей, получаемых с земли выгод и процентов с имеющихся ценных бумаг.

15 ноября 1852 года архиепископ Иннокентий открыл священнодействие в киновии. 24 февраля 1853 года архимандрит Поликарп освятил храм во имя Климента Римского, обновленный и благоустроенный на пожертвование купцов братьев Красильниковых. Вновь зазвучало слово Божие в древних сакральных пещерах Инкермана.

В западной стене пещерного храма до настоящего времени сохранилась выдолбленная небольшая

келия, в которой, предположительно, жил Римский епископ. Утверждение, что священномученик своими руками вырубил одну из келий, является ошибочным. И Климент, и гонимые христиане приспособляли «с пользою для себя» доисторические по происхождению инкерманские крипты, еще Палласом названные «открытыми гrotами». «В христианские храмы могли быть обращены молитвенные помещения прежнего верования туземцев, — отмечал благоуукрашатель Инкерманской киновии художник Д.М. Струков. — Не оттого ли пещерные храмы, сохранившиеся до наших дней, имеют самобытный характер, различный от древних храмов, имеющих в Риме, Палестине, на Афоне и в других местах?»

МОНАСТЫРЬ 2 КЛАССА

Во время Крымской войны, при осаде Севастополя, киновиа оказалась включенной в театр тяжелого сражения 24 октября 1854 года.

К счастью, киновиа не была разрушена до основания, подобно Херсонесской, поэтому в 1856 году, сразу после войны, в ней поселились два послушника и иеромонах, которые продолжили богослужения.

У подножия Монастырской скалы были возведены настоятельские покои с каменным храмом во имя Пресвятой Троицы.

2 июля 1900 года по благословению епископа Таврического и Симферопольского Николая (Зиорова) пещерный храм, келья святого Климента, был освящен в честь святого апостола Андрея Первозванного — первого проповедника Слова Божьего в Крыму.

Все три пещерные церкви соединены коридором-тоннелем, вырубленным средневековыми монахами, и находятся на полугоре, по левую сторону очень древней лестницы, также иссеченной в камне. К скальной стене искусно прикреплены две колокольни, которые нависают над монастырскими постройками и придают обители весьма живописный вид.

В 1894 году завершилось строительство храма во имя целителя Пантелеимона, алтарная часть которого выдолблена в скале. 14 мая чин освящения совершил архиепископ Таврический Мартиниан (Муратовский) — в память чудесного избавления государя императора, императрицы и августейших детей их от опасности при железнодорожной катастрофе близ станции Борки 17 октября 1888 года.

В 1905 году укрепившуюся духовно и материально киновию возвели в общежительный монастырь

2 класса с тем, чтобы настоятель пребывал всегда в сане архимандрита. Теперь в нем имелось определенное по штату число монашествующих с назначенным им от казны содержанием.

Вообще, царская фамилия всегда была добра к Инкерманскому монастырю, часто совершала сюда паломничества и жертвовала на ее нужды. Император Александр II передал на поминавание убитых под Севастополем в Крымскую войну билет Государственного банка на 1000 рублей и подарил Инкерманской обители три акции общества Рижско-Динабургской железной дороги стоимостью 375 рублей.

В первые годы XIX столетия настоятелем монастыря являлся архимандрит Тихон (Богуславец) — духовное чадо старца Амвросия Оптинского и духовник архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого). В Инкермане он подвизался после долгой и беспорочной службы на военно-морском флоте. Архиепископ Симферопольский и Крымский Лука назначил отца Тихона духовником всей Крымской епархии. «Он был игуменом знаменитого Инкерманского монастыря, руководил жизнью монахов и был

В 988 году в кафедральном соборе Херсонеса Климентовскими мощами был благословен великий князь Владимир Святославич — на просвещение христианской верой, на «сотворение и утверждение» православия на Руси. Тогда же он перенес в Киев честную главу священномученика и мощи его ученика Фива. Эта первая общерусская святыня покоилась в Десятинной церкви стольного града

В первые годы XIX столетия настоятелем монастыря являлся архимандрит Тихон (Богуславец) – духовное чадо старца Амвросия Оптинского и духовник архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого)

примером благочестия, молитвы, кротости, духовного углубления. Когда закрыт был монастырь, он поселился в Симферополе в одинокой келье... А в Симферополь к нему постоянно шел народ за богомудрыми советами, за утешением в скорбях своих. Народ шел к нему, ибо народу никто так не нужен, как подобные... молитвенники о земле русской», — говорил святитель Лука.

Разворованная святыня

Октябрьский переворот 1917 года и выход декрета Совета Народных комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» поначалу не затронули бытование Инкерманского монастыря, поскольку советская власть в Севастополе победила только в ноябре 1920 года. С этого времени и наступили для него новые испытания. В годы Гражданской войны инкерманская братия молилась о победе Белой армии.

30 марта 1922 года, согласно декрету «Об изъятии церковных ценностей для нужд голодающих», специальная комиссия конфисковала в монастыре 88 серебряных предметов: покрывал с Евангелий, риз и рамок с икон, потиров «все позолоченных», дисков, тарелочек, звезд, лжиц, копий, крестов, лампад.

23 февраля 1923 года был составлен список движимого имущества храмов Инкерманского монастыря.

Опись 1923 года включала следующие сведения: «Монастырь каменный, одна глава, трое дверей, окон десять, колокольня деревянная в стороне, подвальных помещений нет. Молитвенный дом для служащих монастыря, сад, 19 комнат, подвалы в скалах и сараи. Виноградник 3 десятины, 180 десятин земли, из нее годной 80 десятин». Тогда в монастыре проживали 20 священнослужителей, 10 монахов, 4 послушника, 45 человек «частных семейных квартирантов».

19 марта 1923 года Комиссия о ликвидации монастырей и церквей постановила: «Имущество Инкерманского монастыря как живой, так и мертвый инвентарь с земельными угодьями передать Земотделу», а затем в пользу артели красноармейских вдов и бедноты поселка Инкерман.

В 1925 году Инкерманская религиозная община ставила в известность Севастопольский райисполком, что способна охранять, содержать и выполнять все государственные требования только по отношению к домово́й Троицкой и пещерной Свято-Климентовской церквям, а от остальных отказывается. Вскоре прези-

диум Севрайисполкома вышел с ходатайством в КрымЦИКом о передаче имущества церковей Госфондовой комиссии, а 20 января 1926 года было принято решение о ликвидации Инкерманского монастыря.

Оставшееся имущество обители разворовывалось так называемым «народом», потерявшим веру и совесть. Тащили все: иконы, ковровые дорожки, облачения, плащаницы. Кроме того, обновленческий раскол внес серьезное нестроение в жизнь духовенства и верующих.

Окончательное изъятие церковного имущества из уже бывшего монастыря произошло 11 ноября 1931 года. Через два месяца архимандрит Вениамин передал сотруднику Госфондов Наркомфина Крыма по Севастополю последнее, что осталось в церкви святого Климента, — 149 вещей на сумму 294 рубля.

Во время Великой Отечественной войны и в последующие годы на плато Монастырской скалы были уничтожены все постройки, включая соборный Свято-Никольский храм.

«ПРИЗРИ И НЫНЕ...»

В эпоху советской власти казалось, что Инкерманскому монастырю никогда более не восстать. Слишком велики потери и непереносима горечь утрат. И в 1991 году стараниями замечательного подвижника приснопамятного архимандрита Августина (Половецкого) возродилась древняя киновия и вознеслась в ней молитва «о мире всего мира, благосостоянии святых Бо-

жих церковей и соединении всех». Вечная память отцу Августину, который в сердцах своих учеников, духовных чад и людей, даже коротко его знавших, навсегда остался примером «в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте».

Ныне в древнем монастыре подвизается 15 монахов и послушников. Братия уповаet на небесную помощь священномученика Климента, никогда не оставляющего своей инкерманской пристани: ни во времена языческих гонений на христиан, ни в советскую эпоху. Ее оставляли люди — заблудшие души. И потому вкусили «плодов своих путей» и насытились «своего несчастья». Как писал в Послании к Коринфянам святой епископ Рима, «Господь ни в чем не имел нужды и ничего ни от кого не требует, кроме исповедания Ему».

Климент Римский вернулся в свою обитель частью мощей, перенесенных из Киево-Печерской лавры. Остается только всечасно благодарить Господа за милости Его и, вслед за святым Ефремом Херсонским, повторять:

«О, святой Климент, украшение мучеников, удобрение преподобных, верх иерархов, призри и ныне на настоящее благочестивое и боголюбное собрание, ежедневно потопляемое житейскими попечениями; молитвами твоими сохрани его невредимым и спаси! Демонов же, подобно лютым зверям, нападающих на нас и грозящих поглотить все доброе в душе, силою молитв твоих отрази, всепреподобный!» ♦

«НЕ ЖАЛЕЙТЕ, А СОРАДУЙТЕСЬ»

ЦЕЛОМУДРЕННОЕ ЗНАНИЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИЛАРИОНА, АРХИЕПИСКОПА ВЕРЕЙСКОГО

НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД, СУДЬБА СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИЛАРИОНА (ТРОИЦКОГО) — ЭТО ТРАГЕДИЯ ЛИЧНОСТИ, ПОПАВШЕЙ В ИСТОРИЧЕСКИЙ ШТОРМ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. ОДНАКО, ПРИСМОТРЕВШИСЬ, МЫ УВИДИМ В НЕЙ СЧАСТЬЕ НЕУТОЛИМОЙ ВЕРЫ И ТОРЖЕСТВО НЕРАЗДЕЛЬНОЙ ЦЕРКВИ

РЕШИМОСТЬ УЧИТЬСЯ

Как монах и ученый, преподаватель МДА, он оставил яркое богословское наследие, которое и сегодня формирует сознание будущих священников. А как человек, он прошел путь редкой целомудренной чистоты, вознагражденный мученическим венцом.

Владимир Алексеевич Троицкий — первый ребенок в семье приходского священника из села Липицы Каширского уезда Тульской губернии — родился 13 сентября 1886 года. Двое его младших братьев — Дмитрий и Алексей — тоже приняли венцы новомучеников. Причем Дмитрий (Даниил) так же, как и брат, — в монашеском и архипастырском образе. Алексей — в роли настоятеля того же храма, где служил их отец. В отличие от братьев, сестрам Ольге и Софии удалось избежать репрессий, но не удалось избежать нищеты и скорбей.

Дети рано пережили смерть матери, которая скончалась в возрасте 32-х лет. Это горе сильно повлияло на душу мальчика, родив в нем особенно теплое восприятие Пресвятой Богородицы.

«Ты, мой дорогой, знаешь, — писал архимандрит Иларий в 1916 году в «Письмах о Западе», — что я почти двадцать лет назад потерял мать. В то время ощущал я свое сиротство, так сказать, практически, в смысле житейском, а теперь порою я болезненно ощущаю свое сиротство мистически».

Отрок Владимир слышит призывание к богослужению: в возрасте пяти лет уже читает часы и шестопсалмие в храме.

Тогда же с детьми происходит буквально житийный эпизод: по инициативе пятилетнего Володи братья уходят из дома в Москву «учиться». В дороге маленький Алеша начинает ныть, жалуясь на усталость. На что получает суровую отповедь от брата: «Ну и оставайся неучем!» По иронии судьбы это приключение стало прообразом духовного пути двух братьев в монашество. Путешественников, конечно, вернули домой. На отцовские упреки старший из беглецов привел пример Ломоносова, который ради учебы отправился в Москву пешком из Архангельска.

**ЕЩЕ УЧАСТЬ В ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ, ВЛАДИМИР
АЛЕКСЕЕВИЧ СОСРЕДОТО-
ЧИЛ СВОЕ ВНИМАНИЕ НА
ИСТОРИКО-ДОГМАТИЧЕСКОЙ
АПОЛОГИИ ДЕВЯТОГО
ЧЛЕНА СИМВОЛА ВЕРЫ,
ТО ЕСТЬ НА РАСКРЫТИИ
ПРАВОСЛАВНОГО
УЧЕНИЯ О ЦЕРКВИ**

Владимир всю оставшуюся жизнь был верен своей детской решимости учиться. При этом на пути познания он не только приобрел, но и принес богатые плоды, значимость которых еще предстоит оценить потомкам.

Предназначение к иному

В учении Владимир Троицкий горел, как факел, показав себя исключительно талантливым и в Тульском духовном училище, куда попал десятилетним отроком, и в Тульской духовной семинарии, которую закончил в 1900 году, и в Московской духовной академии, где за выдающиеся способности ему была присуждена стипендия имени профессора В.Д. Кудрявцева-Платонова. Окончание Академии с блестящим кандидатским сочинением (объемом в 1306 страниц) под названием «История догмата о Церкви» распахнуло перед ним двери в мир богословской науки.

Еще участь в академии, Владимир Алексеевич сосредоточил свое внимание на историко-догматической апологии девятого члена Символа веры, то есть на раскрытии православного учения о Церкви. В академии им были написаны и опубликованы работы: «Христианство или Церковь», «Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету», «О церковности духовной школы и богословской науки», «О необходимости историко-догматической апологии девятого члена Символа веры», «Триединство Божества и единство человечества», «Покаяние в Церкви и покаяние в католичестве» и другие.

Владимир Троицкий начинает преподавать на кафедре Священного Писания Нового Завета МДА. Молодой одаренный лектор увлекал слушателей харизмой и ясным умом.

После блестящей защиты магистерского звания в жизни Владимира Троицкого произошло чудо. В душе молодого ученого созрело решение принять монашество.

Некоторые исследователи его биографии склонны приписывать этот шаг влиянию архиепископа Антония (Храповицкого), с которым он общался в то время. Однако свидетельства друзей и сам склад характера Владимира Троицкого говорят об ином: монашество явилось органичным продолжением научной работы, следующей ступенью нравственного и интеллектуального возрастания его души.

Между магистерским диспутом (декабрь 1912) и твердым решением о постриге (весна 1913) проходит всего несколько месяцев. Жизнь Владимира Троицкого буквально расцвела в иночестве, когда он находился в полноте жизненных сил.

В это время ему всего 27 лет, при этом он обладает крепким здоровьем, незаурядной внешностью. Переписка Троицкого за этот период свидетельствует о том, что ему не чуждо созерцание женской красоты. Однако он чувствует предназначение к иному образу жизни. Стремление заниматься богословием с полной самоотдачей, по словам самого героя, является его ключевой мотивацией.

Товарищ Владимира Алексеевича — инспектор Мариинского епархиального училища священник Г.И. Добронравов — писал, что «монашество давно уже представлялось Владимиру Алексеевичу наиболее соответствующей его душевному складу формой жизни. Давно уже он любил предаваться иноческим подвигам, давно влекли его к себе святые обители, особенно пустынножительные. В его представлении (...) академическое делание на скамье ли студента, или на кафедре профессора понималось как одно из монастырских послушаний».

Примечательно, что спустя годы, уже находясь в сане архимандрита на Всероссийском съезде ученого монашества, Троицкий не поддержал идею создания так называемой «монашеской» академии, а в вопросе размежевания белого и черного духовенства занял примирительную позицию. Для него монашество и се-

мейный уклад — всего лишь различные формы жизни, призванные вести людей по пути спасения через исполнение Христовых заповедей.

28 марта 1913 года в лаврском скиту «Параклит» Владимир Троицкий преобразился в монаха Илариона в честь преподобного Илариона Нового, игумена Пеликитского, а уже 30 мая стало известно о его назначении на должность инспектора МДА с возведением в сан архимандрита.

ОТТОЧЕННОЕ КРАСНОРЕЧИЕ

С этого момента до самой революции Иларион Троицкий живет и мыслит трудами академии, становится ее неутомимым сердцем. Инспекторские обязанности практически не оставляют ему времени для научного труда, к которому он так стремился. Однако веселый нрав и природная жизнерадостность придают ему сил. «Роптать не ропщу, потому что монах — церковная вещь. Личной жизни у него нет — один. Куда поставят — берись и работай».

Как инспектор, он обязан следить за нравственным обликом учащихся: «У меня тоже есть «мальчики», с которыми беда: один запьет, другой буянит, один даже отравиться вздумал. Почему? Не говорит. «Чрез любовь», должно быть. Редко день пройдет без какой-нибудь докуки».

Архимандрит Иларион читает лекции, рецензирует сочинения, участвует в заседаниях Совета академии, публикует статьи в церковных журналах, проявляет свои незаурядные способности на почве миссионерской деятельности. Будучи заведующим издательского отдела Пастырско-просветительского братства при МДА, он занимается изданием и распространением листов духовно-нравственного содержания для народа, участвует в студенческой опеке школы-приюта для детей. В эти годы оттачивается его безусловный дар красноречия. Он выступает на многочисленных общественных площадках как в интеллигентской среде, так и перед народом, например «Речь перед всенародным молебствием на площади в Сергиевом Посаде 1914 года».

Этот навык уже очень скоро пригодится Илариону в борьбе за единство Церкви, которая случилась сразу после крушения привычной имперской действительности.

По свидетельству современников, именно обезоруживающая аргументация и убедительность Илариона Троицкого стали решающими в вопросе восстановления Патриаршества на Поместном Соборе 1917 года, в котором он участвовал в качестве делегата от МДА.

С канонической неизбежностью он донес до присутствующих, что «патриаршество есть основной

28 декабря 2015 года, в день памяти священномученика Илариона, архиепископа Вере́йского, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил литургию в Сретенском ставропигиальном монастыре

По свидетельству современников, именно обезоруживающая аргументация и убедительность Илариона Троицкого стали решающими в вопросе восстановления Патриаршества на Поместном Соборе 1917 года, в котором он участвовал в качестве делегата от МДА

закон высшего управления каждой поместной церкви» и что, «если мы не хотим порывать с вековым церковным преданием, мы не имеем права отвергнуть патриаршество».

История сохранила речь Илариона Троицкого на Соборе: «Есть в Иерусалиме «стена плача»... В Москве, в Успенском соборе, также есть русская стена плача — пустое патриаршее место. Двести лет приходят сюда православные русские люди и плачут горькими слезами о погубленной Петром церковной свободе и былой церковной славе. Какое будет горе, если и впредь навеки останется эта наша русская стена плача! Да не будет!..»

Так спустя 200 лет обезглавленная секулярным государством Русская Церковь обрела Предстоятеля.

За Патриарха

Архимандриту Илариону Троицкому было суждено стать ближайшим сподвижником Патриарха Тихона, после избрания которого он принимает должность его секретаря и главного консультанта по богословским вопросам, одновременно продолжая исполнять обязанности инспектора МДА.

В 1919 году следует первый арест и трехмесячное заключение в Бутырской тюрьме, а 24 мая 1920 года Иларион Троицкий рукоположен в сан епископа Вере́йского, викария Московской епархии.

В своей речи при наречении во епископа он сказал: «Церковь Божия стоит непоколебимо, лишь украшенная, яко багрянницею и виссоном, кровью новых мучеников. Что мы знали из церковной истории, о чём читали у древних, то ныне видим своими глазами: Церковь побеждает, когда ей вредят... Силы государства направились против Церкви, и наша Церковь дала больше мучеников и исповедников, нежели предателей и изменников».

Точное слово владыки Илариона стало пророческим и для него самого. Всего лишь три года пройдет, и он попадет в Соловецкий лагерь. Но за эти годы он

сумел принести Церкви драгоценный плод. Именно благодаря трудам Илариона Троицкого был побежден раскол обновленчества, инициированный Львом Троцким. «Это воочию сам сатана», — опишет он это столкновение с властью уже из неволи.

Глядя на эту трагическую страницу XX века, невозможно не удивляться промыслительной точности истории. На одоление церковной распри нашелся именно тот лидер, которого ждал народ, именно с теми деталями характера и талантами, которые требовались в обстоятельствах утраты моральных ориентиров. Создается впечатление, что весь владыка Иларион с младенческих лет готовился к тому, чтобы закрыть своим телом духовную брешь в сознании русского человека в конкретное историческое мгновение. Этот психологический пазл русской смуты раскрывается в свидетельстве современника:

«Трудно было придумать для патриарха Тихона лучшего помощника, чем епископ Иларион. Великолепный, пламенный проповедник, умевший говорить просто и эмоционально, ревностный служитель алтаря, владыка Иларион пользовался огромной популярностью среди московского духовенства и буквально обожанием народа. Самая внешность: богатырский рост, белокурая борода, иконописные тонкие черты лица — импонировали своей величавостью, строгим изяществом, своеобразной картинностью. «Вот настоящий русский святитель», — невольно приходила мысль каждому, кто видел Илариона».

Быстро поняв новую позицию патриарха, епископ сразу стал ее активным проводником. Он в эти дни переговоров с сотнями священников, мирян, монахов и монахинь. Он договорился с приходами о чине их присоединения к патриарху, разработал чин покаяния, принял тут же десятки обновленцев, пришедших к патриарху с покаянием. Благодаря неукротимой энергии этого человека церковная организация в Москве была восстановлена в два дня».

К этому остается добавить, что харизма и тонкий ум епископа Илариона понадобились ему и в многочисленных прениях с представителями богоборческой власти, которая, выражаясь современным языком, проиграла епископу Илариону в прямых дебатах.

Необходимость Церкви

Оппонентом Илариона со стороны троцкистов был уполномоченный ОГПУ по делам религии Е.А. Тучков, который не оставлял попыток идеологически сломить святого вплоть до последних дней его в тюремных стенах. По одному из свидетельств, архиепископ Иларион принял смерть не от истощения на этапе во время пересылки в Казахстан, а был отравлен в лазарете.

Фигура архиепископа Илариона и его пастырское слово были настолько неудобны для политических авантюристов, что они не оставляют его в покое до сего дня.

Так, современные исследователи биографии священномученика Илариона приписывают ему и такой идеологический кульбит, как выступление против митрополита Сергия (Страгородского) за его попытку примирить Церковь с Советской властью.

Единственным основанием для выводов такого рода является письмо от 4 ноября 1927 года, которое приписывается владыке Илариону. Автор письма высокопарно прокликает митрополита Сергия, угрожая ему геенной огненной.

Однако ни стилистика, ни логика этого письма не увязываются с реальной позицией священномученика Илариона, который в ноябре (то есть через месяц после письма) связал «соловецких» епископов клятвой верности митрополиту Сергию, призывая хранить единство и не отделяться от митрополита Сергия.

В образе соловецкого узника с 1923 по 1929 годы архиепископ Иларион, возможно, принес христианству не меньшую пользу, чем на поприще академического служения и борьбы с расколом. Он являет со-

бой один из самых пронзительных и незабываемых характеров Соловецкой ссылки, который отпечатался в воспоминаниях десятков очевидцев и литературном творчестве. Но данная страница его биографии заслуживает отдельной повести.

Целомудрие этого человека обладает такой силой, что и спустя десятки лет после его мученической смерти мы ощущаем радость от встречи с ним. Возможно, секрет в том, что архиепископ Иларион знал, ради Кого жить. Каждый фрагмент этой удивительной биографии свидетельствует, что знание — это плод нравственной чистоты. Что ни гуманитарная, ни точная науки (в смысле приносимой пользы для развития человека) невозможны без целомудрия.

В письменном наследии священномученика Илариона, которое собиралось буквально по крупицам, между академическими заботами, политической борьбой и ссылками, выделяется одна, на первый взгляд, элементарная и «как бы» очевидная мысль. Владыка Иларион пытается обосновать необходимость Церкви для русского человека. Для страны, которой предстоит не только «искушение наукой», но и «искушение рынком», эта простая мысль приобретает масштаб поистине пророческого откровения. ♦

Рака с мощами священномученика Илариона, архиепископа Вереяского, в Сретенском ставропигиальном монастыре

ПЕТРОВСКИЕ СВЕТИЛА

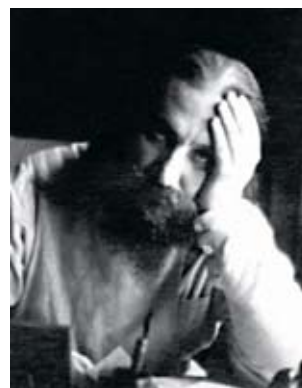
*Схиархимандрит
Гавриил (Зырянов)*

*Преподобномученик
Игнатий (Лебедев)*

*Епископ
Савва (Тихомиров)*

*Архиепископ
Варфоломей (Ремов)*

КОГДА МЫ ГОВОРим ОБ УЧЕНЫХ, ТО В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ВСПОМИНАЮТСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК, ТАКИХ КАК ФИЗИКА, ХИМИЯ, МАТЕМАТИКА, БИОЛОГИЯ И Т.Д. «ГУМАНИТАРИИ» АССОЦИИРУЮТСЯ С НАУКОЙ УЖЕ НЕСКОЛЬКО РЕЖЕ, А ПРЕДСТАВИТЕЛИ БОГОСЛОВСКИХ ДИСЦИПЛИН ДО НЕДАВНЕГО ВРЕМЕНИ И ВО ВСЕ ПРИЗНАВАЛИСЬ «УЧЕНЫМИ» НЕ ВСЕГДА (ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, В НАШЕЙ СТРАНЕ – НА ЗАПАДЕ СИТУАЦИЯ ИНАЯ). В СТОЛИЧНОМ ВЫСОКО-ПЕТРОВСКОМ МОНАСТЫРЕ ЕСТЬ СВОЯ «ДОСКА ПОЧЕТА», ИМЕНА КОТОРОЙ ТОЧНО ДОСТОЙНЫ УЧЕНОГО ЗВАНИЯ

Это может показаться парадоксальным, но среди внушительного перечня православных ученых, действительно глубоко верующих людей, не так много найдется монашествующих. Впрочем, это объяснимо. Человек, вступающий на путь монашества, ищет служения Богу, Церкви, спасения души. Во всяком труде он пребывает в молитве. Умственный же труд предполагает размышления о предмете научного исследования, что большинству людей трудно сочетать с тем молитвенным сосредоточением, которое должно сопутствовать монашеской жизни.

И все же нельзя не назвать имен таких замечательных ученых (бывших не просто монахами, но и архиереями), как сделавшие немало открытий: в области медицины — священноисповедник Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ Крымский; педагогики — священномученик Фаддей (Успенский), архиепископ Тверской; востоковедения и филологии — равноапостольный Николай Японский (Касаткин); востоковедения и археологии — епископ Порфирий (Успенский); геологии — митрополит Иоанн (Вендланд)... Перечень можно продолжать, он пополняется именами и в наши дни. На примере этого списка можно увидеть, что служение Церкви неизменно расширяло круг научных интересов, а не сужало, как это часто принято считать в секулярном мире.

Однако когда мы говорим об ученом монашестве, то прежде всего подразумеваем ученых богословов.

Им посвящено немало статей и исследований. И хотя в истории нашей Церкви ученое монашество развивалось и формировалось с усилием, во многом вопреки внутрицерковной ситуации, оно оказалось весьма результативным в своих достижениях.

ДУХОВНИК СТУДЕНТОВ

Стоит отметить особую роль старческого окормления молодых ученых монахов. Так, например, старец Седмиезерной пустыни схиархимандрит Гавриил (Зырянов) — преподобный Гавриил Седмиезерный, духовное чадо преподобного Амвросия Оптинского, постриженник Высоко-Петровской московской обители, — духовно окормлял многих студентов не только Казанской духовной академии, но и Казанского университета и других институтов. Среди его духовных чад были и священники, и архипастыри, многие из которых во время гонений на Церковь стали мучениками и исповедниками.

Одним из них был преподобномученик Игнатий (Лебедев). Будучи студентом Казанского ветеринарного института, Александр Лебедев после встреч со старцем укрепился в решении посвятить свою жизнь монашеству. По благословению отца Гавриила по окончании института он направился в Свято-Смоленскую Зосимову пустынь, где знания его были весьма востребованы на скотном дворе, но притом и его духовное устройство обратило на себя внимание настоятеля и духовника обите-

**СОСТАВЛЕННАЯ АРХИМАНДРИТОМ
НИКИФОРом (БАЖАНОВЫМ),
НАСТОЯТЕЛЕМ ВЫСОКО-ПЕТРОВСКОГО
МОНАСТЫРЯ В 1887–1895 ГГ.,
БИБЛЕЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ВКЛЮЧАЕТ ОКОЛО 7500 ОБЪЯСНЕНИЙ
РАЗЛИЧНЫХ ПОНЯТИЙ
ИЗ КНИГ ВЕТХОГО И НОВОГО ЗАВЕТОВ**

ли. Настоятель — преподобный Герман Зосимовский — не только руководил духовным возрастанием инока, получившего в постриге имя Агафон, но и поручил ему исполнять обязанности письмоводителя, таким образом передавая ему опыт духовнического окормления.

Промыслом Божиим после закрытия Зосимовой пустыни иеромонах Агафон (впоследствии архимандрит) стал духовником Высоко-Петровской обители, одним из известнейших в Москве старцев в 1920–30-е годы. Одна из его духовных чад и тайных постриженцев, в миру Валентина Ильинична Пузик, в монашестве Игнатия, по его благословению продолжила учебу в медицинском институте, по окончании которого занялась наукой и всю жизнь проработала в институте туберкулеза, став профессором, доктором медицинских наук, сделав немало открытий в этой области.

При этом она всегда оставалась монахиней, соединяя свою жизнь в науке с молитвой, исполнением монашеского правила, любовью к своему старцу, погибшему в лагере в 1938 году, и к своей обители. В 1935 году Высоко-Петровский был фактически разгромлен, когда был арестован и расстрелян ее настоятель архиепископ Варфоломей (Ремов), бывший не просто ученым монахом, но долгое время профессором, проректором, а в последние годы возглавивший Московскую духовную академию, продолжавшую существовать тайно от властей.

След братьев Лихудов

Вообще, традиция поставления настоятелем Высоко-Петровской обители людей, связанных с церковной наукой и духовным просвещением, началась задолго до XX века.

Сподвижник Петра I, настоятель обители в годы Петровского строительства архимандрит Иов, позже ставший настоятелем Свято-Троицкого Сергиева монастыря, а затем возведенный Патриархом Адрианом в сан митрополита Новгородского, был сторонником про-

свещения и ценителем книг, имел обширную библиотеку на многих языках. Живя в Москве, он познакомился с братьями Иоанникием и Софронием Лихудами, основавшими в 1687 году в Заиконоспасском монастыре Славяно-греко-латинскую академию, и впоследствии пригласил их к себе в Новгород для учреждения там подобной школы. Митрополит Иов отвергал западную схоластическую ученость и полагал, что российское духовное образование должно быть основано на святоотеческой традиции.

Архимандрит Иоасаф (Хотунцевич) управлял обителью в 1757 году около месяца, до пострижения во епископа Кексгольмского и Ладожского, викария Новгородской епархии. Известный миссионер, бывший глава Камчатской миссии, строитель церквей и школ на этом отдаленном полуострове, с 1754 по 1757 он был ректором Московской духовной академии. С него начинается череда Петровских настоятелей, тесно связанных с духовным просвещением.

Ректорами Московской духовной академии в разное время были настоятели Высоко-Петровского монастыря: архимандриты Мелхисидек (Заболотский) (1787–1788), Евсевий (Орлинский) (1845–1847) (он был также впоследствии и ректором Санкт-Петербургской духовной академии), Сергей (Ляпидевский) (настоятельствовавал с 1858 по 1859 год, с 1893 по 1898 год — митрополит Московский, возглавлял также Комитет по изданию творений Святых Отцов в русском переводе), Савва (Тихомиров) (1861–1866) — выдающийся ученый-историк и археолог, составитель «Указателя для обозрения Московской Патриаршей ризницы и библиотеки», Почетный член Московского Императорского Общества истории и древностей Российских, Московского Общества любителей духовного просвещения, располагавшегося с 1863 по 1902 год в Нарышкинских палатах Высоко-Петровского монастыря. Став в 1862 году епископом Можайским, владыка Савва продолжал заниматься

**МНОГИЕ ИЗ ПРОПОВЕДЕЙ ЕПИСКОПА ТУЛЬСКОГО
И БЕЛЕВСКОГО ЛАВРЕНТИЯ (НЕКРАСОВА) –
ОДНОГО ИЗ ПОСЛЕДНИХ НАСТОЯТЕЛЕЙ
ВЫСОКО-ПЕТРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ
ДО ЕГО ЗАКРЫТИЯ БОЛЬШЕВИКАМИ –
ПЕЧАТАЛИСЬ И ИЗДАВАЛИСЬ, А В НЕКОТОРЫХ
ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЯХ ПРЕДЛАГАЛИСЬ
УЧЕНИКАМ КАК ОБРАЗЦЫ ДЛЯ ЗАУЧИВАНИЯ НАИЗУСТЬ**

делами, связанными с духовным образованием: обзорением Московской духовной академии, семинарий, преобразованием духовно-учебных учреждений.

С ПЕТРОВКИ - НА АФОН

Вслед за владыкой Саввой Высоко-Петровский монастырь в течение семи лет возглавлял епископ Можайский Игнатий (Рождественский), до этого бывший ректором Вифанской, а затем и Московской духовных семинарий. Ученый-богослов, аскет и молитвенник, он был родственником, духовным чадом и верным помощником в трудах святителя Филарета Московского.

С 1873 по 1882 год Петровским настоятелем был архимандрит Григорий (Воинов), даровитый духовный писатель, составитель исторического описания Московского Златоустова и Высоко-Петровского монастырей, за свои труды избранный в действительные члены Императорского Общества истории и древностей Российских, Почетный член Общества любителей духовного просвещения.

После отца Григория в течение трех лет обителью руководил архимандрит Иосиф (Левицкий). Некоторое время он был ризничим Московской Патриаршей ризницы, достопримечательностям которой он посвятил несколько научных трудов, описывающих московские древности. В 1884 году отец Иосиф удалился на Афон, в Андреевский скит, здесь он был пострижен в схиму с именем Иларион. Настоятель скита архимандрит Феодорит готовил его себе в приемники, но наткнулся на сильное противодействие Ватопедского монастыря, где опасались, что схиархимандрит Иларион, опираясь на свои московские связи, значительно усилит позиции русского скита. Отец Иларион стал скитским духовником и оставался им до самой своей смерти в 1891 году.

7500 ОБЪЯСНЕНИЙ

Главным научным трудом архимандрита Никифора (Бажанова), настоятеля Высоко-Петровского монастыря в 1887 – 1895 гг., действительного члена Общества любителей духовного просвещения, сотрудника Православно-

го Палестинского Общества, стала Иллюстрированная полная популярная Библейская Энциклопедия, написанная им в 1890 – 1891 годы. Согласно предисловию, отец Никифор имел целью дать ответы «почти на большую часть вопросов библейской археологии, архитектуры, астрономии, географии, биографии библейских деятелей, ботаники, священной библиографии, военной науки, зоологии, земледелия, искусств, минералогии, метеорологии, медицины, математики, нумизматики, педагогики, физики, этнографии и др.». Составленная им энциклопедия включает около 7500 объяснений различных понятий из книг Ветхого и Нового Заветов.

НИ ОДНОГО ВЕНКА

У самого порога XX века, с 1897 по 1900 год, настоятелем обители был епископ Павел (Доброхотов), в свое время служивший ректором Полоцкой, Рижской, Екатеринославской, Могилевской, Вятской духовных семинарий. Он был большим ценителем и собирателем христианских древностей. Ему, в частности, удалось собрать листы одной из инкунабул (первых книг, выпущенных с наборных форм) под названием «Постная триодь», напечатанной в Кракове в 1491 году кириллицей. Собранные листы владыка Павел переплёл и в 1853 году подарил Петербургской духовной академии, выпускником которой он был. Особый интерес владыка Павел проявлял к краеведению. Так, им были собраны и описаны подробные рассказы о древних православных храмах Вильны, об истории местных племен и православия в Прибалтике, о взаимоотношениях Пскова с западными соседями. Владыка Павел, много трудов посвятивший делу религиозного просвещения, был назначен настоятелем Высоко-Петровского монастыря, уже будучи на покое. Он умер в обители в возрасте 93 лет. Отпевание его в соборном храме обители возглавил митрополит Московский, будущий священномученик, Владимир (Богоявленский).

Ректором Московской духовной академии был и один из последних настоятелей Высоко-Петровского монастыря до закрытия в советские годы — управ-

лявший им в 1908 году всего несколько дней епископ Тульский и Белевский Лаврентий (Некрасов), прекрасный проповедник и даровитый духовный писатель. Многие из его проповедей печатались и издавались, а в некоторых духовных семинариях предлагались ученикам как образцы для заучивания наизусть. Пребывая на Тульской кафедре, владыка особое попечение проявлял о Белевском епархиальном женском училище. По дороге в Москву владыка сильно заболел и вскоре по прибытии в обитель скончался. Будучи уже при смерти, он неоднократно выражал желание, чтобы, когда он умрет, венков на его гробе не было, а все деньги, для них предназначенные, были пожертвованы на Белевское училище. Родные исполнили его наказ. Ни одного венка не было на похоронах владыки, однако гроб с его телом, стоявший в Сергиевском храме Высоко-Петровского монастыря, весь был украшен множеством живых цветов, принесенных его почитателями.

Открытый список

Возвращаясь ко дню сегодняшнему, стоит отметить, что большинству монашествующих и даже только стремящихся к монашеству, если только они искренне не веряют свою волю в руки духовно опытного руководителя, свойственно отсекают все, что было в их жизни до пострига; и нередко вместе с «водой» — мирскими целями, тщеславием и т.п. — выплескивать и «ребенка», те дары, которыми награждал каждого человека Господь, среди которых может быть и научный склад ума, интерес к исследованиям, эксперименту, анализу. Поэтому так важна, в том числе и для развития науки (не только богословской), роль духовного отца и старца. Открывая иноку волю Божию о нем, он может или отвратить его от научных исканий (что может быть либо полезной в данном случае, либо необоснованной мерой), или благословить и направить по пути спасения души, сочетающему монашескую аскезу и научный труд. ♦

иллюстрации: дарья майская

Естественным следствием паломничества на Восток стало по возвращении домой поселение в Анези и создание там монашеской общины. В отлучие от матери и сестры, подвижавшихся возле деревни, Василий уединился в труднодоступном и пустынном месте. «Здесь он подражал подвигам тех великих мужей, которых видел в Сирии и Египте. Хижина, в которой здесь жил Василий, не имела ни крепких дверей, ни настоящего очага, ни кровли. Он подвижался в крайнем лишении, имея для покрытия себя одну одежду - хитон и мантию; носил и власяницу, но только ночью, чтобы её было не видно; питался хлебом и водой, приправляя эту скудную пищу солью и кореньями. Никогда не ходил он в баню и не зажигал огня. Вскоре к нему присоединился друг Григорий и ещё несколько единомышленников. В своём уединении Василий и Григорий все делали вместе - вместе молились... Они изучали сочинения предшествовавших им отцов и церковных писателей, особенно Оригена. Результатом этого изучения стал труд «Филокалия», представляющий душеполезные изречения Оригена.

Учитель догматов

Святитель Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской, вошел в историю как образец выдающегося ученого ума и высокого монашеского подвига.

Он оставил в истории Церкви исключительный след: греки, например, до сих пор почитают святителя Василия больше, чем кого бы то ни было из святителей

ВНЕШНИЕ НАУКИ И «ПРИЗРАЧНЫЙ РАЙ»

Будущий епископ Кесарийский родился около 330 года. Родители его происходили из богатой христианской аристократии. В их семье были мученики, чем они очень гордились. В воспитании мальчика особую роль сыграла его бабушка по отцу Макрина Старшая, мать Эмилия и старшая сестра — Макрина Младшая. Аскетическое настроение в семье поддерживали именно они. Вообще, женщины этого рода были склонны к монашеской жизни и, вырастив детей и похоронив мужей, удалялись спасаться в леса. Удивительно, но при таком складе души им удавалось создать в семье исключительно благожелательную и добрую атмосферу, что тоже оказало огромное влияние на юного Василия — именно этого он добивался впоследствии в монастыре, который строил сам, и в любом месте, где бы он ни находился.

Отец его был знаменитым учителем красноречия, отличался достойной христианской жизнью, всю жизнь занимаясь широкой благотворительностью. Незадолго до смерти он, видимо, принял священный сан. Отец дал сыну начальное образование, а мать и бабушка наставили в основах веры. Отрок рос очень болезненным, преодоление физической немощи стало его постоянной «аскетической практикой» до конца земных дней.

Когда Василию исполнилось 14 лет, умер отец, но у семьи была возможность дать детям хорошее образование. Поэтому будущего учителя Церкви отправили учиться сначала в Кесарию, потом в Константинополь и, наконец, в главный центр образования того времени —

Афины. «Афины приняли нас, как речной поток», — писал впоследствии его студенческий друг Григорий Богослов. В этом потоке было некоторое количество муты, но и радостный обжигающий азарт познания. «Поначалу В.В. (Василий Великий — прим. автора) был разочарован, не найдя в Афинах того, ради чего приехал, называя этот город призрачным раем. Однако сближение с Григорием обнаружило общий предмет желаний друзей — любомудрие (φιλοσοφία), под которым оба подразумевали целомудренную любовь по Богу».

Василий настолько увлечен был науками, что нередко забывал о еде. «Вокруг их группировался небольшой кружок товарищей, преследовавших серьезные цели самообразования. Войти в этот кружок делал попытки и будущий реставратор язычества — Юлиан, но, не встретив доверия друзей, скоро оставил их общество». Со своими друзьями афинского периода, друзьями доброй студенческой молодости: Софронием, ставшим затем важным сановником, Леонтием, выбравшим поприще софиста, философом Максимом, будущим стратигом Терентием — Василий Великий поддерживал переписку и всегда радовался всякой весточке от них. В каждой науке усердный и одаренный студент добивался успеха: в риторике, грамматике, метрике и философии; кроме того, он освоил астрономию, геометрию и арифметику настолько, что не уступал серьезным специалистам.

Помимо этого Василий изучил не входившую в основные образовательные программы медицину. Возможно, сыграло роль его слабое здоровье, которое он не хотел передоверять врачам, но важно то, что изучение медицины

Василий Великий, наконец, встретился с Евстафием Севастийским, аскетизм которого вызывал у него восхищение. Это общение стало плодотворным для обоих. Последователи Евстафия жили по 2-3 человека в разных городах и весях. Василий обошел города Понты, посетил эти группки монашествующих, устроил из них общежития, которые приняли его устав. Василий Великий был фактическим основателем киновийного монашества в Понте и Каппадокии.

любопытный юноша начал с ухода за больными. В Афинах он изучал, между прочим, и неоплатоническую философию, которая оказала определенное влияние на его образ мыслей и учение. Его друг Григорий отмечает в студенте Василии твердость характера, точность речи и редкую проницательность ума. По словам Григория, они знали «две дороги: одна, первая и превосходнейшая, вела к... священным храмам и к тамошним учителям, другая... — к наставникам во внешних науках», к которым Василий Великий питал известную привязанность. Их учителями в светских науках стали знаменитые риторы Афин того времени, в частности, христианин Прозерсий Армянский.

ИСПРАВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА

В то время в Каппадокии и Армении был очень популярен монашеский идеал Евстафия Севастийского. Под его влиянием мать и сестра Василия Великого переселились в свое имение Анези, которое находилось в лесу на берегу реки Ирис. Вскоре к ним присоединился младший брат Василия Навкратий. Этот юноша вместе со своим другом выбрал для себя подвиг, очень характерный для своей семьи: он помогал старым монахам, подвизавшимся в этих лесах (обеспечивал их пропитанием, охотясь и занимаясь рыбной ловлей). Будучи наслышан обо всем этом, около 356 года Василий Великий покинул Афины ради того, чтобы «вступить в жизнь более совершенную». По болезни Василий не смог сразу отправиться к Севастийскому епископу и задержался сначала в Понте, а затем в Кесарии. Ему предложили сказать слово — оно имело успех; потом неокесарийцы захотели видеть его во главе училища красноречия... Похвалы сыпались как из рога изобилия. И тут прозвучал отрезвляющий голос Макрины Младшей. Она считала, что брат чересчур увлекся риторством, стимулирующим в нем гордость и честолюбие, и стал с презрением смотреть на всех... К этому добавилась неожиданная трагическая смерть брата Навкрата: он попал в водоворот Ириса. Василий серьезно задумался о жизни, вспомнив о том, что в Афинах его влекло к иночеству.

«Если я посвятил много времени суете и провел почти всю мою молодость в бесполезных трудах, занимаясь отраслями мудрости, не угодной Богу, если, наконец, как бы пробудившись от глубокого сна, я обратил свои взоры на чудесный свет, исходящий из Евангельской истины, и познал ничтожность и превратность мудрости правителей мира, то, оплакав многими слезами мою недостойную жизнь, я стал молиться о том, чтобы мне даровано было руководство в познании святых истин. Прежде всего, я должен был позаботиться об исправлении моего характера, испорченного продолжительным сношением со злом...»

Василий пошел в Египет, где процветала иноческая жизнь. Здесь у некоего архимандрита Порфирия он нашел большое собрание богословских творений, в изучении которых провел целый год, упражняясь в то же время в постнических подвигах. Есть предположение, что в Египет он отправился на поиски Евстафия Севастийского и очень желал встретиться со святителем Афанасием Александрийским. Ни то, ни другое ему не удалось, но в Египте Василий наблюдал за жизнью знаменитых современных ему подвижников: Пахомия, жившего в Фиваиде, Макария Великого и Макария Александрийского, Пафнутия, Павла и других. Из Египта Василий отправился в Палестину, Сирию и Месопотамию, чтобы посетить святые места и ознакомиться с жизнью тамошних подвижников. «Я удивлялся, — пишет святой Василий, — их умеренности в пище, их выносливости в трудах, я изумлялся их глубокому молитвенному настроению, изумлялся тому, как они успешно борются со сном, как помышления их всегда возвышенны и свободны, несмотря на голод и жажду, на холод и скудную одежду... Живя, как будто их тело не принадлежит им, они на деле показали, что значит жить в этом мире мыслью об ином мире и иметь свое отечество на небесах... Я молился, чтобы и я, насколько позволят мои силы, мог бы сделаться подражателем этих людей».

Посетив Афины, он имел собеседование со своим прежним наставником Еввулом, а также спорил об истинной вере с другими греческими философами. С Еввулом они вме-

ИЛЛЮСТРАЦИИ: ДАРЬЯ МАЙСКАЯ

сте приняли святое Крещение. По одной версии — в водах Иорданских, по другой — в Кесарии Каппадокийской. Святитель Дианий Кесарийский посвятил Василия во чтеца.

Со своим уставом

Естественным следствием паломничества на Восток стало по возвращении домой поселение в Анези и создание там монашеской общины. В отличие от матери и сестры, подвижавшихся возле деревни, Василий уединился в труднодоступном и пустынном месте. «Здесь он подражал подвигам тех великих мужей, которых видел в Сирии и Египте. Хижина, в которой здесь жил Василий, не имела ни крепких дверей, ни настоящего очага, ни кровли. Он подвизался в крайнем лишении, имея для покрытия себя одну одежду — хитон и мантию; носил и власяницу, но только ночью, чтобы её было не видно; питался хлебом и водой, приправляя эту скудную пищу солью и кореньями. Никогда не ходил он в баню и не зажигал огня. Вскоре к нему присоединился друг Григорий и еще несколько единомышленников. В своем уединении Василий и Григорий все делали вместе: вместе молились, оба оставили чтение мирских книг, за которыми прежде много тратили времени, и стали заниматься только чтением Священного Писания. Желая лучше изучить его, они изучали сочинения предшествовавших им отцов и церковных писателей, особенно Оригена. Результатом этого изучения стал труд «Филокалия», представляющий душеполезные изречения Оригена. Кроме общих молитв, чтения Священного Писания, ученых трудов, Василий Великий, Григорий Богослов и другие тамошние иноки занимались здесь ношением дров, тесанием камней, уходом за огородными овощами и сами на себе возили огромную телегу с навозом».

Из Египта Василий вынес двойственное впечатление: с одной стороны, восхищение запредельно суровой аскезой, а с другой — удивление от эгоистической настроенности некоторых отшельников. Поэтому отшельничество как способ спасения он отринул сразу, так как считал, что такая форма подвига не дает простора для проявления «высокого чувства

сострадания». «В многолюдных общежитиях Египта слишком преобладали экономические интересы и ручной труд, отвлекавшие монахов от молитвы и духовного созерцания. Василий Великий создал смешанную форму монашеской жизни, которая, совмещая светлые стороны отшельничества и общежития, была свободна от их крайностей и неудобств. Молитва и созерцание в его монастырях чередовались с физическим трудом, но для последнего допускались лишь такие ремесла, которые не разрушали духовной собранности и простоты жизни монахов. Отличительной чертой монастырей святого Василия служили также их широкая благотворительность и воспитание детей обо-его пола». Уроки собственной семьи он полностью воплотил в своей монашеской жизни.

Кроме того, в Египте Василий Великий пришел к выводу, что должны быть определенные правила, которыми бы руководствовались подвижники. Такие правила он, с помощью Божьей, составил сам. «Правила эти служили и служат руководством для жизни иноков всего Востока и, в частности, для наших русских иноков. Василий устанавливает для иноков обязанность беспрекословного послушания настоятелю, предписывает быть гостеприимными по отношению к странникам, хотя запрещает подавать им особые кушанья. Пост, молитва и постоянный труд — вот чем должны заниматься иноки, по правилам Василия, причем, однако, они не должны забывать и о потребностях окружающих их несчастных и больных, нуждающихся в уходе».

Василий Великий, наконец, встретился с Евстафием Севастийским, аскетизм которого вызывал у него восхищение. Это общение стало плодотворным для обоих. Последователи Евстафия жили по 2-3 человека в разных городах и весях. Василий обошел города Понта, посетил эти группки монашествующих, устроил из них общежития, которые приняли его устав. Василий Великий был фактическим основателем киновиального монашества в Понте и Каппадокии.

Но святитель Василий не был бы Великим, если бы успокоился на лаврах монашеского уединения. Он изучал себя очень пристально и

В 368 на Каппадокии обрушились одни за другим природные катаклизмы: град, наводнения, землетрясения — и разразился страшный голод. Святитель Василий раздал большую часть имуществ, доставшегося в наследство от матери, и занялся кормлением населения Кесарии в самом прямом смысле: он установил в определенном месте большие котлы, в которых варили сытную похлебку, и голодные приходили к ним, чтобы получить горячее, хлеб и овощи.

Когда о святом Василии услышала преподобный Ефрем Сирин, живший в пустыне, то стал молить Бога о том, чтобы Он показал ему, каков есть Василий. И вот однажды, находясь в состоянии духовного восторга, он увидел огненный столп, которого глава доходила до неба, и услышал голос, говоривший: «Ефрем, Ефрем! Каким ты видишь этот огненный столп, таков и есть Василий...» Есть свидетельство о том, что святой Ефрем стал понимать греческий язык по молитве святителя Василия. Он же рукоположил его диаконом.

пришел к неутешительным выводам: «Мне со-вместно сказать тебе, что я делаю на этом конце мира, — пишет он другу, — ибо я покинул городскую жизнь, как источник неисчислимых зол, но я еще не сумел уйти от самого себя... Повсюду преследуемый врожденными страстями, я повсюду нахожусь в тех же беспокойствах, так что я не вынес большой пользы из моего одиночества...»

И он отдается деятельной жизни.

Пресвитер Василий

Еще чтецом он сопровождает святителя Диания Кесарийского на собор в Константинополе, помогает епископу Василию Анкирскому в его борьбе с ересью. На этом пути молодого чтеца постигли первые разочарования: уважаемые им епископы ставили свои подписи под сомнительными вероопределениями.

В 364 году он был рукоположен в пресвитера. К пастырской деятельности он отнесся исключительно ревностно: резко сократил переписку с друзьями, которая лично для него была очень важна, за счет этого усилил попечение об иноках и бедняках; с головой погрузился в епархиальные проблемы как ближайший помощник епископа Евсевия; много проповедовал, иногда дважды в день; постоянно служил. Вскоре у него произошла размолвка с епископом, слегка завидовавшим ему, и Василий опять спасается в Анези. Но их помирили, и не последнюю роль в этом сыграл друг Григорий.

В это время умерла его мать Эмилия, что стало для него серьезным ударом. «...По грехам моим я лишился единственного оставшегося мне утешения в жизни — моей матери. Не смея-ся надо мною за то, что в мои лета я оплакиваю мое сиротство, но взгляни снисходительно на то, что я не могу терпеливо выносить разлуки с такою душою...» — пишет он другу.

В 368 на Каппадокию обрушились одни за другим природные катаклизмы: град, наводнения, землетрясения — и разразился страшный голод. Святитель Василий раздал большую часть имущества, доставшегося в наследство от матери, и занялся кормлением населения Кесарии в самом прямом смысле: он установил в

определенном месте большие котлы, в которых варили сытную похлебку, и голодные приходили к ним, чтобы получить горячее, хлеб и овощи. Пресвитер Василий «увещевает богатых и скупых осознать «общность человеческой природы» и помочь голодающим, призывает людей в соответствии со стоическим идеалом «необходимого» ограничиваться насущным, полагая, что так можно избежать обнищания одних и чрезмерного обогащения других». Своим примером и проповедями пресвитер Василий подействовал на многих состоятельных людей, и они открыли свои житницы для нуждающихся.

Епископ-благотворитель

Эти события сделали пресвитера Василия чрезвычайно популярным, поэтому, когда в 370 году скончался епископ Евсевий Кесарийский, на его место выбрали Василия Великого. Он стал главой большого диоцеза, включавшего 11 провинций. В подчинении у него было пятьдесят архиереев.

На епископской кафедре святитель Василий столкнулся со многими проблемами, правда, они для него были не новы: он занимался этим еще будучи помощником епископа, но теперь его возможности возросли и ответственность увеличилась.

На первом месте для него всегда стояло попечение о бедных и страждущих. «По примеру своих родителей святитель Василий уделял большое внимание заботе о больных, путешествующих, а также нищих, обеспечивая их работой и едой без различия вероисповедания. На собственные средства и на пожертвования святитель открывает училища, больницы и дома для неимущих с мастерскими, где они могли бы заработать на жизнь (в XX веке эту идею воплощал св. Иоанн Кронштадтский в своих домах трудолюбия), причем в таком количестве, что они образуют отдельное поселение (Василиаду). Здесь питались почти все бедные дети Кесарии. Существовало и специальное отделение для прокаженных, которых, навещая, епископ обнимал и называл братьями. Странноприимный дом был снабжен всем необходимым для путешественников: при нем

ИЛЛЮСТРАЦИИ: ДАРЬЯ МАЙСКАЯ

находились лошади и проводники, больница и врачи. О Василиаде говорили: «Здесь учится любомудрию болезнь, убажается несчастье, испытывается сострадательность».

«Василиада действовала, по крайней мере, до VI в. В делах благотворительности святитель Василий имел предшественником Евстафия Севастийского, приславшего ему для обустройства богадельни двух помощников, но в организации и масштабе своего предприятия Василий Великий превзошел Евстафия. Наподобие Кесарии, в меньших, конечно, размерах, были учреждены богадельни и при хорепископах. Кроме того, пользуясь своими связями в столице и с представителями местной администрации, святитель Василий не упускал случаев ходатайствовать за всех обиженных и несчастных».

ТОЧНОЕ ИСПОВЕДАНИЕ

С самого начала епископского служения святитель Василий «обратил внимание на состояние кесарийского клира. Он зорко следил за его жизнью и требовал от него точного исполнения церковных правил. Энергично боролся он против симонии своих хорепископов и очистил клир от недостойных низших служителей, допущенных в ряды его при слабых предшественниках. Своей строгостью Василий Великий достиг того, что клир его сделался образцовым во всей стране. Соседние епископы искали себе преемников среди пресвитеров Василия Великого».

Святитель Василий сделал важные преобразования в церковном богослужении, которое отличалось у него строгим порядком и дисциплиной. Он ввел всенощные бдения с антифонным пением псалмов. Памятником его деятельности, направленной к преобразованию богослужения, служит литургия, известная под его именем. Она сохранилась в трех версиях: греческой, или константинопольской, сирийской и александрийской».

Очень болезненной проблемой в то время было разделение Церкви на множество групп и объединений, каждое из которых проповедовало свое собственное учение о Сыне Божиим.

Это был период изнурительной для православных борьбы с массой еретических течений: арианских, савеллианских, духоборческих, фотрианских и других. Из этой массы нужно было выделить православно мыслящих, объединить их с почти православно мыслящими и убедить остальных следовать за ними. Эту миссию взял на себя святитель Василий. Помощь Запада, на которую он поначалу надеялся, была ничтожно малой. «Если бы не Василий, — говорит церковный историк Созомен, — то ересь Евномия распространилась бы до Тавра, и ересь Аполлинария — от Тавра до Египта».

«Святитель Василий был практическим деятелем, и вопросы догматические интересовали его, прежде всего, в этом аспекте. Поэтому его учение о Святой Троице было направлено к той же цели (сближения недоверяющих друг другу православных элементов), которой была посвящена и его практическая деятельность. Вклад святителя Василия в историю догматов состоит в том, что им была окончательно определена троичная терминология, принятая церковью».

«СМЕРТЬ МНЕ НЕ СТРАШНА»

Антиарианская деятельность святителя Василия привела его к столкновению с императором Валентом, которого называли апостолом арианства. Во время путешествия императора по Каппадокии епископ наотрез отказался признать правоту арианского учения. В ответ под предлогом усовершенствования сбора налогов Валент разделил Каппадокию на две провинции, что привело к сокращению канонической территории епископии. Анфим, епископ города Тианы, получившего значение столицы вновь образованной провинции, пользуясь административными преимуществами своего города, объявил себя независимым в отношении к своему архиепископу и присвоил права митрополии для своей кафедры. Его поддержали епископы, недовольные избранием святителя Василия. После неудачной попытки спасти для кесарийской кафедры доходы от монастыря святого Ореста святитель Василий решил умножить число подчиненных ему епископов учреждением новых епископий.

Перед самой смертью Василий Великий нашел в себе достаточно сил, чтобы произнести прощальное слово и рукоположить самых близких учеников. Последними словами святителя были: «В руке Твоей предан дух мой» (Пс 30. 6). Согласно святителю Григорию Нисскому, святитель Василий умер на 9-м году епископского служения 1 января 379 года. В последний путь его провожал весь город, без различия званний, сословий и вероисповеданий: здесь были и христиане, и язычники, и иудеи — все, кому он благоотворил, не взирая на лица.

Живя, как будто их (монахов) тело не принадлежит им, они на деле показали, что значит жить в этом мире мыслями об ином мире и иметь свое отечество на небесах... Я молился, чтобы и я, насколько позволят мои силы, мог бы сделаться подражателем этих людей

(святитель Василий Великий)

В числе этих архиереев были брат Григорий, рукоположенный епископом Нисским, и друг Григорий Богослов, ставший епископом Сасимским.

Не все желали понимать смысл деятельности Василия Великого, были такие, кто обижался на него. Святитель усердно и терпеливо восстанавливал мир. Его не понимали родственники, единомышленники, епископы, слишком ортодоксально настроенные монахи. Все это подрывало и без того слабое здоровье. «Непрерывные и сильные лихорадки, — писал он сам, — так изнурили мое тело, что я не отличаюсь от паутины. Всякий путь для меня непроходим, всякое дуновение ветра опаснее, чем тревожение для пловцов... У меня болезнь следует за болезнью". О своем здоровом состоянии он говорил как о более тяжелом, чем у самых безнадёжных больных.

Столкновения с властями составили особую эпопею в жизни святителя.

«Когда в 371 году император Валент с целью утвердить повсеместно арианство предпринял новую поездку в Малую Азию, а Василий Великий отказался принять в обществе арианских епископов, к нему вслед за епископами явился префект претория Домиций Модест, вельможа, известный своей жестокостью. Он потребовал от имени императора, чтобы святитель Василий исключил из символа веры слово единосущный (ὁμοούσιος), угрожая ему в противном случае изгнанием, конфискацией имущества, пыткой.

— Имущество? У меня нет ничего, кроме ветхой одежды и потрепанных книг, — отвечает епископ. — Изгнание? Но и то место, где я живу сейчас, мне не принадлежит, и в какую бы страну меня ни изгнали, она так же будет моей или, точнее, Божией. Пытки? По своей немощи я умру и от одного удара. А смерть мне не страшна, потому что соединит меня с Богом, которому я служу всю жизнь...»

Василий Великий внушил Модесту уважение своей твердостью, и тот даже проникся уважением к нему. На требование чиновника покориться императору святитель отвечал: «...не могу поклониться твари, поскольку

сам есть Божия тварь и имею повеление быть богом... ибо христианство определяется не достоинством лиц, а верой». Донося Валенту о непреклонности и неустрашимости святого Василия, Домиций Модест сказал: «Этот муж выше угроз, тверже доводов, сильнее убеждений».

Позже святитель неоднократно обращался с различными ходатайствами к Домицию Модесту, и тот всегда на них откликался.

РАЗОРВАННЫЙ УКАЗ

«6 января 375 года, в праздник Богоявления, сам император вошел в базилику, в которой святитель Василий совершал Богослужение. Император был поражен стройностью пения молящихся и благоговением епископа, который, казалось, даже не заметил прибытия царя. Когда Валент подал свое приношение, то никто из диаконов не решался принять его без разрешения епископа; земной владыка, привыкший к раболепству придворных епископов, был так смущен, что пошатнулся и упал бы, если бы его не поддержал кто-то из клириков. Тогда Василий Великий подал знак принять приношение императора.

Твердостью, тактом, личным обаянием и благоразумною уступчивостью Василий Великий восторжествовал над своими противниками. Валент разорвал уже подписанный указ об изгнании святителя Василия и, удаляясь из Кесарии, оставил ему богатые пожертвования на дела благотворительности».

Но император Валент был человеком совершенно неустойчивым в своих взглядах и очень зависимым от мнения окружающих. Поэтому его вражда к святителю Василию вскоре возобновилась: то пошлет к нему чиновников с угрозами, то пытается отправить в изгнание.

Когда для очередного разбирательства в Кесарию приехал новый префект Евсевий, горожане, «узнав о происшествии, устремились все — не только мужчины, но и женщины — ко дворцу префекта с оружием и дрекольем, намереваясь умертвить его за своего пастыря. И если бы святой Василий не успокоил народ, то префект был бы убит. Последний же, увидев такое возмущение народное, весьма испугался и отпустил святого невредимым и свободным».

В конце концов единственным защитником Православия на Востоке, не потерявшим кафедру, остался святитель Василий.

«ВОИСТИНУ ВЕЛИК ВАСИЛИЙ!»

«Когда о святом Василии услышал преподобный Ефрем Сирин, живший в пустыне, то стал молить Бога о том, чтобы Он показал ему, каков есть Василий. И вот однажды, находясь в состоянии духовного восторга, он увидел огненный столп, которого глава доходила до неба, и услышал голос, говоривший:

— Ефрем, Ефрем! Каким ты видишь этот огненный столп, таков и есть Василий.

Преподобный Ефрем тотчас же, взяв с собою переводчика, ибо не умел говорить по-гречески, пошел в Кесарию и прибыл туда в праздник Богоявления Господня. Став вдали и незамеченный никем, он увидел святого Василия, шедшего в церковь с большой торжественностью, одетого в светлую одежду, и клир его, также облаченный в светлые одежды.

Войдя в церковь, Ефрем стал в углу, не видимый никем, и говорил сам с собой так:

— Мы, «перенесшие тягость дня и зной» (Мф.20:12), ничего не сподобились, а этот, пользующийся такою славою и честью у людей, есть в то же время столп огненный. Это меня удивляет.

Когда святой Ефрем так рассуждал о нем, Василий Великий узнал об этом от Духа Святого и послал к нему своего архидиакона, сказав:

— Иди к западным вратам церковным; там ты найдешь в углу церкви инок, стоящего с другим человеком, почти безбородого и малого роста. Скажи ему: пойди и взойди в алтарь, ибо тебя зовет архиепископ.

Архидиакон же, с большим трудом протиснувшись чрез толпу, подошел к тому месту, где стоял преподобный Ефрем и сказал:

— Отче! Пойди, прошу тебя, и взойди в алтарь: тебя зовет архиепископ.

Ефрем же, чрез переводчика узнав то, что сказал архидиакон, отвечал ему:

— Ты ошибся, брат! Мы люди пришлые и не знакомы архиепископу.

Архидиакон пошел сказать об этом Василию, который в то время изъяснял народу Священное Писание. И вот преподобный Ефрем увидел, что из уст говорившего Василия исходит огонь.

Потом Василий опять велел архидиакону:

— Иди и скажи пришлому монаху тому: господин Ефрем! прошу тебя: взойди во святой алтарь: тебя зовет архиепископ.

Архидиакон пошел и сказал, как ему было приказано. Ефрем же удивился этому и прославил Бога. Сотворив затем земной поклон, он ответил:

— Воистину велик Василий, воистину он есть столп огненный, воистину Дух Святой говорит его устами!»

Есть свидетельство о том, что святой Ефрем стал понимать греческий язык по молитве святителя Василия. Он же рукоположил его диаконом.

«КРАСОТА ЦЕРКВИ»

Перед самой смертью Василий Великий нашел в себе достаточно сил, чтобы произнести прощальное слово и рукоположить самых близких учеников. Последними словами святителя были: «В руце Твои предаю дух мой» (Пс 30. 6). Согласно святителю Григорию Нисскому, святитель Василий умер на 9-м году епископского служения 1 января 379 года.

В последний путь его провожал весь город, без различия званий, сословий и вероисповеданий; здесь были и христиане, и язычники, и иудеи — все, кому он благодетельствовал, невзирая на лица.

Где находятся в настоящее время мощи святителя Василия, неизвестно: на Афоне (в лавре святого Афанасия) показывают только главу его; тело же его святое, по сказаниям западных писателей, во время крестовых походов было взято из Кесарии и перенесено крестоносцами на Запад — во Фландрию.

За заслуги перед Церковью и высокую нравственную и подвижническую жизнь семейное прозвище святителя Василия — Великий (потому что он был старший из братьев) — вошло в историю и стало неотъемлемой частью его имени. Он прославляется как «слава и красота Церкви», «светило и око вселенной», «учитель догматов», «палата учености», «вождь жизни». ♦

Использованная литература:

1. Михайлов П.Б., Турилов А.А., Э.Н.Л., Иером. Дионисий (Шлёнов), Литвинова Л.В., Муравьев А.В., Э.П.А., Лукашевич А.А., Маханько М.А. Василий Великий // Православная энциклопедия. Том VII.
2. Ф. Фаррар «Святой Василий Великий».
3. И.В. Попов «Василий Великий, Архиепископ Кесарийский, вселенский отец и учитель церкви».
3. «Василий Великий» статья В. Соловьева, Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь.
4. Житие Василия Великого – сайт Центра социальной адаптации имени святителя Василия Великого.
5. Святитель Димитрий Ростовский «Жития святых», январь.
6. Святитель Василий Великий. Творения, письма.
7. Святитель Григорий Богослов. Слово 43. Надгробное Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской.

А НГЕЛЫ, ИНОЧЕСТВО, ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

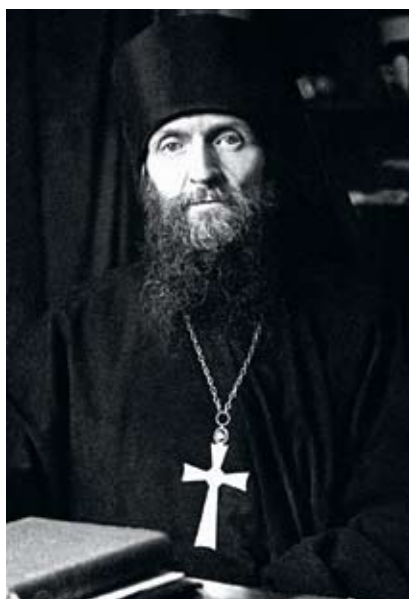
Журнал «МВ» публикует речь (в авторской орфографии; с сокращениями), сказанную архимандритом Киприаном (Керном) на годичном акте Православного богословского института в Париже 8-го февраля 1942 года в присутствии ректора института Высокопреосвященного митрополита Евлогия (Георгиевского). Архимандрит Киприан (23.05.1899 – 11.02.1960) историк Церкви, богослов, профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже по кафедрам патрологии, литургики. В своем рассуждении отец Киприан из глубин догматического богословия выводит важнейшую мысль о том, что монашество – ангельский чин – призвано стоять в авангарде просвещения

В восточной патристике очень распространено учение об ангелах как о «вторых светах». Эта идея стала излюбленной не только у православных мистиков, стоящих на линии псевдо-Дионисия Ареопагита, и продолжающейся от него к Симеону Новому Богослову и Григорию Паламе, но имеет также своих сторонников и толкователей в лице других святых отцов Церкви, как напр. Григорий Богослов, Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин и др. Весьма полно она нашла свое отображение в нашем литургическом богословии, в гимнографическом материале, посвященном прославлению ангельских сил (Миней и Октоиха).

Сущность этого учения сводится к нижеследующему. Бог, Св. Троица есть Первоначальный, Вечный, Несозданный Свет, от Которого изливается озарение на весь мир, на всю тварь, на все живые существа. Самая сущность Божества неизъяснима, несказанна и непостижима ни для кого. Божество по природе Своей

безусловно непричастно. Но Богу по Его любви к миру и человечеству свойственно изливать Свой несозданный божественный свет непрерывным потоком на тварный мир. В этом «светолитии» Бог доступен восприятию низших существ. Псевдо-Ареопагит называет это «выступлениям» Бога; Григорий Палама, вслед за Иоанном Дамаскиным пользуется термином «устремление Бога». Бог, следовательно, «причастен» низшим существам в этом светолитии, в Своих «энергиях». Причащение Божественному началу, познание Бога, — отнюдь не рационалистическое, — допущено в любвеобильном плане миростроительства и мироуправления. Бог дает Себя познавать, к Себе приближаться, Себе причащаться. Этот процесс в Божественной и мировой жизни протекает постепенно, в рамках строгой иерархичности.

Богоначального, Первичного Света приобщаются прежде всего те ангельские чиноначалия, которые по своей близости к Источнику этого Света

способны наиболее полно его воспринять. Развитое ареопагитовской мистикой учение о небесной иерархии обуславливает эту иерархичность познания в самой ангельской сфере. Познание Бога совершается соответственно достоинству познающего. «Божественное открывается по сходству каждого из умов» (*De divin. nomin. I, § 1*), или «соответствующими озарениями» (*ibid. I, § 2*). «Божественная красота... сообщает свет Свой каждому по достоинству» (*De coel. hierar. c. III, § 1; c. IV, § 3*). Ангелы, окружая Престол славы Божией, и непосредственно приобщаясь этого Света, сообщают Его по иерархической нисходящей постепенности ниже себя стоящим ангельским чинам, и т.обр. являются как бы зеркалами, отражающими этот Свет (*ibid. c. III, § 2; De coelest. hierar. I, § 2*). Они суть отблески Совершенного Света, «вторичные свету», «световидные» существа, слуги Первичного Света и наполняются Им.

Однако постепенное изливание божественного Света не останавливается на ступенях небесной, ангельской, иерархии. Этого «светолития» удостаиваются, конечно, тоже сообразно с их достоинством и способностью восприятия, и наиболее духовно-чуткие, озаренные люди. Таким образом составляется в этой иерархии последовательная «золотая цепь», которая, как говорит Симеон Новый Богослов, утверждается в Боге и неудоборазрываема. «Дух Святый, который сходит от Отца Светов на достойных духовных мужей, а от них передается и другим, освежает всех как роса» (*Слово 41-е*). По словам св. Максима Исповедника «твари причащаются Божественного блаженства соответственно своей приемлемости» (*M. P. Gr. t. 90, col. 1029 c.*). И св. Григорий Палама знает, что «этот Божественный Свет» дается в меру и воспринимается больше или меньше, в соответствии с достоинством воспринимающих (*Беседа 35. M. P. Gr. t. 151, col. 448 B.*).

Иерархичность познания и стройная постепенность в восприятии божественной энергии света легла в основание восточной мистики и составляет сущность христианской гносеологии. В этой иерархичности подчеркнуто ясно положение, занимаемое ангельскими

чинами и их служение. Они суть зеркала, вторичные свету, передающие низшим духовным существам этот божественный Свет. Они просветители, и как «чистые умы» познают тайны Божии и сообщают их в той же иерархической постепенности. Их премудрое назначение служить в просвещении и другим ангелам и роду людскому. Просвещение это выражается в приобщении этих низших существ божественной энергии, умному Фаворскому Свету, несозданному, вечному.

Ангелы, вместе с этим отражением Света и просвещением себя и других, беспрестанно славословят величие Божие, прославляют его, воспевая Богу Трисвятую песнь. (...)

Итак, ангелы суть вторичные свету, таинственные духовные зеркала, отражающее миру предвечный Свет Божества. Свет, просвещающий всякого человека, грядущего в мир. Назначение ангельского лика в несении Света. Они светоносители, *luciferi*. Сфера ангельского служения — просвещение, ибо ангелы суть слуги света. Следовательно, все, что омрачает, что заслоняет свет и мешает духовному просвещению, все это — удел и область сатанина и его клевретов, духов, «не соблюдавших своего начальства» (Иуды, 6), отпадших от Божественного света и связанных «узами адского мрака» (II Петра II, 4).

Таково вкратце учение предания о служении ангельских чинов и о их назначении и месте в общей системе мироздания и мироуправления. Но не следует думать, что это имеет значение только для догматического сознания, и свидетельствует только о мистической проницательности тех или иных отцов и учителей Церкви. Это важно не только как достижение этих духовидцев и дерзновенное прозрение их в области надземного и внетелесного бытия.

Это не менее важно и с точки зрения церковного прагматизма и пастырско-миссионерского делания.

Ангельский мир есть посредствующий между Богом и человечеством. Ангелы не только обращены своим умным зрением к Престолу Божией Славы, но в значительной степени назначены для этого человеческого и вообще тварного мира. «Они суть служебные

**...АНГЕЛЫ СУТЬ ВТОРИЧНЫЕ
СВЕТЫ, ТАИНСТВЕННЫЕ
ДУХОВНЫЕ ЗЕРКАЛА,
ОТРАЖАЮЩЕЕ МИРУ
ПРЕДВЕЧНЫЙ СВЕТ БОЖЕ-
СТВА. СВЕТ, ПРОСВЕЩАЮЩИЙ
ВСЯКОГО ЧЕЛОВЕКА,
ГРЯДУЩЕГО В МИР. НАЗНАЧЕ-
НИЕ АНГЕЛЬСКОГО ЛИКА
В НЕСЕНИИ СВЕТА.
ОНИ СВЕТОНОСИТЕЛИ,
LUCIFERI. СФЕРА
АНГЕЛЬСКОГО СЛУЖЕНИЯ —
ПРОСВЕЩЕНИЕ, ИБО АНГЕЛЫ
СУТЬ СЛУГИ СВЕТА**

архимандрит Киприан (Жур)

Вверху: Архангел Михаил. Византия XIV в. Афины Музей византийского и христианского искусств.
 Слева: Ангел — символ Евангелиста Матфея. Лицевое Евангелие Успенского собора
 Московского Кремля (Морозовское). Музей-заповедник «Московский Кремль»

духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение» (Евр. I. 14). И это служение, равно как отражение Света и передача Его низшим ступеням духов совершается иерархически и в меру восприятия их.

(Церковь) знает в своей среде разные чины и состояния, и различает между ними даже особый лик, которому усваивает наименование «ангельского» чина. Представители его носят ангельский образ или схиму, и воплощают в своей человеческой, земнородной природе дух бесплотных небожителей. Это — иноки, монахи, схимники. Но не есть ли это название «ангельского образа» только метафорическое прилагательное? (...)

Такой же ли это титулярный пережиток, или же оно имеет свое реальное содержание и подлинную духовную значимость? Если да, то в чем же ангелоподобие монашествующих? Какова духовная, а не церковно-организационная, не социальная и не иерархическая ценность монашеской схимы?

Этот вопрос и занимает нас в настоящем случае. Как же может человек, ставший монахом, отречься от своей телесной оболочки, и перестать быть плотоносцем? (...)

Аскезой, как воздержанием не может и не смеет ограничиться все делание монаха. Такая аскеза, только средство, а не цель, и при этом средство негативное по своему содержанию. Это есть преимущественно воздержание от чего-либо и не допускание в себе известных низших психофизических потребностей. В этом нет положительного конструктивного момента, и нет момента служения. Аскеза только помогает другим духовным проявлениям: молитве, созерцанию, богосмыслию и т. д. И сами иноческие обеты суть обещания тоже негативные: обещание что-то не делать, не иметь своей воли, не жениться, не стяжать материальных благ. Эти обеты не могут поэтому ограничить монашеское делание, ибо они выражают неделание. Не ограничиваются также цели монашества физическим трудом, как бы он ни был важен и необходим в обиходе монашеской жизни. Труд может быть только подсобным средством

для ослабления телесных пут и тягот, но никак не целью. Немыслимо свести ангелоподобное иноческое служение к тому, чтобы разводить огороды, шить сапоги, изготавливать пищевые продукты и т. под. Все это

м. б. только, по монашеской терминологии «подельем», для чего вряд ли необходим сакраментально-литургический чин пострижения и весь традиционно-бытовой уклад монастырской жизни.

Монашество же, не напрасно именуемое «ангельским образом», должно как-то уподобляться тем, чей образ оно на себе носит. (...)

Иночество и должно, продолжая золотую цепь, соединяющую его с миром ангельским на небесах, изливать миру тленному и падшему на земле это сияние святости, любви и мудрости. Иночество и должно быть преисполнено этим светом и преломлять его в делах чистоты, милосердия и боговедения. Иночество должно, подражая своим первообразам ангелам, продолжать на земле и довершать ангельское служение, стать служебными духами для тех, которые имеют наследовать спасение, для томящегося в грехах и мраке неведения человечества.

Ангельский мир не самозамкнут и не самодовлеющ в общем плане мироздания и мироуправления. Само наименование «ангелы», вестники показывает их предназначенность служить кому-то и чему-то, вне их ангельского собора находящемуся... Так и иночество не есть самозамкнутое и самодовлеющее в Церкви сословие. И оно назначено к служению, к деланию... (М. Р. Gr. t. 151, col. 449 D). Так и иночество не есть самозамкнутое и самодовлеющее в Церкви сословие. И оно назначено к служению, к деланию, и при этом, как уже было

указано, духовному, а не телесному и материальному, созидательному, а не негативному. К накоплению духовных богатств, а не к умножению материальных сокровищ оно призвано Духом. Оно должно отображать духовное, мистическое сияние Света, Любви и Мудрости.

Древняя народная мудрость сказала: «свет мирянам — иноки, свет инокам — ангелы». Это — арео-

**АНГЕЛЬСКИЙ МИР
НЕ САМОЗАМКНУТ И
НЕ САМОДОВЛЕЮЩ В ОБЩЕМ
ПЛАНЕ МИРОЗДАНИЯ
И МИРОУПРАВЛЕНИЯ.
САМО НАИМЕНОВАНИЕ
«АНГЕЛЫ», ВЕСТНИКИ,
ПОКАЗЫВАЕТ ИХ ПРЕДНАЗНА-
ЧЕННОСТЬ СЛУЖИТЬ
КОМУ-ТО И ЧЕМУ-ТО,
ВНЕ ИХ АНГЕЛЬСКОГО
СОБОРА НАХОДЯЩЕМОУСЯ...
ТАК И ИНОЧЕСТВО НЕ ЕСТЬ
САМОЗАМКНУТОЕ
И САМОДОВЛЕЮЩЕЕ
В ЦЕРКВИ СОСЛОВИЕ.
И ОНО НАЗНАЧЕНО
К СЛУЖЕНИЮ, К ДЕЛАНИЮ...**
архиепископ Киприан (Керн)

пагитовская мысль, высказанная в простых словах пословицы. И она очень верно выражает сущность взаимоотношения миров человеческого и ангельского, с их промежуточной служебной ступенью иночества — одного собора (...). Во всяком случае монашество не есть по замыслу и не смеет быть в действительности эгоизмом (...). Очищаясь, оно очищает и окрест себя стоящих, будь то близкие или дальние; просвещаясь молитвою, богомыслием, созерцанием оно просвещает и должно просвещать окрест себя, весь мир, всех человеков.

(...) Цель иночества, как нравственной силы, спасение не только самих себя, но спасение всего мира и освящение твари. Это не только спасение от мира, но именно спасение мира. Поэтому без гнушения его болезнями и, не брезгуя его нечистотой, иночество служит миру: охраняет его, отмаливает его, окормляет его, исповедует его и за него предстательствует. К этому сводилось служение многочисленного сонма преподобных отцов, как в пустынях подвизавшихся, так и открывавшихся этому миру. Вознесение себя на столп (Симеон, Алипий, Никита, Даниил Столпники) или на камень (преп. Серафим Саровский), уход в затвор, в пустынные пещеры, лесные скиты, — все это подвиг молитвенного заступничества за мир. Но и этот подвиг за мир, отмаливание его перед престолом Господним видоизменяется подчас открытым служением человечеству. Особенно созревшие духом подвижники передают себя подвигу исключительной сострадательной любви к миру, обращаются к нему с исцелительной молитвой и советом. Они раскаленным углем Имени Божия касаются язв души, То «милующее сердце», о котором так глубоко трогательно говорит

авва Исаак Сирианин, содрогающееся печалью и состраданием о всякой душе и всякой твари, и даже о врагах истины, т.е. демонах («Слова Подвижнические». Москва. 1858. стр. 299), обращается к миру в подвиге духовничества и старчества. От древних подвижников Востока эта линия тянется к Паисию Величковскому и нашим знаменитым оптинским старцам. Оптина —

один из прекраснейших цветков иноческого вертограда, один из лучезарных светочей православного мира и его ангелоподобного собора монашествующих. Исповедь, руководство жизнью, совет самого, казалось

бы, прозаического, повседневного содержания приближают иноков к их назначению быть ангелами-хранителями мира.

(...) Но следует заметить, что особенно часто забывается та сторона деятельности иноческой, которая особенно их сближает с ангельским их первообразом, и которое, в сущности, является самым существенным и важным. Это — служение Мудрости, Боговедения и Просвещения. Ангелы — зеркала Божественной Мудрости отражают эту мудрость всем существам. Это светильники, светящие отраженным светом, просвещающие мир, вразумляющие его. Подобно этому и монахи несут и должны нести этот свет, просвещают мир, вразумляют его. Они — вестники и светочи, и такими были всегда. Следует лишь вспомнить многочисленные примеры истории монашества, как восточного, православного, так и западного, латинского. Иерусалимская лавра св. Саввы, эти «отшельники Кедронского потока», давшие Церкви великих учителей и творцов богослужебных чиннов, создавшие особую в истории православной гимнографии школу песнописцев савваитов (св. Иоанн Дамаскин, св. Андрей Критский, св. Косма Маиумский, Стефан Савваит и др.) Византийский монастырь Студия, знаменитая лавра преп. Феодора Студита со всем ее значением в истории иконоборческих споров и в развитии богослужения, давшая школу студитов (преп. Феодор Студит и его брат Иосиф, Киприан Студит). М. б. одно из самых замечательных мест должно быть

отведено в этом отношении Афону, как не только месту спасения многих душ, бежавших от мира, но и как огромному центру богословского образования в средние века, богослужебной культуры и мистического боговедения. Афон был подлинным ученым монашеским орденом, если не побоятся применить к православному монашеству этот латинский термин. Достаточно

**Из Радонежских лесов
изливался свет
миссионерства вплоть
до берегов Ладogi
и Белого моря
и до хребтов Урала.
Зосима и Савватий,
Сергий и Герман, Стефан
Пермский, Макарий,
Кирилл, Мефодий и сонм
иных были теми
носителями
Евангелия, которые
христианизировали
языческие окраины
России. Это был
настоящий орден
проповедников**
архимандрит Киприан (Журин)

Преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские. Сайда Афони́на

вспомнить и историю исихазма с преп. Симеоном Новым Богословом, Григорием Синаитом и уже конечно, со св. Григорием Паламой. Знаменитая «Ресавская школа» в истории сербской церковной культуры, монастырь Манасия, деятельность Константина Философа, Деспота Стефана Высокого и др. также свидетельствует о богатом вкладе иноков ученых и учителей, просветителей, иноков служителей и носителей богословия. Без иночествующих центров с их храмами, книгохранилищами и ризницами не было бы византийского ренессанса времен Комнинов и Палеологов, а без этого культурного движения в Византии не было бы и итальянского Возрождения, не было бы Фичино, Полаиоло, Медичей, не было бы влияния Византии и дальше на Запад во время Франциска I. Блаж. Феодорит называл монастыри «училищами философии» (М. Р. С. т. 82, col. 1325; 1348).

История русского иночества только еще лишний раз подтверждает сказанное и дает изумитель-

ные примеры иноческого служения науке, искусству, культуре и просвещению. Стоит только вспомнить, что в наших монастырях был очаг и светильник христианской культуры и богослужения. И Киевские пещеры на юго-западе и «Дом св. Троицы» преп. Сергия на северо-востоке явились теми центрами, из которых широкими кругами разошлось христианское просвещение по лицу русской земли. Ученики Антония и Феодосия в Киеве, и особенно все постриженники преп. Сергия покорили Христовым именем всю Россию и всю инородную Чудь, Мерь и Вель. Из Радонежских лесов изливался свет миссионерства вплоть до берегов Ладоги и Белого моря и до хребтов Урала. Зосима и Савватий, Сергей и Герман, Стефан Пермский, Макарий, Кирилл, Мефодий и сонм иных были теми носителями Евангелия, которые христианизировали языческие окраины России. Это был настоящий орден проповедников. Огласив сначала народ словом Евангельского учения, они постепенно внедряли в

него начатки христианской культуры: перевод святоотеческих творений, богослужебные книги, крюковые ноты и изумительные памятники иконописного искусства. Икона, расцвела и заблистала яркими красками из монастырской кельи. И никогда не повторить и не превзойти тех иконописных отображений ангельского мира, который нам дали Спасо-Андрониевский монах Андрей Рублев и Флорентийский фратр Беато Анджелико, — сами иконописные ангелы и ангелоподобные иноки русского и флорентийского треченто. Монастыри на всем протяжении истории русской церкви были в большей или меньшей степени центрами просвещения. В некоторых, как в Киевском братском это принимало подчас и весьма систематический характер.

Ценность научных вкладов всех этих иноческих светочей не одинакова и не равноценна, но важно то, что такая линия ученого иночества существовала в допетровское время у нас. Важно и то, что в то время их научные плоды и усилия были на уровне тогдашних требований науки и просвещения. Сводилось ли это к переводу Писания или Отцов, к исправлению богослужебных книг или к толкованию церковно-канонических норм, — это все отвечало предъявляемым к ним требованиям. Это были усилия распространять богословское просвещение, христианское мировоззрение и церковную культуру.

Жизнь Западной церкви протекала в иных, более благоприятных, чем на Востоке условиях. От варварских завоеваний они освободились значительно раньше нас, жизнь установилась в более спокойных берегах и почва для культурного строительства была более удобной. Кроме того, и свойственный германо-романскому духу систематизм наложил свой отпечаток на всю жизнь и на научное творчество. Кристаллизация творческих сил в общей системе римо-католического мира пошла иным путем чем у нас. Запад внес именно этот дух системы, свойственный римскому юридизму и в церковную жизнь. Монашество как уход от мира и его принуди-

тельных для свободы духа рамок стало со временем и на Западе и на Востоке сословием, и из органического порыва в церковном теле превратилось в церковно-социальную организацию. На Западе же кроме того в

эту монашескую организацию вошел и принцип дифференциации сил. Монашество распространилось по своим целям и внешним условиям жизни на ордена и конгрегации. Появилась орденская организация проповедников, миссионеров, инквизиторов. И даже сыны святой бедности Ассизского Нищего превратились в организованный орден безбедно живущих монахов.

Если это имело свои теневые стороны, то имело также и большие преимущества. Католики благодаря этому избежали многих трудностей, присущих православному монашеству. В частности в разбираемом вопросе о просветительном духовном служении иноческом латинская организация ученых орденов дала блестящие результаты. Ученым орденам и конгрегациям латинства мир обязан неоценимыми культурными сокровищами. Сама селекция монашествующих по их личным стремлениям способствовала экономии духовных сил и концентрации культурных начинаний. Сонм подвижников науки вышел из рядов ученых орденов, будь то дети св. Бенедикта, или «псы Господни» — Domini canes, или Ассумпционисты, Лазаристы и члены «Общества Иисусова». Знаменитые аббатства просияли на весь мир своими систематическими монументальными трудами в разных дисциплинах богословия, истории, археологии,

языковедения или иных наук. «Гротто-фератское» аббатство в Италии, Solesmes, во Франции St.-Etienne, с его библейской школой в Иерусалиме, Бенедиктинское аббатство Amau, целиком посвятившее себя изучению Восточного Православия, его литургики, аскетики и мистики, Бенедиктинское же аббатство Maredsous во Франции, с его издательством, всемирно известные имена библеистов Abel, Dhorme, Lagrange, Vincent, литургистов Gueranger, Cabrol, кардинал Питра, — все это блестяще показывает, что подвиг заключается не

**БОГОСЛОВ, ПРОШЕДШИЙ
ШКОЛЬНЫЙ ПУТЬ СЕМИНА-
РИИ И АКАДЕМИИ, ЖЕЛАЕТ
В МОНАШЕСКОЙ СВОБОДЕ
ДУХА ПОПОДВИЗАТЬСЯ
НА ПУТЯХ БОГОСЛОВСКОЙ
ИЛИ ИНОЙ КАКОЙ НАУКИ.
ПРИ ОТСУТСТВИИ УЧЕНОГО
ОРДЕНА, УЧЕНЫХ МОНАСТЫ-
РЕЙ ОН ПОПАДАЕТ В СРЕДУ
ПРОСТЕЦОВ, В ОБЫЧНЫЙ
БЫТОВОЙ КРУГ. ПОЛОЖЕНИЕ
ЕГО НЕ ТОЛЬКО ТРУДНОЕ,
НО И ВПРЯМЬ ТРАГИЧЕСКОЕ**
архиепископ Киприан (Керн)

только в физическом труде, и что богоугодным делом м. б. не только работа в огороде, но и изучение ассиро-вавилонской клинописи или сравнение рукописей. Наука тоже подвиг! Капитальные вклады в сокровищницу богословского знания, как то: Патрология аббата Миня в 382 тома, Литургико-археологический словарь Каброля и Леклерка, Словарь католической теологии, Восточная Патрология и подобные многотомные издания, монографии и руководства, все это вышло из ученых монастырей или из рук ученых монахов. Систематические археологические раскопки в Палестине, Сирии, Месопотамии и Малой Азии, кропотливая работа над критикой текста, сличение рукописей и вариантов, годы и десятилетия добросовестного изучения первоисточников, — все это возможно в условиях и только в условиях организованной и систематической научной работы. Работы, не прерываемой никакими повседневными заботами, прозаическими, хозяйственными «послушаниями», административно-пастырскими командировками и т. под., с точки зрения чистой науки второстепенными поделками. Подвижник науки, какой-нибудь доминиканец или бенедиктинец знает, что он будет иметь все для научной работы нужное, и что ничто от нее его не будет отвлекать. Наука его главное и святое дело, его цель и задача, а никак какое-то подозрительное и опасное для спасения души предприятие. Его не страшит, что его вдруг смогут послать обслуживать какое-то ему совсем чуждое дело, для которого абсолютно не нужно знать коптского языка или истории догмы. Чистому делу науки может отдаться с полным спокойствием совести тот, кто имеет вкус и призвание к науке. Ученый монастырь с его храмом и библиотекой, а не только с огородом, швальней, рухольной и другими хозяйственными департаментами, и в таком монастыре рядом с библиотекой и археологический музей, чтобы уже не говорить об обсерватории, — это подлинный скит, подвизалище ума и науки.

Эта строго проведенная дифференциация духовных творческих сил в латинском иночестве не только дала миру упомянутые культурные сокровища и научно-литературные памятники, но и оградило внутренний покой латинского монашества от возможных столкновений, искушений и бесплодных трений, которые, увы! имеют и имели место у нас. Понятно,

что монашество, кроме раскрытия миру своих творческих энергий в служении добра и любви или в научно-культурной сфере, имеет в себе и огромную нравственную силу. В монашестве не только сильные духом люди ищут приложения своим творческим дарованиям, но и утомленные непосильной жизненной ношей, слабые духовно взыскуют в нем только спасения души, нравственного кафарсиса, и только его. Часто, кроме того, монастырь привлекает к себе внешним благообразным бытовым укладом, и люди творчески незначительные, не получившие свыше какой-либо особой харизмы, желают только одного: ухода от суеты и шума мира, ищут покоя, безмолвия и отказа от своей индивидуальности. И вот когда в одной монастырской ограде, объединенные одним уставом и снивелированные средним уровнем общепринятого монашеского благообразного жития, встречаются люди разных духовных дарований, разных стремлений и разных коэффициентов культуры и умственного направления, тогда-то вот и неизбежны упомянутые искушения монашеского быта. В общую массу среди неблагоговейных простецов иноков, коих всегда большинство, попадают и духовно утонченные натуры, пытливые умы, иноки с большим культурным зарядом и запасом, ушедшие в монастырь, чтобы в его тишине читать, переводить, исследовать, писать, творить, словом светить миру светом науки. Богослов, прошедший школьный путь семинарии и академии, желает в монашеской свободе духа поподвизаться на путях богословской или иной какой науки. При отсутствии ученого ордена, ученых монастырей он попадает в среду простецов, в обычный бытовой круг. Положение его не только трудное, но и впрямь трагическое. Простецкая масса индифферентна к науке, совершенно чужда запросов и интересов этого ученого инока, не видит и не может видеть нужды для строительства церковного в изучении семитских языков или сравнении священных текстов. Это даже может казаться и опасным с точки зрения благочестия и смирения. Такого инока не понимают, заподозривают в непростоте, в неблагонадежности, его стесняют и даже преследуют. Появляется типичное деление: «вы — ученые, ну а мы уж — толченые», и, конечно, толченость понимается как необходимый плюс ко спасению, а ученость как прямое препятствие. Отсюда парадоксальный вывод:

**ПРАВОСЛАВИЮ НУЖНЫ
НЕ ТОЛЬКО ЕДИНИЧНЫЕ
УЧЕНЫЕ МОНАХИ: ТАКИЕ
УНИКУМЫ ВСТРЕЧАЛИСЬ
И РАНЬШЕ В НАШИХ
ИНОЧЕСКИХ ВЕРТОГРАДАХ
И ГЛОХЛИ В НИХ.
НАМ НУЖЕН МОНАШЕСКИЙ
УЧЕНЫЙ ОРДЕН**
архимандрит Киприан (Керн)

ушедший школьный путь семинарии и академии, желает в монашеской свободе духа поподвизаться на путях богословской или иной какой науки. При отсутствии ученого ордена, ученых монастырей он попадает в среду простецов, в обычный бытовой круг. Положение его не только трудное, но и впрямь трагическое. Простецкая масса индифферентна к науке, совершенно чужда запросов и интересов этого ученого инока, не видит и не может видеть нужды для строительства церковного в изучении семитских языков или сравнении священных текстов. Это даже может казаться и опасным с точки зрения благочестия и смирения. Такого инока не понимают, заподозривают в непростоте, в неблагонадежности, его стесняют и даже преследуют. Появляется типичное деление: «вы — ученые, ну а мы уж — толченые», и, конечно, толченость понимается как необходимый плюс ко спасению, а ученость как прямое препятствие. Отсюда парадоксальный вывод:

Просветитель преподобный Иосиф Волоцкий. Сайда Афонина

обскурантизм есть необходимое условие для монашеского делания, кое само по себе есть и должно быть отражением Света.

Тем, кто посещают Национальную Библиотеку всегда приходится наряду с массой светских людей видеть и множество духовенства, монахов разных орденов: доминиканцев, капуцинов, иезуитов, бенедиктинцев. Нередко можно заметить и монахинь в их оригинальных головных уборах, склоненных над книгой и пришедших по благословению своей игумении ради каких-то научных изысканий. Я часто себе ставлю вопрос, можно ли было видеть в Императорской Публичной Библиотеке православных монахинь за ученым трудом. «Ученые женщины» в дореволюционной России были в большинстве случаев далеки от церкви, монахиням же не приходило в голову заниматься наукой.

Но могут сказать, что Православию все это чуждо, не нужно и даже опасно; что Православие сильно смирением и молитвой, а не философскими спекуляциями и учеными орденами; что за последний XIX век, век особой просвещенности русское Православие просияло преп. Серафимом, и о. Иоанном Кронштадским, которые не были учеными в строгом смысле слова. Но разве смирение и молитва исключают науку? Разве благочестие мешает книге и просвещению? Ведь если я говорю о культуре и науке, то только основанных на

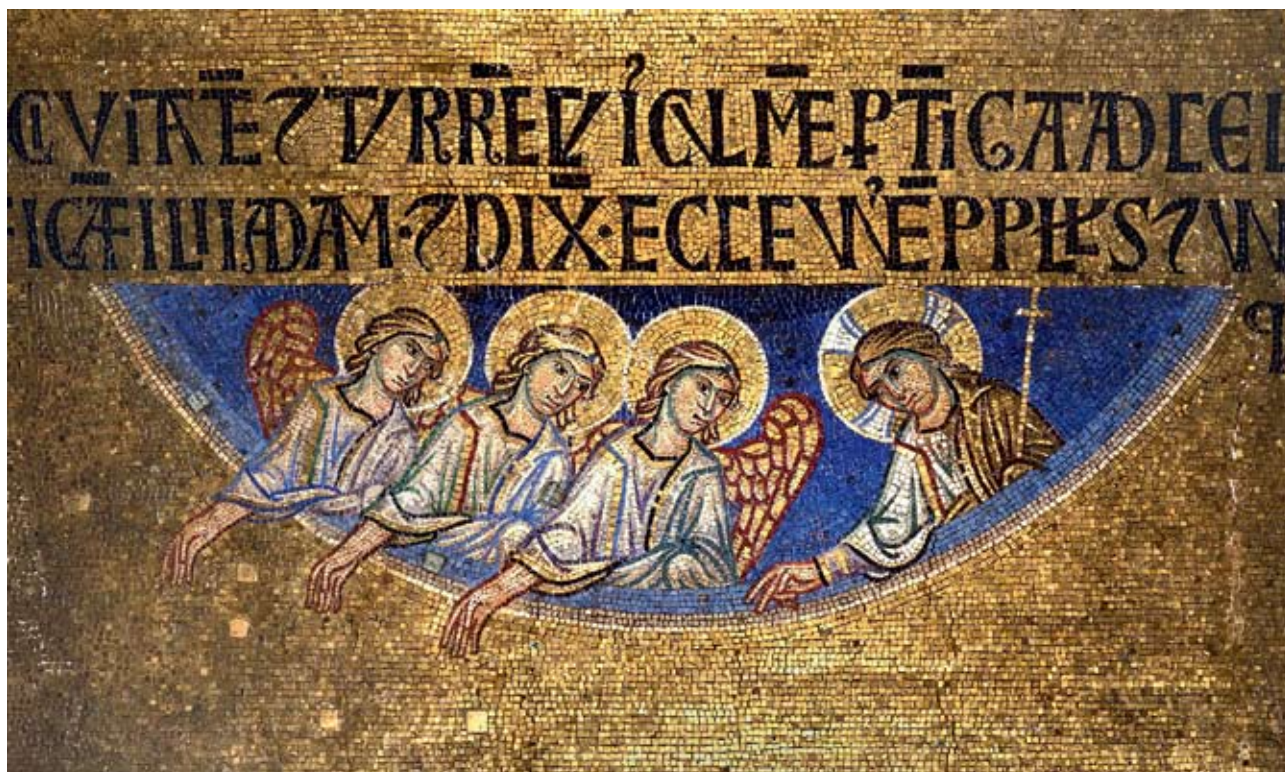
молитве, выходящих из монастыря. Моя речь сводится к церковному, монастырскому служению этому языческому миру, этому обезцерковленному, обывательскому христианству.

Не усматривайте, прошу вас, в моих словах никакой критики, и не ищите в них каких бы то ни было реформаторских проектов. Сам дух новаторства, реформации и революционности в корне чужд и противен моему церковному сознанию. Это просто думы, тихие и грустные думы о судьбе тех, кто взыскует сочетать монашество и науку, книгу и молитву, библиотеку и благочестие.

Инок одного известного монастыря недоумевали, зачем было одному их ученому собрату, такому вот именно заблудившемуся в их среде ученому мужу, зачем ему было нужно читать св. отцов в греческом подлиннике, «когда есть русское собрание их творений».

Другому ученому мужу не без труда удалось получить от о. игумена записку к о. библиотекарю с разрешением «поработать в библиотеке». Благостнейший о. библиотекарь и выдал ему тряпку перетирать полки и книги. На запрос, что нужны книги для чтения, было отвечено недоумением: «какая же это работа книжки читать?.. Это не работа, а блажь и пустое дело».

Эту печальную сторону нашего монашеского устройства чувствовали уже давно многие наши иноки, ученые и ценители учености и науки. Делались попыт-

Христос-Логос и ангелы. Италия. Венеция. Собор Святого Марка. XI в.

ки придти этому на помощь, об этом говорили и писали, но эти попытки были и остались только случайными порывами наших лучших умов. Нельзя, конечно, замолчать и тех отрадных исключений, которые скрашивали общий серый тон. Нельзя не вспомнить работу Оптинских иноков по переводу и изданию некоторых аскетических творений свв. отцов. Работа эта вдохновлялась славянофилами и митрополитом Филаретом и объединила некоторые культурные силы: Киреевских, Шевырева, о. Климента Зедергольма. Нельзя не вспомнить миссионерских переводных трудов наших духовных миссий, японской, китайской, урмийской и др. Издательством занимались иногда и некоторые другие обители, но это не было во первых научной работой, не подымалось выше уровня популярных, душеспасительных листовок для народа, и во-вторых не объединяло ученых сил иночества. Концентрация этих сил не была проведена, потому что ученый инок в наших условиях церковного быта всегда призывался к церковно-административному служению. Чистой ученой работе почти никто из наших монахов-академиков себя не мог посвятить. Ему не давали вырасти и развернуться в настоящего ученого в западном смысле этого слова. Церковная власть больше ценила, и Синоду больше был нужен кадр архиереев, чем орден ученых монахов. И понятно, что архиерейство не способствовало ученым трудам. Заботы по епархиальному управлению поглощали все время. Приходится просто изумляться, как могли писать свои труды такие выдающиеся наши иерархи, как Порфирий Успенский, Филарет Гумилевский, Макарий Булгаков, Сильвестр Малеванский,

Сергий (Спасский, автор «Месяцеслова»). Это были подвижники и страдальцы науки.

Нельзя забывать, что в общей системе церковного строительства и управления просвещение и богословская да и всякая вообще наука необходимы, полезны и благословенны. Наука, такой же подвиг; просвещение такое же служение; это общее дело, что, выражаясь по-гречески, означает «литургия». Служители и строители церковной культуры ничем не меньше аскеты, подвижники, мученики чем рядовые священники, служащие Богу и людям и монахи, занимающиеся для своего спасения молитвою, и физическим трудом. Вот что писал когда-то преосв. Алексей (Лавров), архиеп. Литовский и Виленский, сам б. профессор Академии о двух выдающихся ученых своего времени, о двух светочах Московской Духовной Академии, прот. Л. В. Горском и проф. П. С. Казанском: «Это два ученые аскета, для науки отрeksiеся от всех радостей, даже самых чистых и благословенных, отрeksiеся однажды, но навсегда, и уже не зревшие вспять. Жизнь для науки, жизнь для знания, жизнь для труда, жизнь, для передачи их знаний другим учащимся поколениям — вот их жизнь, жизнь высокая, жизнь самоотверженная, жизнь не для многих достигаемая. Весь век сидеть за книгой, весь век писать, — как это скучно, как это сухо, скажут иные из нас, временно-обязанных ученых; и однако же вот люди, весь век учившиеся, весь век сидевшие за книгой, весь век писавшие, и не находившие ни скуки, ни сухости в своем деле» («Правосл. обозрение», 1878, март, стр. 485-494). Нужны не только монастыри, издающие благочестивые брошюры и печатающие бо-

гослужебные книги. Нужна селекция самих научных сил в монашестве. Нужно охранение ученых работников в обителях. Нужно в монашестве дать возможность жить и творить не только людям просто благочестивым, но и культурным, и желающим сочетать свою просвещенность с молитвой и с традиционным укладом монашеского быта. Нужен монашеский ученый орден. Богословской науке надо не только учить, в нее надо посвящать. Надо уметь ценить святость научного подвига, возвышенность служения книги. Кстати о книге. Вот что говорит один из исследователей ученого бенедиктинского монашества: «Любовь к книге — вот одна из характерных особенностей истинных монахов. Книги суть их вожди, их учителя, их утешители. И они, эти монахи, спасли эти книги, умножили их, и то ценою каких трудов, какого терпения, какого упорства, какой преданности...» (*Dom Ursmer Berliere. "L'ordre monastique des origines au XII siecle" Abbaye de Maredsous. 1924. p. 136*) Эту нужду в координации и концентрации культурных иноческих сил все же почувствовали и у нас. Перед Московским поместным собором 1917 г. встал и был предreshен вопрос о создании одного такого ученого монастыря, где бы были сосредоточены ученые работники. Революция этому не способствовала. Русская церковь культурно раздробилась и дезорганизовалась. Надолго ли? Этого нам знать не дано. Но, несмотря на это, встает этот вопрос, перед нами, и не только не теряет своей остроты, но и еще больше и больше его приобретает. Православию нужны не только единичные ученые монахи, такие уникалы встречалось и раньше

в наших иноческих вертоградах, и глохли в них. Нам нужен монашеский ученый орден. Нужно отбирать в этой среде лучшие культурные силы, не противопоставлять творчеству — спасение, и не чураться соблазна книги. Такие православные доминиканцы и бенедиктинцы, конечно, не цветом и покровом рясы должны отличаться от прочих своих собратьев, по истинным духовным просвещением, чтобы стать подлинным зеркалом духовным, одним из «вторичных светов». Они должны отдаться науке и быть способными работать в сфере просвещения, быть свободными от хозяйственных послушаний, материального благоустройства и административного соблазна. Жизнь сама собой

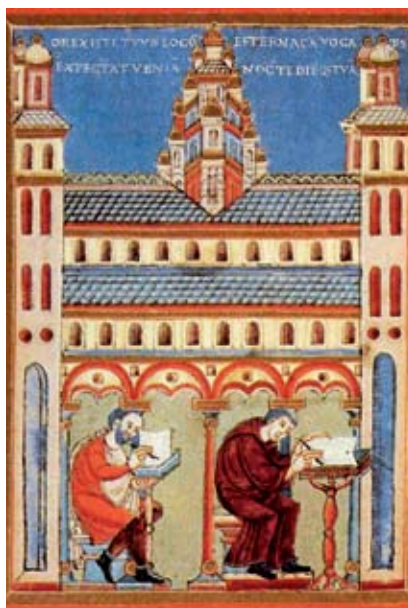
придала отдельным монастырям их индивидуальную физиономию. Обители отличались по своему укладу и внутреннему духовному климату. Известна пословица: «кто суров — тому Саров, кто упрям, тому — Валаам, кто жаждет духовного опыта, тому — Оптиная». Вот только не было уголка тем духовно-культурным инокам, которые на себя приняли вместе с помазанием науки и ангельскую схиму. Они — бездомны.

К чему конкретному сводится вопрос? Речь идет вовсе не о том, чтобы всех, желающих спасаться в монашестве обратить в ученых вопреки их воле и поставить диплом условием для пострижения. Как раз наоборот! Ученым богословам или философам, желающим сочетать свою ученость с монашеством, дать условия монашеской жизни, чтобы себя не чувствовать в ней изгоем, дать возможность творить, читать, писать не только в миру, но и в монастыре. Дать возможность совместно жить и работать тем, кто в себе чувствует любовь и к книге и ко храму, к науке и к благочестию, кто хочет и творить и спасать душу.

Вряд ли Русская Православная Церковь воссоздается в размерах и в стиле дореволюционного времени. Вряд ли восстановятся те свыше 800 русских обителей, которые покрывали собой лицо нашей родины. Но, о! если бы даже из 50 или 100 обителей, каких хотите: общежительных, штатных, скитских, нищенствующих, затворнических, деятельных, все равно, — хоть бы одна была настоящим ученым монастырем! Т. е. таким местом духовной жизни, где бы насельники его не были бы гносимахами, где они могли бы посвящать жизнь свою науке, кто хочет и

учить и учиться, читать, переводить, толковать, писать, просвещать, словом, быть ангелами света и просвещения, зеркалом духовным, участником таинственного светолития, звеном мистической «золотой цепи», утвержденной в Боге и неудоборазрываемой. Чудна и чудесна эта цепь из трех звеньев: миряне — иноки — ангелы.

Создание ученого монашеского ордена есть не только поэтому вопрос церковно-прагматический, вопрос экономии, т.е. использования творческих сил, но и вопрос об осуществлении в жизни Церкви одной из догматических истин Православия, а именно об ангелах, как вторых светах Божества. ♦

**ВОТ ТОЛЬКО НЕ БЫЛО
УГОЛКА ТЕМ ДУХОВНО-
КУЛЬТУРНЫМ ИНОКАМ,
КОТОРЫЕ НА СЕБЯ
ПРИНЯЛИ ВМЕСТЕ
С ПОМАЗАНИЕМ НАУКИ
И АНГЕЛЬСКУЮ СХИМУ.**

ОНИ — БЕЗДОМНЫ
архимандрит Кирилан (Керн)

<http://monasterium.ru/>

Официальное периодическое издание
Синодального отдела по монастырям и монашеству
№ 2[26] февраль 2016 г.

Свидетельство о регистрации
СМИ ПИ ФС 77-57229 от 12 марта 2014 г.

Без возрастных ограничений

Учредитель — Религиозная организация
«Синодальный отдел по монастырям
и монашеству Русской Православной Церкви»

Фото: Даниил Африн

Главный редактор — игумен Петр (Еремеев),
наместник Высоко-Петровского
ставропигиального мужского
монастыря г. Москвы

Выпускающий редактор — Сергей Кириллов
Редакция:

Михаил Первушин
Христина Полякова
Дарья Гордиенко
Даниил Африн
Лидия Чуплыгина (дизайн и верстка)
Ирина Володина (корректор)

Авторы:

Мария Романова
Людмила Волкова
Анастасия Михалос
Ольга Ковалик
Елена Балашова
Артем Сериков
Юлия Гойко
Алексей Скрипин

Иллюстрации: Дарья Майская

Распространение и подписка:
Александр Свалов
Александр Казаков
тел.: 8 (495) 796 14 95, 8 (495) 624 34 81
эл. почта: mon.vestnik@gmail.com
28petrovka@gmail.com

Адрес редакции: 127051,
Россия, Москва,
ул. Петровка 28/2,
Высоко-Петровский
ставропигиальный мужской
монастырь г. Москвы
e-mail: mon_vestnik@mail.ru

Тираж 4000 экз.
Отпечатано APCPublishung,
127550, Москва, Дмитровское ш., 45

СВ
ОД
ОУ

СЕРГІЙ
✙

БРАТІЕ ВМ
НАЙТЕ СЕ
БЕ ИМѢТИ
ЧИСТОТУ
ДУШЕВНУЮ
И ТѢЛЕС
НУЮ

Монастырский вѣстникъ

ГДЕ КУПИТЬ ЖУРНАЛ

г. Сергиев Посад
Свято-Троицкая Сергиева лавра

г. Москва
Данилов монастырь
(ул. Даниловский Вал, 22)
Заиконоспасский монастырь
(ул. Никольская, 7/9)
Высоко-Петровский монастырь
(ул. Петровка, 28/2)
Зачатьевский монастырь
(2-й Зачатьевский пер., 2)
Богородице-Рождественский монастырь
(ул. Рождественка, 20)
Покровский монастырь у Покровской заставы
(ул. Таганская, 58)
Новоспасский монастырь
(Крестьянская пл., 10)
Московское подворье Спасо-Преображенского
Валаамского монастыря
(ул. 2-я Тверская-Ямская, 52)
Магазин православной литературы «Сретение»
(ул. Большая Лубянка, 17)
Православный магазин «Риза»
(ул. Красноармейская, 2/4)
Магазин «Троицкая книга»
(2-й Троицкий пер., 6/9)
Храм Христа Спасителя
(ул. Волхонка, 15)
Богоявленский Кафедральный собор в Елохово
(ул. Спартаковская, 15)

Калужская область
Казанская Амвросиевская женская пустынь
(Козельский район, Шамордино)
Введенский мужской монастырь Оптиная пустынь
(г. Козельск)

г. Санкт-Петербург
Воскресенский Новодевичий женский монастырь
(Московский просп., 104)
Иоанновский женский монастырь
(наб. реки Карповки, 45)
Свято-Троицкая Александро-Невская лавра
(наб. реки Монастырки, 1)
Санкт-Петербургское подворье Спасо-Преображенского
Валаамского монастыря (Нарвский просп., 1/24)

БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

Теперь журнал можно купить
в магазине Библио-Глобус:
Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1

